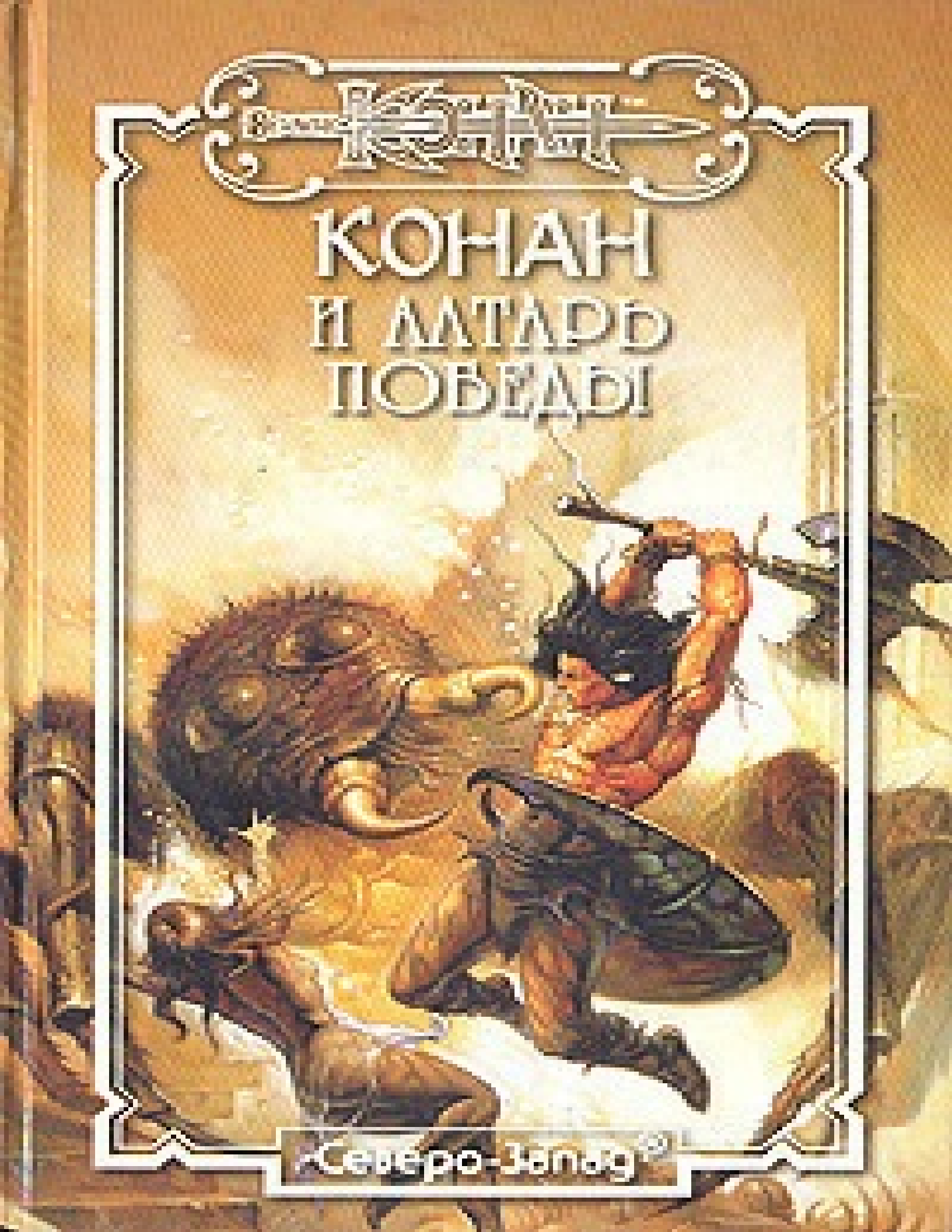
Роберт Говард

КОНАН
И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ



Северо-Запад

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад Пресс», 1997, том 36 «Конан и Алтарь Победы»
Грегори Арчер. Алтарь победы (повесть), стр. 5-286

- Грегори Арчер
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая

Грегори Арчер
Конан и алтарь победы
(«Северо-Запад Пресс», 1997, том 36 «Конан и Алтарь Победы»)

Пролог

Находясь с посольством в королевстве Аквилонсколе, я был не единожды удостоен чести беседовать наедине с величайшим и могущественнейшим королем Конаном, который вдобавок к прочим достоинствам, коим несть числа и кои известны из многочисленных рассказов о деяниях сего мужа, показал себя еще и прекраснейшим собеседником.

Однажды, среди прочего, я спросил короля Конана:

– Ваше величество, ваш путь к владычеству Аквилонией был труден и изобиловал приключениями, кои не выпадут на долю и сотне отважных воинов, всю жизнь проведших в поисках чести и славы. Но было ли среди них такое, что памятно вам более других?

Великий король Конан ненадолго задумался и ответствовал:

Трудный вопрос ты задал. Память моя хранит все, что я прошел и испытал. И все для меня одинаково дорого и важно. Однако правда твоя, было одно приключение, которое вспоминаю я чаще прочих. Гиль-Дорад… Нет, то приключение было не опаснее прочих, не труднее иных, но… Но, бывает, подчас я жалею, что…»

На этом отчет посла Гиркании обрывается. Остальное сгорело во время пожара в Александрии, когда погибла почти вся Великая библиотека, в бесценных книгах которой хранилась история Хайборийской эры…

Глава первая

Когда прочная дубовая дверь распахивалась — звякал бронзовый колокольчик, и сидевшие за деревянными столами трактира «Пьяный вепрь» оборачивались, чтобы посмотреть, кто перешагнет через порог. Взгляды были настороженные и одновременно любопытные. Но настороженность исчезала, когда, оглядев новых гостей с головы до ног, люди убеждались, что это не городская стража пожаловала с облавой и не состоящие на службе у той же стражи переодетые доносчики, которых здесь моментально распознавали, под кого бы те ни вырядились. Правда, подобных посетителей редко заносило в «Пьяный вепрь», разместившийся за городскими стенами неподалеку от богатого города Шадизара. Лишь суровый приказ или огромная награда, назначенная за поимку какого-нибудь особо отличившегося разбойника, могли выгнать стражников за городские ворота. А из доносчиков только молодой и неопытный, чересчур отчаянный или уж совсем глупый и самонадеянный отваживался войти в этот трактир, о чем, если оставался в живых, жалел до конца своих дней.

Так что, обернувшись на звук колокольчика к предусмотрительно освещенному факелами входу, посетители, как правило, сразу же успокаивались и убирали ладони с рукоятей мечей и кинжалов. И в глазах их оставалось одно любопытство. Если не признавали в вошедшем завсегдатая этих мест, которого обычно приветствовали радостными возгласами и зазывали к какому-нибудь столу, тогда внимательно и спокойно разглядывали незнакомца: кто ж ты такой будешь?

Большую часть публики, заполнявшей по вечерам «Пьяный вепрь», составляли те, кого так боялись купцы, знать и просто честные люди,— воры, разбойники, наемники-головорезы, городские попрошайки, проститутки и оборванцы. Вдобавок ко всему тут постоянно околачивались странствующие фокусники, именующие себя великими магами и волшебниками, продавцы чудодейственных снадобий, знахари, лекари — в общем, шарлатаны всех мастей. И несмотря на то, что встреча с этими людьми никому не сулила ничего хорошего, в «Пьяный вепрь» без страха заходили законопослушные жители городских предместий и даже горожане — пропустить кружечку-другую крепкого дешевого вина и поболтать о том, что творится в Шадизаре, в Заморе да и на всем белом свете.

Зачастую в этом трактире останавливались на ночь купцы. Они знали, что в «Пьяном вепре» и в его окрестностях действует закон, которому, в отличие от королевских указов, все подчинялись беспрекословно: на этой территории запрещались грабежи, воровство, драки, убийства и мошенничество. С нарушителями расправлялись жестоко и беспощадно. Преступными делами можно заниматься и в городе, а привлекать внимание властей к любимому месту отдыха не следует. Случись что — и в один прекрасный день сюда мог нагрянуть отряд королевских войск и снести с лица земли не только этот трактир с устрашающим названием, но и всех тех, кто в нем окажется.

Впрочем, название трактира никого не устрашало. Последнего вепря — не то что пьяного, но хотя бы дохлого — в этих местах не встречали лет сто. Да и откуда ему было взяться среди сухих степей Заморы, если даже самый густой лес в этой местности теперь медленно умирал, отступая перед натиском бесплодной равнины?

* * *

Как гласит легенда, давным-давно, когда пуща простиралась на многие и многие лиги вокруг, а город воров был всего лишь крошечным поселением, неподалеку от этих мест на некоего деревенского жителя, несшего в Шадизар бочонок браги, напал бешеный вепрь. Недолго думая, крестьянин бросил драгоценную ношу и вскарабкался на дерево. Раз за разом взъяренный кабан кидался на толстый ствол, пытаясь повалить дерево и добраться до человека, пока наконец не разбил бочонок, не напился браги и не уснул прямо меж корней злосчастного растения. Вознеся хвалу всем известным ему богам, счастливчик (имя его история не сохранила) спустился на землю и убил спящего зверя.

Надо заметить, лесная встреча принесла крестьянину удачу: за мясо вепря, обильно приправленное душераздирающим рассказом о смертельной схватке безоружного человека с пятью гигантскими кабанами, он выручил втрое большую сумму, нежели собирался заработать на продаже браги…

Как это часто бывает, сия легенда не умерла — напротив, она обросла красочными подробностями и пополнилась захватывающими эпизодами. Поэтому Хоорс, открыв у обочины Большого Тракта питейное заведение, даже не сомневался, как его назвать. (Хоорс не был коренным заморийцем. Белокурый, с непривычным для уха местного жителя именем, он много лет был изгоем, пока наконец не открыл свое собственное, весьма доходное дело, снискав-таки уважение обитателей Шадизара.)

*** * ***

Вновь звякнул бронзовый колокольчик, и в свет факелов через порог шагнула высокая фигура, закутанная в линялый засаленный плащ. Из-под седых, закрывавших пол-лица косм в трактирный сумрак вглядывались горящие странным, каким-то сумасшедшим огнем глаза.

— Аграмон! — Вошедшего узнали.— Давай к нам!

— К нам, к нам присаживайся! — послышалось из другого угла, а потом и из-за каждого стола.

Новый гость не спешил и молча озирался.

— Аграмон! — раздался еще один — женский голос. На бородатом лице старика появилась добрая, почти детская улыбка: он увидел устремившуюся к нему навстречу белокурую девушку.— Аграмон, где же ты пропадал? — Она взяла старца за руку.

— Странствовал,— продолжая улыбаться, ответил гость.

— Пойдем скорее, расскажешь что-нибудь.— И Луара, дочь хозяина трактира «Пьяный вепрь», повела старика к столу.

*** * ***

Беспутная трактирная публика жаловала людей, подобных Аграмону,— бродячих сказителей, песнопевцев, рассказчиков легенд, преданий и достоверных историй. Их угощали вином, кормили и с удовольствием слушали их песни и сказания. Кто-то верил, кто-то не верил в

правдивость историй, полных черного колдовства, подвигов великих героев, кровавых сеч, деяний белых магов, таинственных далеких стран с необыкновенными жителями и странными обычаями… Главное, чтобы спето и рассказано было интересно, тогда этим рассказам жадно внимали и потом еще долго обсуждали за нескончаемыми кувшинами вина.

Аграмон выделялся среди собратьев по ремеслу.

Когда он приступал к своим повествованиям, его обычно неуверенный, спотыкающийся старческий голос превращался в плавную завораживающую речь, глаза полыхали, как раскаленные угли, он преображался, казалось, молодел, наливаясь некоей внутренней силой. И слушателям мерещилось, будто обшарпанные, грязные трактирные стены превращаются в стены замков и дворцов или же будто их окружают пустыни, горы и леса, а они сами находятся в центре удивительных событий: на их глазах совершаются превращения и жуткие жертвоприношения, грохочут грандиозные битвы, и мерзкий дракон простирает к ним свою когтистую лапу… Видения бывали настолько правдоподобными, что некоторые слушатели кричали, вскакивали со своих мест, размахивая мечом, выбегали прочь из трактира, и случалось, самые жестокие и безжалостные рыдали навзрыд. Но вот Аграмон смолкал, чудесное затмение, насылаемое его голосом, рассеивалось, и люди вновь оказывались на деревянных лавках за грубыми, неотесанными столами в пропахшем вином и жареным мясом «Пьяном вепре»…

Своим почти волшебным даром Аграмон мог бы снискать славу и, значит, заработать немалые деньги в домах знати, у их скучающих обитателей и, особенно, обитательниц, но почему-то он предпочитал общество оборванцев и нищету.

Луара помнила Аграмона с самых первых лет своей жизни. С тех пор — а ей недавно исполнилось шестнадцать — старик совсем не изменился. Когда он, возвращаясь из странствий, задерживался на день-другой в «Пьяном вепре», она заслушивалась его рассказами, требуя еще и еще, и потом неделями, а то и месяцами наполовину жила в этом мире, а наполовину в том, что создал для нее Аграмон. Она ходила точно во сне, говорила сама с собой… Ныне, став красивой девушкой, она утратила былую впечатлительность, но любовь к странному старику и его сказаниям осталась.

Последний раз сказитель заходил в трактир год назад. Луара по нему соскучилась, поэтому сразу потащила за стол, горя нетерпением услышать какую-нибудь удивительную историю.

Они подсели к компании из трех человек, двоих Луара знала хорошо. Она вообще хорошо знала завсегдатаев отцовского заведения. Все свои шестнадцать лет она прожила при трактире, а с десяти лет, когда от укуса змеи умерла ее мать, помогала отцу обслуживать посетителей. За последний год Луара расцвела, превратилась в писаную красавицу, и это привлекало в «Пьяный вепрь» мужчин не меньше, чем отсутствие стражников.

Некоторые из мужской братии задумывались о том, что ради такой девушки, да еще дочери преуспевающего трактирщика, можно оставить ремесло вора или разбойника, остепениться, завести семью. И, кто как мог, они стремились привлечь ее внимание: одни щеголяли остроумием, другие хвастались своими подвигами сомнительной достоверности, третьи, когда случалось сорвать куш и не попасться, осыпали подарками. Но главное, все они оставляли много денег (бывало — до последнего гроша) не где-нибудь, а в «Пьяном вепре», а потому отец Луары не препятствовал ее общению с нетрезвыми посетителями, имеющими, мягко говоря, дурную репутацию. Разумеется, он и сам присматривал за дочерью, и наказал сыну, старшему брату Луары, глядеть за ней в оба — ведь, невзирая на запреты, от его разгоряченных вином отчаянных клиентов можно было ожидать любых выходок. И если бы кто-нибудь вознамерился прикоснуться к Луаре, то ему тут же довелось бы познакомиться с увесистой дубиной, всегда находящейся под рукой у папаши-трактирщика, или с каменными кулачищами брата Хорга, который зарабатывал на жизнь ремеслом кузнеца и, если не был занят у горна и наковальни,

проводил время за трактирным столом со своими многочисленными друзьями.

А сердце Луары, хоть ее тело и созрело для любви, до недавнего времени оставалось холодным и не трепетало от знаков внимания местных красавцев, что, конечно, не мешало ей принимать подарки и искренне, в силу природной жизнерадостности, приветливо улыбаться гостям. До недавнего времени…

Месяц назад Луара почувствовала, что в ней пробудилась женщина, которой нужен храбрый, уверенный в себе мужчина, нужны его сильные руки, заковывающие в объятия и уберегающие от всех невзгод, нужно мускулистое тело, прижимаясь к которому чувствуешь себя спокойной и счастливой.

Новое чувство нахлынуло внезапно, как только в трактире появился он, этот северянин, варвар, уроженец далекой Киммерии. Он сразу привлек ее внимание, хоть и одет был, как и большинство из тех, кого Луара видела вокруг себя: стоптанные, запыленные сапоги, заношенное, видавшее виды платье с широким кожаным поясом, на котором висели потертые ножны с кинжалом. За спиной в других, совсем уж старых ножнах он носил прямой длинный, очень тяжелый и острый как бритва меч.

Но под одеждой не спрячешь огромный рост — редкость У зрелых мужчин из здешних краев. Варвар сразу выделялся в любой толпе. А еще он был наделен невероятной силой: тело, словно канатами, опутанное мышцами, широкий разворот плеч, бычья шея… Несмотря на молодость — а было ему от силы лет девятнадцать — киммериец казался много старше своих сверстников-заморийцев и, судя по всему, многое повидал на своем веку: шрамы и рубцы изрисовали его тело, словно татуировка,— не каждый ветеран мог похвастаться таким числом свидетельств о прошлых боевых похождениях. Несколько шрамов легло и на его загрубевшее, загорелое, привлекательное, но не смазливостью, а волевыми чертами, лицо. Длинные смоляные волосы свисали лохмами — видимо, им редко приходилось иметь дело с гребнем. Был северянин угрюм и неразговорчив, иногда по-юношески вспыльчив и несдержан во гневе. О своем прошлом рассказывать не любил. (Поговаривали, будто варвар плечом к плечу с воинами из племени эсир сражался против вониров и гипербореев, попал в гиперборейский плен, бежал и… месяц назад впервые объявился в Шадизаре.)

Таков был киммериец. Но главное, было видно, что в нем таилась недюжинная сила и необузданная энергия. Варвар производил впечатление победителя, и это влекло к нему многих, особенно женщин. И это разбудило женщину в Луаре.

Северянин стал частым гостем в «Пьяном вепре», быстро сошелся с местной публикой. Вскоре все узнали, что он зарабатывает на жизнь воровством, но здесь это, разумеется, никого не удивило и, тем более, не возмутило. И Луару тоже.

Каждый вечер Луара ждала северянина, выбегала на каждое позвякивание колокольчика, а когда варвар появлялся, старалась быть поближе к нему и всякий раз придумывала повод, чтобы подсесть за его стол. А когда киммериец уходил с какой-нибудь жрицей продажной любви (что случалось нередко), Луару мучила смертельная ревность, она не могла сдержать слезы и придумывала для ненавистной «соперницы» изощренные пытки. Конан — именно так звали варвара — похоже, не видел в Луаре женщину. Он относился к ней, как к милой, веселой дочери трактирщика, но не более. И это бесило девушку.

Луара подвела старика Аграмона как раз к тому столу, за которым сидели Конан и двое его собутыльников — Лион, конокрад и весельчак, и незнакомый ей человек, одетый, как обычно наряжаются странствующие маги, во все черное. Старик и Луара сели с краю.

— Здорово, Аграмон,— узнал старца Лион.— А я думал, ты уже на небесах, морочишь богам голову сказками про похождения, о которых они и сами не помнят.

Конан и незнакомец рассмеялись.

— Тебе, Лион, не дожить до моих лет,— ответил Аграмон, отламывая кусок от протянутой киммерийцем хлебной лепешки и принимая глиняный стакан с вином.— Когда-нибудь ты подшутишь не над безобидным стариком, а над тем, кто не прощает насмешек.

— Нет, на небеса мне еще рано: есть у меня одно незавершенное дельце… Вот Конан говорит, что не умрет, пока не станет королем, а я говорю, что не помру, пока не уведу вороного иноходца из конюшни коринфского шаха Аль-Рияда. Я как-то видел их на прогулке — ну, коня и шаха. Что за конь! Песня, а не конь! Украду, а там хоть в ад!

— А говорят,— вступил в разговор Конан,— у этого шаха и гарем не хуже конюшни. Вот куда бы пробраться как-нибудь ночью…

Луара закусила губу. Потом решительно вмешалась в разговор:

— Я хочу послушать Аграмона. Расскажи что-нибудь!

Но сказителя опередил человек в черном:

— Знаю, что он расскажет. Нынче все эти говоруны болтают только об одном. О Гиль-Дорад. Словно помешались все!

— Не обижай старика, незнакомец,— резко оборвала гостя Луара.

— Я не обижаюсь,— возразил Аграмон.— И, если хотите, расскажу о Гиль-Дорад.

Ты что, был там, откуда еще никто не возвращался? — презрительно фыркнул незнакомец.

— И да, и нет.

— Что за чушь!.. Впрочем, я забыл, что морочить голову людям — ваше ремесло.

— Да и твое тоже, Бел тебя побери. Ты такой же маг, как я — король Аквилонский,— заметил Конан, и все рассмеялись.

Маг лишь махнул рукой.

— Ладно, согласен, все мы хороши. Валяй, старик, плети свою паутину. Объясни нам, как отыскать эту твою Гиль-Дорад.

*** * ***

Слухи о Гиль-Дорад поползли по городам и странам года два назад. Как и прочие новости и сплетни, их успешно разносили по миру странники всех мастей. Неизменным успехом пользовались рассказы о стране, где царят покой и блаженство, где люди ведут жизнь подобно богам, не нуждаясь ни в чем, предаваясь лишь удовольствиям, коим несть числа, и не зная ни войн, ни болезней, ни грабежей, ни убийств. Называлось и точное местоположение этой страны, причем расхождений в указаниях не было. Гиль-Дорад, дескать, лежит там-то и там-то. И это вселяло веру. Появлялись люди, рискнувшие идти в те края, на поиски волшебной страны.

Они уходили, и никто из них не вернулся. И люди верили, что ушедшие нашли Гиль-Дорад, обрели счастье, о котором мечтали. А кто же оставит обретенную мечту ради этого злого, кровавого, полного слез и болезней мира? Все больше и больше становилось тех, кто отправлялся на поиски земного рая. Паломники кочевали из страны в страну, из города в город, собирая всех желающих идти с ними в Гиль-Дорад. Желающих было хоть отбавляй — они устремлялись на восток, туда, где им предстояло обрести покой и блаженство… Больше их никто не видел. А во всех уголках обитаемого мира, на всех языках и наречиях продолжали взахлеб рассказывать о Гиль-Дорад.

* * *

И вот зазвучал голос, заставивший утихнуть трактирный гомон. И вслушиваться, и сопереживать…

— Я вижу то, чего никогда не увидят другие. Я слышу то, что никогда не услышат другие. Но я стар и немощен. Я не могу дойти до этой страны ногами, зато я могу дойти до нее в своей душе. И, как путник зовет товарищей в дорогу, я зову вас с собой. Чем сильнее страдал от жажды, тем живительнее покажется вода. Чем длиннее путь, тем отраднее отдых. Самую большую награду можно получить, лишь преодолев самые невообразимые опасности. И войти в самый счастливый край этого мира можно лишь пройдя через самый жуткий край, который только может представить себе человек, край, пропитанный смертью. Однако награда будет велика, самая большая награда, дарованная людям богами.

Я отправляюсь в путь. Я знаю, что он невыносимо долог. Я предчувствую, что меня поджидает Зло. Но я иду в его владения. Мой дух недоступен ему.

Мой дух проносится над безводными пустынями, где под палящими лучами солнца плавится даже песок… сквозь ядовитые туманы болот, где нет ни кочек, ни тропок… над водами бездонных морей. Мой дух несется сквозь горы, уходящие в облака отвесными стенами, сквозь леса, не пропускающие внутрь себя ни лучика света. И я знаю, везде — в болотной жиже и в зыбучих песках, на горных кручах, в морях и в лесах дремучих — везде затаилось Зло. Оно многолико: кровожадные твари, не знающие жалости демоны, черные маги, алчущие человеческих жертв для своих гнусных богов, и еще многое и многое, что невозможно выразить словами.

Но бесплотный дух мой неподвластен Злу, и я несусь дальше, не желая более вглядываться в месиво черных сил подо мною, ибо от одного вида их в тебя вселяется страх, и ты забываешь, что неуязвим…

Я вырываюсь из мрака. Я попадаю в свет. Передо мною лежит Гиль-Дорад. Я вижу людей, купающихся в счастье. Рот, кто стремился быть богатым, нашел здесь несметные сокровища. Тот, кто хотел властвовать, получил власть. Тот, кто мечтал о бесконечных любовных утехах, обрел их. Больные излечились, голодные насытились. Женщины рожают здоровых детей, а их мужьям незачем убивать друг друга.

Я вижу зеленые сады, окружающие прекрасные строения, подобные дворцам. Я слышу пение сладкоголосых птиц и беззаботный смех. Я хочу остаться здесь, но не могу. Я должен возвращаться. Я лечу назад.

* * *

Еще долго тишина царила в мрачных стенах «Пьяного вепря».

— Умеешь, старик, умеешь,— первым нарушил благоговейное молчание незнакомец в черном.— Скольким же бедолагам ты так задурил голову, что они спятили и кинулись на поиски несуществующей страны? И где они ныне? Чую, их черепа уже побелели на кольях в какой-нибудь дикарской деревне…

— Неужели, старик, ты веришь, что твоя волшебная земля действительно существует? — в

тон ему спросил Конан.

— Существует, северянин.

— Чушь! — фыркнул незнакомец.— Нет ее. А вот я скажу, где надо искать Гиль-Дорад. Она всегда рядом — в вине. Пьешь — и забываешь обо всех болячках и неудачах. Верно, Конан?

— Ты прав,— усмехнулся киммериец.

— Еще кувшин вина! Я плачу.— И маг высыпал на стол горсть монет.

Луара не сразу поняла, что от нее хотят,— она тоже погрузилась в мечтания о беззаботной жизни, которая, возможно, ждет ее в Гиль-Дорад.

— Эй, кувшин вина, красавица! Просыпайся, просыпайся, не время спать!

— Ах да, сейчас…

Луара вернулась на грешную землю, вздохнув, поднялась, собрала монеты и направилась в винный погреб.

— Опять ты крутишься возле этого дикаря! — нагнал ее у двери брат,— Я же тебя вчера предупредил: ему не больше внимания, чем другим! Попомни мое слово, в один прекрасный вечер он обесчестит тебя и потом будет хохотать, рассказывая об этом своим дружкам! Кто из приличных людей возьмет тебя после этого замуж?!

— Хорг, отстань. Не видишь, я делом занимаюсь… В отличие от тебя.

— Так и знай, я глаз с тебя не спускаю.

Принесенное Луарой вино взялся разливать черный незнакомец.

«Какой, однако, противный, этот бродячий маг,— подумала девушка.— Рожа страшная, желтая какая-то… Без конца перебивает всех своими глупостями. Бедного Аграмона хочет обидеть. И вино разливает по-свински — вон, окунул грязный рукав в кружку Конана… Не надо было отдавать ему кувшин. Интересно, уйдет он когда-нибудь или нет? И зачем только Конан пьет с ним? Верно, обидеть не хочет. Конан — он сильный и добрый…»

— Луара, девочка моя, нельзя ль усталому путнику снискать ночной покой под вашим гостеприимным кровом?

— Конечно, Аграмон, пойдем. Я устрою тебя.

*** * ***

— Отец, Аграмон вернулся. Я положу его в комнате за кухней.

Трактирщик молча кивнул и вернулся к любимому занятию — созерцанию своих владений с высокого, массивного, как трон, стула рядом с посудными полками. Из-под косматых бровей смотрел он еще вполне зоркими глазами на знакомую картину обыкновенного трактирного вечера: наемник Ганз, получивший сегодня жалованье, судя по всему, собирается спустить его до последней монеты — прекрасно! А вот Килия вместо того, чтобы спаивать клиентов, опять напивается и, значит, вновь не сможет нынче ночью обслужить больше одного. Надо будет с ней утром поговорить, если не поймет — выгоним. Конан совсем захмелел — хм, впервые вижу его таким, а говорили, любого перепьет…

Луара показала старику-сказителю комнату, принесла ему теплую воду для омовения и уже собиралась уйти, но Аграмон остановил ее:

— Девочка моя! Кхе-кхе, я, конечно, много рассказал за свою жизнь всяких небылиц, но волшебная страна, именуемая Гиль-Дорад… она существует. Мои боги не врут мне. Ну, ступай, ступай…

Однако ни Конана, ни его собутыльников за столом уже не было. Луара растерянно оглядела зал.

— Ха-ха! Нализался твой варвар, как варвар! — услышала Луара довольный голос брата. Тот сидел неподалеку со своими дружками.— Молокосос, хоть и здоровенный. Пить не умеет!

— А где остальные? Лион и этот… бродячий маг?

— Поволокли твоего дикаря освежиться. А то он бы нам весь пол испоганил. Взял и свалился под стол. Сопляк!

«Что же случилось с Конаном?» — недоумевала Луара.

Ее словно что-то толкнуло — легкий укол в сердце заставил подойти к входной двери.

Дверь не поддалась.

Луара надавила плечом — дверь оставалась недвижимой, хотя запиралась только изнутри, снаружи никаких засовов не было. Девушка потолкала дверь еще — но безрезультатно.

— Что такое?.. Хорг! Хорг!

— В чем дело? — сразу отозвался брат.

— Иди сюда! Нас заперли!

— Не говори ерунды. Кто нас мог запереть?

— Хо-орг! — вдруг сам собой вырвался из ее груди истошный крик.

Вскочил не только Хорг, но чуть ли не все посетители трактира, однако первым рядом с Луарой оказался брат.

— Что ты орешь, дура! Уже дверь открыть не можешь? — Он с силой пнул добротные дверные доски и очень удивился, когда ничего из этого не вышло. Лицо Хорга перекосилось от бешенства.

— Да я разорву этих шутников!

И кузнец изо всех сил начал колотить по двери руками и ногами. Но тщетно.

— Что стоите пялитесь! — гаркнул он на выстроившихся позади него трактирных гуляк.— Помогай давай! Навались!

Навалились. Дверь чуть поддалась, но не раскрылась. Подбадривая друг друга криками, они вновь и вновь атаковали преграду. Наконец кто-то притащил массивную скамью. Орудуя ею как тараном, молодцы вышибли дверь и ринулись за порог, на ходу обнажая мечи и кинжалы и перепрыгивая через длинное толстое бревно, которым и была подперта дверь. Но кто и зачем их закрыл? Высыпав из «Пьяного вепря», они замерли, напряженно вглядываясь в беспросветную ночную мглу.

Следом за ними из трактира с факелом в руке выбежала Луара и сунула его брату: – Держи!

Тот поднял факел над головой, и первое, что он увидел в желтоватом свете,— распростертое на земле тело.

Вооруженные люди столпились над лежащим.

— Лион! — ахнула толпа. Неизменный гость «Пьяного вепря», беззлобный конокрад был мертв. Из его груди, как раз напротив сердца, торчала рукоять кинжала. Конана нигде не было видно.

— Вон там, смотрите! — вдруг воскликнул кто-то.— На дороге!

Действительно, в свете изредка появляющейся из-за туч луны меж сухих деревьев у обочины Большого Тракта мелькали чьи-то тени.

— За ними!

Не задумываясь о том, какая опасность может их поджидать, озлобленные подлым убийством посетители «Вепря» бросились вперед.

Луара! Ступай к отцу! — прокричал на ходу Хорг.

До Тракта было недалеко,— не успев даже запыхаться, преследователи выскочили на

пустынную ночную дорогу.

— Вот они!

Несколько закутанных в плащи человек пытались закинуть на стоящую у обочины телегу темный продолговатый предмет. Прорезая ночную тишь гневными криками, вооруженная толпа бросилась к телеге. На ее пути беззвучно «росли фигуры в плащах… послышался скрежет обнажаемых клинков… звон стали… и первые вопли раненых. Едва увидев перед собой низкорослого противника, выхватившего кривой меч, Хорг молниеносно метнул кинжал собственной ковки. Острое лезвие вошло точно в кадык неизвестного врага. Не успело бездыханное тело упасть наземь, как кузнец подскочил к нему и, одним рывком выдернув оружие, устремился дальше. В тот же миг возничий хлестнул лошадь поводьями. Заметив это, Хорг взревел и со всего духу припустил вдогонку. В несколько прыжков брат Луары догнал повозку, вскочил на нее, потерял равновесие, упал, но на землю не свалился. Он ухватился за непонятный предмет, который-таки успели погрузить предполагаемые убийцы Лиона. И тут только, бросив взгляд на то, за что уцепились его пальцы, Хорг понял, что именно увозят неизвестные: это был Конан, связанный по рукам и ногам толстыми веревками. Удивляться и раздумывать было некогда.

Кузнец на четвереньках пополз вперед, к вознице. Тот уже ждал его: то и дело оглядываясь назад, держа поводья в одной руке и сжимая что-то в другой, он был готов к неминуемой встрече. Тряска мешала Хоргу хорошенько прицелиться. А промажешь — останешься безоружным.

Кузнец чуть-чуть продвинулся вперед. Расстояние между противниками сократилось, но все же достать друг друга оружием они пока не могли. Неожиданно Хорг привстал, дико, по-звериному, заорав, метнул кинжал и сразу же прыгнул. Человек в плаще пригнулся, уворачиваясь от летящей смерти, и пропустил момент прыжка противника. Кинжал просвистел мимо, а Хорг навалился на возницу до того, как тот поднял ему навстречу свой, такой же, как у первого поверженного недруга, кривой меч.

От столкновения оба полетели с телеги на землю. Однако Хорг успел откатиться в сторону, а незнакомца переехали обитые железом, тяжелые колеса. Громко хрустнул позвоночник.

Кузнец поднялся на ноги. Он был безоружен, тогда как его валяющийся в пыли соперник свой меч не выпустил. Впрочем, он не пытался напасть на Хорга.

— Сейчас я найду свой кинжал,— спокойно сказал кузнец,— А если не найду, то удавлю тебя голыми руками.

— Такого удовольствия ты, гаденыш, не получишь,— не менее спокойно, несмотря на жуткую боль в изуродованном теле, ответил незнакомец. Хорг увидел, как он поднял меч и вонзил его себе в грудь.

Кузнец пожал плечами.

— А свой кинжал я все же найду,– сказал он самому себе — Пригодится еще. На дороге показался силуэт, освещенный колеблющимся светом факела.

— Луара! — узнал кузнец. — Ты почему здесь? Куда я тебе приказал идти?

— Где Конан? — спросила та, едва отдышавшись.

— На повозке. Она вон там остановилась, впереди. Почему ты не слушаешь, что тебе…

Но Луара была уже далеко.

— Дышит! Живой! — Донесся ее радостный крик с того места, где остановилась уже никем не подгоняемая лошадь.

А Хорг, склонившись над телом неизвестного самоубийцы, рассматривал его лицо.

— Ба! — прошептал он.— Да я ж видел тебя сегодня. Ну да, в трактире! И принял за бродячего мага…

Глава вторая

— Значит, в живых никого не оставили? — спросил Конан. Был уже почти полдень следующего дня. В распахнутую настежь дверь «Пьяного вепря» вливался солнечный свет и полуденное тепло.

На всех столах, кроме одного, ножками кверху покоились деревянные скамьи. А за тем, единственным, сидели Хорг с сестрой, Конан, Аграмон и трактирщик.

* * *

Северянин проснулся лишь час назад. Первое, что он увидел,— улыбку симпатичной молоденькой дочери трактирщика Луары и кувшин с молоком, который она протягивала ему.

— Пей, Конан, это восстановит твои силы.

— Рад видеть тебя… э-э… Луара, да? Я замечательно себя чувствую. Прекрасно выспался. И без молока полон сил. Хочешь убедиться в этом?

— Не хочет,— раздался недовольный голос вошедшего в комнату Хорга.— Лучше выпей молока, и пойдем вниз. Поговорим.

— Давненько я не начинал день с молока! — И варвар залпом осушил кувшин.

За столом Конана ждал обильный завтрак. Увидев еду, киммериец вдруг ощутил такой голод, будто он не спал всю ночь как мертвец, а сражался на поле боя… или в постели.

Луара села напротив и с умилением разглядывала великана-северянина, опустошавшего тарелку за тарелкой.

— Помнишь, что вчера-то было? — спросил трапезничающего Хорг.

Конан смущенно ответил:

— Слушай, Хорг, похоже, я хватил лишку с Лионом и каким-то магом. Ну и уснул. Что в этом необычного для заведения твоего папаши? Ты и сам, помнится, не всегда меру знаешь…

— Лиона убили,— сказала вдруг Луара и заплакала.

— Рассказывай, Хорг.— Варвар отодвинул тарелку…

* * *

— …В живых, значит, никого не оставили?

— И тел их никто никогда не найдет,— ответил трактирщик Хоорс, отец Луары и Хорга.

— Жаль. Хотел бы я с кем-нибудь из них потолковать… Как же это маг усыпил меня?

— Сонное зелье в вино подсыпал,— сказал Аграмон.

— Да, я видела, видела, как он окунул рукав в кружку Конана! Подумала еще, что он просто перепил и не замечает, что делает…

— Лиона убили, потому что он бы вступился за Конана. Но вот зачем было кому-то

похищать тебя, киммериец? Кому, по-твоему, ты мог понадобиться? — спросил Аграмон.

— Не знаю, старик, не знаю. Выяснить бы, кто они такие. Может, посланы кем-то, а?

— Ребята, конечно, прежде чем закопать, обыскали покойников. Ничего у них не было, ни гроша. Только на шее у каждого висело по такой штуковине,— Кузнец полез за пазуху и кинул на стол амулет на серебряной цепочке. Киммериец положил трофей на свою огромную загрубелую ладонь — золотой клубок змей, из которого выглядывала одна змеиная голова с высунутым из пасти раздвоенным языком и горящими рубинами в глазницах.

Тонкая работа. Не в наших местах ковали. Я-то знаю. Похоже на аргосских мастеров. Хотя я не большой знаток золотой ковки. Вот покажи мне подкову — сразу скажу, откуда она. Со всех краев их перевидал. Возьмем, например, казачью подкову…

— Подожди, Хорг. Потом. Конан, дай я посмотрю.

Великан-киммериец передал трактирщику странный талисман. Хоорс повертел его так и эдак, попробовал на зуб.

— Чистое золото. Большая редкость в наши времена. В таком виде продавать нельзя — вещица заметная. Переплавим. Цепочку выкинем — мелочовка. За это золото можно будет выручить не меньше пяти монет. Хорг, снесешь на базар меняле Макару. Он торговаться не станет — за хорошую вещь даст настоящую цену.

— Как красиво… и страшно.— Луара забрала амулет у отца.— Посмотри, Аграмон.

— Я уже не в первый раз вижу эту дрянь,— внезапно прозвучал полный едва сдерживаемого гнева голос варвара.— И мне это начинает надоедать.

— Ты и раньше встречал такой амулет? — заинтересовался сказитель.

— Да. И не однажды. Не прошло и двух дней, после того как я оказался в вашем городе. Тогда я еще не набрел на «Пьяный вепрь» и ночевал в «Веселых странниках»…

— Дрянное местечко,— счел нужным вставить трактирщик.

— Да уж, не дворец.— Конан вытер тарелку кусочком хлеба и отправил его в рот. Отодвинул посуду, облокотился на столешницу и медленно заговорил: — Возвращался я как-то туда с одного дельца. На улице — никого. Раз никого, так и бояться некого, думают некоторые. Но я — киммериец. А у нас говорят: чем тише вокруг, тем чаще оглядывайся. И не поступай я так с младых ногтей, давно бы уже был сожран могильными червями. Той ночью только я услыхал шорох откуда-то сверху, как кинжал уже был в моей руке. И меня тут же накрыла сеть — ее сбросили с крыши. Вслед за сетью вниз посыпались таившиеся там же людишки. Но пока они прыгали, я прорезал в сети дыру и просунул сквозь нее руку с кинжалом. Этого достаточно, чтобы достойно встретить ублюдков. Того, кто приземлился ближе всех, я достал ударом в живот. Тут кто-то прыгнул мне на спину. Хотел с ног сбить, подлец, но не получилось. Я стряхнул его и полоснул кинжалом по шее. Остальные замешкались, а я тем временем расширил отверстие и выбрался из сети. Ублюдки струсили и бросились наутек. Один, с дырой в животе, остался: мертвецы не бегают. Вот у покойника я и обнаружил такой амулет. Тем же вечером загнал его за ползолотого в «Веселых странниках».

— Трактирщику Феридуну? — спросил Хоорс.

— Ему.

— Ну-ну, странно, что он целый пол-золотой не пожалел. Это ж для него бешеные деньги!

— Отец! — нахмурилась Луара.— Конан еще не кончил рассказ. Он же сказал, что не единожды держал змеиный амулет в руках.

— Второй раз не держал, но видел. Кажется, именно такой. Ночую я, значит, в «Веселых странниках». В комнате на втором этаже. И сквозь сон слышу шум. Просыпаюсь, поворачиваю голову и вижу, как кто-то переваливается через подоконник. А с шеи у него амулет свешивается. Точь-в-точь как этот, я почти уверен. Хотя, конечно, могло со сна и померещиться…

— А дальше что? — Луара была само волнение.

— Дальше-то? Схватил я наглеца в охапку и выкинул в окно. Выглянул — с крыши веревка свешивается. Рванул ее. Оборвал. Мимо окна пролетел еще один наглец. Обоих подобрали с земли их дружки и уволокли куда-то. После той ночи я и решил подыскать новое место, поспокойнее. Мне подсказали «Пьяный вепрь». Так я здесь и очутился.

— Что ж тебя, как рыбу, сетью ловят? — ухмыльнулся Хорг.

— Вот оставили бы хоть одного в живых, сейчас бы все и узнали.

— Необходимо узнать.— Аграмон бросил золотой амулет на середину стола.— Я чувствую, от него исходит зло. Я не маг, но могу ощутить то, что недоступно другим людям. Здесь не обошлось без колдовства. Этот амулет излучает черную энергию… Черную энергию огромной силы.

— Быть не может! — ахнула Луара.

— Чушь! — Конан поднялся.— Если вдруг какой-то колдун решил извести меня, он бы придумал что-нибудь похитрее, а не посылал всяких недотеп с сетками или ядом. Он бы вызвал каких-нибудь демонов или превратил меня во что-нибудь…

— В крысу, например,— поддакнул Хорг.

— И вызовет,— сказитель говорил серьезно,— если ты не попытаешься опередить его.

— Некогда, старик, болтать о таких пустяках. Мало ли кто мечтает сжить меня со свету! Если здесь я не успел завести врагов, то в других местах их хватает. Просто кто-то притащился сюда по моим следам. Ну и что?

— Конан, как ты можешь оставаться таким спокойным? — В голосе девушки слышались восхищение и неподдельное беспокойство.

— После поговорим, добрая моя Луара. Пора идти. Спасибо за все. В Шадизаре меня уже давно ждут.

И Конан направился к выходу.

— Погоди!— остановил его Аграмон.— Послушай мой совет: Рано или поздно ты им воспользуешься. С силами, которые восстали против тебя, в одиночку не справиться. Надо хотя бы знать, откуда дует черный ветер и чего желает твой таинственный недруг. Но в этом городе тебе никто не поможет. Здесь нет ни одного достаточно сильного и искушенного волшебника, который сумел бы разгадать природу зла… Однако в лесу, в стороне от дорог, живет отшельник Моакст. Ты не поверишь, но он даже меня старше… Правда, я не знаю насколько. Когда-то, давным-давно, Моакст слыл великим магом и воином, посвятившим всю свою жизнь борьбе с Темными силами и приспешниками Зла… Но потом он почему-то бросил мир, ушел в лес и теперь живет в одиночестве и бедности. Если кто и сумеет помочь тебе, Конан, так это старый Моакст. Не ухмыляйся, воин, ты даже не представляешь себе, насколько велика грозящая тебе опасность.

— Ладно, старик, я запомню. Спасибо,— И с этими словами Конан вышел во двор.

Следом за порог трактира шагнул и Хорг.

— Эй, варвар, у тебя же нет лошади!

— Знаю, кузнец,— рассмеялся Конан.

— Это… Вчера Лион к нам на конюшню привел откуда-то жеребца. Он всегда прятал своих лошадей у нас. Так вот… м-м-м… возьми его.

— Думаешь, на коне я быстрее уберусь от твоей сестры? Не бойся за нее, приятель, я люблю женщин постарше. Пускай сперва подрастет… А жеребца я возьму. Лишь бы не попасться по дороге его хозяину.

— Продашь,— мрачно проговорил Хорг.

— А денежки спущу в вашем «Вепре». Тоже верно! Пошли к конюшне.

— И вот еще что…— Хорг замялся.— Ты все равно в город. Забирай эту безделицу.— Он раскрыл кулак, и лучи солнца заиграли на золотом змеином клубке.— Отдашь на базаре меняле Макару. Скажи ему, что ты от моего отца, он даст за нее пять золотых. Два твои… Тебе ведь не впервой заниматься такими делами, а я… ну… не так опытен…

Конан криво ухмыльнулся.

— Ладно, кузнец. Загляну и к меняле.

*** * ***

До города было рукой подать: миновать небольшой лесок, спуститься с холма — и дальше по прямой, через поле, к открывшемуся во всей своей красе Шадизару.

Конь оказался послушным и быстрым. Ветер трепал черные волосы всадника и рыжую гриву скакуна. За спиной седока подпрыгивал меч, по бедру била старая походная сумка.

Опустив поводья и предоставив жеребцу возможность самостоятельно продвигаться к городу неторопливым аллюром, Конан размышлял о предстоящем этой ночью Деле.

Как ему сообщил доверенный человек, на закате из Шадизара в Аренджун отправляются сборщики податей — везут в казну то немногое, что удалось собрать по окрестным селам. Охрана у этого крошечного каравана чисто символическая, поэтому ночная работа обещала быть легкой и быстрой. Это только с крестьянами сборщики податей смелы и жестоки, а попадись им на пути, да еще в темноте, настоящий воин, и вся их храбрость улетучивается, как утренний туман. Поэтому Конан и на этот раз решил действовать в одиночку: во-первых, не придется следить за подручными — как бы те не всадили кому-нибудь кинжал между ребер (Конан не любил убивать ни в чем не повинных людей, если только те сами не лезли на рожон), во-вторых, не придется делиться добычей, и в-третьих, никто не продаст, если городские власти вдруг нападут на след полуночных грабителей…

Неожиданно конь жутко заржал и встал на дыбы. Конан, никак не ожидавший подобного, не удержался в седле и полетел на землю. Падать с лошадей ему было не впервой. Перевернувшись в полете, он упал на бок и тут же откатился в сторону — подальше от бьющего копытами животного. Походная сумка слетела с плеча и валялась в дорожной пыли, как, впрочем, и меч. Конан вскочил на ноги и огляделся: что же могло так напугать жеребца? А конь, точно взбесившийся, несся прочь от места, где сбросил седока.

Вокруг не было заметно ничего странного или опасного.

Однако северянин знал, что животные гораздо лучше людей чуют опасность, и если он не увидел притаившегося неподалеку врага, то это не значит, что врага нет. Конан отметил, где лежит меч, чтобы при первой возможности броситься к нему, присел на корточки и еще раз, медленно, оглянулся, высматривая в окружающих дорогу зарослях хоть малейшее движение.

Движение он приметил — краем глаза и совсем не там, где ожидал.

— Что же это такое, Бел меня возьми,— прошептали его губы.

Валяющаяся в пыли дорожная сумка, в которой не было ничего, кроме пары серебряных монет, краюхи хлеба, четверти головы сыра, плоской фляги с вином и трофейного амулета, на глазах раздувалась, ткань ее натянулась и, казалось, вот-вот лопнет. По ней пошли волны — внутри явно что-то было, и явно живое, шевелящееся. Послышался треск рвущейся гиперборейской ткани, которую человек может разорвать изрядно поднатужившись…

И вдруг — хлопок!

Сумка разорвалась пополам, и из нее с быстротой дротика, раскручиваясь в полете, выстрелило толстое, как ножка стола, змеиное тело. Воздух прорезало жуткое шипение. На огромной голове чудовища сверкали два рубиновых глаза, меж источающих яд зубов дрожал алый язык. Тварь стремительно надвигалась на замершего в пяти шагах человека.

Другой на месте Конана вряд ли сумел бы увернуться. Но варвара спасла — как и много раз до этого — поистине звериная реакция. Мышцы ног сами собой напряглись и толкнули тело в сторону раньше, чем сознание оценило внезапную опасность. Грязно-зеленое, чешуйчатое, покрытое слизью чудовище нашло лишь пустоту в том месте, где за миг до этого находился человек. Змеиная туша шлепнулась на дорогу, но тут же из клубов пыли высоко поднялась шипящая, как три десятка обычных змей, гигантская голова со сверкающими багровым огнем глазами и завертелась из стороны в сторону, отыскивая свою жертву…

И увидела в десяти шагах от себя.

Конан уже оправился от неожиданности, отбежал в сторону и поджидал своего противника.

Теперь до меча было не добраться, из оружия у киммерийца оставался лишь острый кинжал длиной в пол-локтя. Конан сжал рукоять клинка и превратился в комок мышц и нервов, готовый к бою.

Спасаться бегством с места схватки — такое не могло прийти Конану в голову. Бросить свой меч, повернуться спиной к врагу — для сынов Киммерии нет большего позора.

Чудовищная гадина никак не меньше семи шагов в липу («И как эта тварь уместилась в сумке?» — пронеслось в мозгу Конана) подползала неторопливо, видя, что жертва не трогается с места, будто загипнотизированная блеском рубиновых глаз. И замерла в двух шагах от жертвы.

Человек и змея смотрели друг другу в глаза: спокойные, горящие голубым огнем глаза варвара и безжалостные, полыхающие багряным пламенем — рептилии. Жуткие пер. вые мгновения… Змея сделала свой бросок, метя Конану в ногу. Но мощный удар клинка, пробив чешуйчатую кожу, как гвоздем прибил гадину к земле. Не дав противнику опомниться, Конан придавил коленом бьющееся тело. Одной рукой он прижал змеиную башку к земле, а другой, выдернув кинжал из раны, принялся наносить удар за ударом.

Но длинное туловище чудовища стало опутывать киммерийца, точно канатом. Варвар почувствовал, как ледяные тиски сжимают ноги, как тело обвивает склизкая шершавая мразь. Долго сопротивляться железным объятиям было невозможно.

Рука Конана, в которой был зажат кинжал, ритмично поднималась и опускалась. Из расширяющейся рваной раны змеи фонтаном била черная, густая, с едким мускусным запахом жидкость. Но гадина все еще была жива. Еще мгновение — и варвар уступит ее железной хватке и позволит спеленать себя…

Конан издал дикий, нечеловеческий крик и, понимая, что у него осталась только одна, последняя попытка, собрал оставшиеся силы, ухватился за израненную змеиную голову и что есть мочи рванул ее вверх и вбок.

Раздался оглушительный хруст, руки Конана залила смрадная жижа, заменяющая бестии кровь, и голова змеи отделилась от тела. Варвар тут же откинул ее далеко в сторону и почувствовал, как сжимавшие его путы слабеют…

*** * ***

Останки гигантской змеи разлагались прямо на глазах, и вскоре от кошмарной твари

осталась лишь лужица черной жижи.

Конан вытряхнул из разорванной сумки хлеб, сыр, деньги, флягу… Все было на месте. Кроме, как он и заподозрил, проклятого амулета.

— Колдовство, будь оно неладно,— со злостью процедил он. Киммериец ненавидел магию и магов и всегда старался держаться от них подальше. Ему были больше по душе двуручный меч и честный поединок в открытую. Но, похоже, сейчас все-таки предстоит иметь дело с колдуном. Должно быть, старик-сказитель прав — Конана преследует кто-то из знатоков заклинаний и любителей вызывать из мрачных глубин преисподней всяческие порождения Тьмы. Что ж, придется — чтоб им всем пусто было! — оставить на время спокойный воровской промысел и разузнать, кто и зачем объявил на него охоту. Кром с ними, со сборщиками налогов,— своя жизнь дороже жалких крестьянских медяков… Где там у нас живет этот маг-отшельник?

Глава третья

Повозка остановилась около расколотого молнией дуба на обочине Большого Тракта, и мальчишка первым спрыгнул на землю. В незапамятные времена вдоль дороги неприступными стенами возвышались могучие колонны деревьев. Теперь же лес заметно поредел, иссохшие стволы тянули в небо корявые, с редкими зелеными листочками сучья-пальцы, многие деревья, не выдержав борьбы за жизнь на этой бесплодной почве, рухнули… И все же взгляд проникал в глубь леса самое большее на пять шагов, а потом тонул в царящих там вечных сумерках, путался в переплетении ветвей, терялся в частоколе толстых, поросших серым мхом стволов. Висела звенящая тишина, словно лес притаился, разглядывая незнакомцев. Лишь где-то наверху таинственно и едва слышно шумели кроны, да какая-то птица изредка вскрикивала в чащобе.

— Ну вот, приехали,— сказал возница и с сомнением поглядел на Конана.— Там, в дупле дуба, Стагир обычно оставляет ему еду… Но не думаю я, что старику придутся по душе незваные гости.— И он потрепал золотистые локоны мальчишки.

— Дядя Гарпаг просто боится за меня,— серьезно объяснил Конану парнишка.— Дикие звери и все такое…

— Гарпаг,— обратился киммериец к вознице,— без Стагира я ни за что не найду дорогу к отшельнику. А к вечеру мы вернемся сюда живыми и невредимыми. Пока со мной мой меч, никакие дикие звери не осмелятся к нам приблизиться. Не беспокойся и, главное, дождись нас.

Устремив задумчивый взгляд в глубину леса, Гарпаг в нерешительности погрыз заусенец на большом пальце и вздохнул.

— Дурное у меня предчувствие, Конан… Но я сказал, что помогу тебе, и сдержу слово. Но и ты обещай, что присмотришь за Стагиром.

— Обещаю.

— Что ж… да хранят вас боги лесов. Ступайте.

Конан помог Стагиру вытащить мешок с едой для Моакста, и, попрощавшись с Гарпагом, они двинулись к лесу. Достигнув первых деревьев, они обернулись, и Стагир весело помахал вознице.

Лес начался сразу — непролазный бурелом, страна корней и высоких сухих трав, коварных ветвей, так и норовящих уцепиться за волосы.

Кроны деревьев скрыли солнце, превратив ясное утро в поздний вечер. Заметно похолодало.

Стагир беззаботно двигался впереди Конана, с ловкостью обезьяны перепрыгивая через, скользя между, проползая под всеми ловушками сумрачного леса. А Конан пыхтел сзади, изо всех сил стараясь не отстать от мальчугана. Приходилось ему несладко. Плотная стена растительности с неохотой пропускала его огромную фигуру; меч то и дело застревал в корнях могучих деревьев, паутина так и липла к лицу, ветви, казалось, только и ждали, чтобы запутаться в пышной гриве иссиня-черных волос киммерийца…

Некоторое время Конан, стиснув зубы, мужественно терпел, но когда его нога по колено провалилась в какую-то зловонную яму, коварно поросшую сверху невинной травкой, он не выдержал и взмолился вслед мелькавшей далеко впереди фигурке:

— Стагир, подожди, я не могу за тобой угнаться! Мальчуган тут же вернулся и виновато смотрел, как с отвращением стряхивает грязь, облепившую его

— Ой, извини! Я и забыл, что ты не охотник.

— Уф…— Конан оттер пот со лба.— Зато ты, как я погляжу, чувствуешь себя в лесу как

рыба в воде.

— Ага! Я же родился здесь. Мы тут очень хорошо жили… пока в город не перебрались.

— Могу себе представить. Ни один дикий зверь, не говоря уж о простом смертном, сквозь эти дебри не проберется.

— Да нет тут никаких диких зверей! — засмеялся Стагир.— Сказки все это. Лес мертвый. Я, например, ни одного не видел.

— Ты меня успокоил… Ну ладно, пора двигаться дальше. Только помедленнее. Далеко еще?

— Не то чтобы очень… Это возле Тракта лес такой недобрый — он людей не любит. А дальше легче будет.

И точно: задолго до полудня, когда они лиги на две углубились в чащу, лес неожиданно поредел, исчез непроходимый лабиринт могучих корней, сквозь кроны деревьев пробились солнечные лучи, и на душе стало веселей. Выйдя на залитую мирным дневным светом полянку, они решили устроить привал — перекусить и отдохнуть немного. Конан кинжалом отрезал ломоть ароматного ржаного хлеба и протянул его Стагиру. Потом отрезал и себе, но для начала сделал основательный глоток из фляги, дабы восстановить подорванное борьбой с зарослями здоровье.

Помолчали. Конан чувствовал себя немного неловко — как, впрочем, и всегда в компании подростков. Не знал он, как вести себя с этими маленькими, загадочными существами, именуемыми детьми. Не было у него опыта общения.

— Э… Хм… А откуда ты знаешь, где живет этот отшельник? — нарушил киммериец затянувшееся молчание, когда завтрак был съеден, а время отправляться в путь еще не пришло.— Мне говорили, что он никого не подпускает к своему жилищу и никому не известно, где оно находится.

Стагир сунул в рот травинку и хитро поглядел на Конана.

— А я однажды проследил, куда он уносит еду из дупла.

— Понятно. И чего ради люди его подкармливают, раз уж он такой затворник?

Стагир пожал плечами.

— Не за так ведь. В обмен Моакст дает нам целебные травы, настойки делает, зелья всякие лекарственные. Вот, к примеру, в прошлом году бабка Альбара, соседка дяди Гарпага, захворала. Лекарь сказал, что до следующей недели не доживет. И что же? Моакст…

— Тихо! — вдруг цыкнул Конан и, вглядываясь в заросли кустов на противоположной стороне полянки, медленно потянул меч из ножен.

— Что?..— испуганным шепотом спросил Стагир и на всякий случай придвинулся к северянину поближе.

Несколько мучительно долгих секунд Конан напряженно вслушивался, но вокруг все было мирно и покойно.

— Показалось,— сказал он.— Вроде бы там кто-то шевельнулся… Нет, все-таки лес не моя стихия.

— Кролик, наверное.

— Кролик? Может быть. Но не хотел бы я повстречаться с кроликом таких размеров.

Значит, показалось,— успокоил Стагир.— Я же говорил, диких зверей тут уже давно никто не видел.

— Ну и слава Крому. Так что ты там про бабку говорил?..

*** * ***

Застать Конана врасплох, напасть так, чтобы он хотя бы последний миг не успел среагировать, было почти невозможно. Звериные инстинкты варвара, обостренные его полной тревожных приключений жизнью, позволяли ему почувствовать приближение опасности, даже не видя ее. И он почти всегда успевал повернуться к опасности лицом. Почти всегда…

Его инстинкты были бессильны лишь перед потусторонними силами, перед порождениями темных областей Неведомого, предвосхищать появление которых можно, лишь познав тайны искусства магии. А Конан отнюдь не стремился постигать эти тайны. Его удел — быть воином, а не чародеем…

* * *

Земля разверзлась в том месте, где сидел Стагир, и что-то темное стремительно рванулось вверх из самых недр и впилось в тело мальчика. Истошный крик пронзил лесную тишь… и тут же стих.

Неведомая тварь потянула ребенка вниз, под землю, но Конан уже летел в прыжке, обнажив меч. Его острый клинок рассек скрывавшуюся в норе тварь. Во все стороны брызнула зловонная черная жидкость. Ее капли заставляли чернеть траву и обжигали кожу киммерийца.

Конан не замечал этого.

Он подскочил к Стагиру, упавшему возле ямы, в которой пульсировало и дергалось в агонии нечто, и перевернул ребенка на спину. Покрытая зелеными бородавками огромная змеиная башка, отделенная ударом меча от шеи, словно отвратительный нарост возвышалась на тельце парнишки. Зубы твари вонзились в левый бок Стагира, достав до самого сердца.

Конан попытался разжать сомкнувшуюся змеиную пасть, хотя видел, что мальчик мертв и ему уже ничем не поможешь. Но оставить эту мерзость даже в небьющемся сердце он не мог.

Вздулись от напряжения мускулы варвара-исполина, на побагровевшей шее билась жила, но пасть не поддавалась, будто адские силы все еще помогали гнусной дохлятине.

Конан был не из тех, кто сдается. Он удвоил усилия — и вот… Пасть с отвратительным скрипом разжалась, и острые зубы — каждый размером с небольшой кинжал — вышли из тела. Киммериец отбросил голову гадины подальше…

* * *

Конан унес мертвого мальчика с проклятого места и, выкопав могилу у подножия высокого холма, предал его тело земле. Сердце киммерийца разрывалось от боли и гнева. Он постоял над могилой, потом подобрал мешок Стагира и стал взбираться на холм.

Тревожные мысли одолевали Конана. Гибель мальчика… Еще одна гигантская змея… Черный узел проклятого колдовства все туже затягивался вокруг него. Теперь Конан не сомневался: какой-то колдун стремится расправиться с ним. Но кто и зачем? Когда и где киммериец перешел ему дорогу? И почему на этот раз жертвой злых козней стал ни в чем не повинный мальчишка? Что это, ошибка колдуна?.. Да, необходимо поскорее все выяснить.

Может, этот чертов отшельник что-нибудь знает?.. Но его еще надо найти…

Столетний сухой дуб возвышался на холме, как патриарх на троне. Он отозвался недовольным поскрипыванием, когда какой-то человечишка вздумал потревожить его, взобравшись на самую вершину.

Конан внимательно оглядывал расстилавшиеся внизу желто-зеленые дали. Вот его взгляд застыл — он заметил поднимающийся над лесом дымок. «Дым из трубы, а не от костра,— определил киммериец.— Как раз в той стороне, куда мы шли со Стагиром. Клянусь Кромом и Митрой, это он, отшельник. Что ж, скоро я пожалую к тебе в гости…»

*** * ***

У подножия поросшей мхом скалы притулился деревянный домик — небольшой и на первый взгляд старый, как сам этот лес. Из трубы на крытой соломой крыше вился сизый дымок, однако из-за притворенной двери не доносилось ни звука. Окон в хибаре не было.

Конан подошел к двери и постучал рукоятью кинжала — вежливо, но настойчиво. Изнутри донесся шорох, и снова все стихло.

В ветвях деревьев громко крикнула какая-то птица, тяжело взлетела, хлопая крыльями, и скрылась за кронами.

— Моакст! — громко позвал Конан.— Ты здесь? Я принес еду.— Ответом был прежний шорох, и опять воцарилась тишина.— Моакст, мне нужна твоя помощь! Открой!

— Я тебя не знаю,— донесся из-за двери тихий голос.

— Меня зовут Конан, а прийти к тебе мне посоветовал сказитель Аграмон — знаешь такого? Открой! Я попал в беду…

Молчание. Потом:

— Уходи отсюда. Я не желаю никого видеть.

— Отшельник! — Конан начал терять терпение.— Я пришел сюда не развлечения ради, мне и в самом деле нужна помощь! Меня хотят убить, они убили уже несколько человек, и, не получив ответы на свои вопросы, я отсюда не уйду! Аграмон говорил, что отшельник Моакст сумеет помочь… Так ты отопрешь, или мне вышибить дверь?

— Я ничего не могу для тебя сделать. Я никому не помогаю. И никому не мешаю. И не хочу, чтобы мешали мне. Поэтому уходи.

— Тогда я выломаю дверь,— пообещал Конан, хотя делать этого не собирался. Пока, во всяком случае.

Ответом было молчание.

— Послушай, Моакст! Какой-то черный маг задумал убить меня, а в одиночку мне с ним не справиться. Я даже не знаю, кто он такой и что ему от меня надо. Мне сказали, у тебя есть ответы на мои вопросы, а раз так, то я их получу. И не от меня зависит — добром или силой. Если понадобится, я душу из тебя вытрясу и не посмотрю, что ты вроде как святой… Ясно? Мне терять нечего, я не стану дожидаться, пока еще какая-нибудь гигантская змеюка решит сожрать меня за обедом…

— Змея? Ты сказал — гигантская змея? — После недолгой паузы вновь раздался голос, и по тону хозяина домика стало ясно, что тот не на шутку встревожился.— Какая змея?

— Обыкновенная!.. То есть, тьфу, конечно, необыкновенная! Локтей пятнадцать в длину, зеленая, с черной кровью. Аграмон сказал, что…

Дверь неожиданно распахнулась, и Конан наконец увидел Моакста. Отшельник являл собой полную противоположность тому, каким представлял его себе киммериец. Был он невысок, но крепко сбит, с колючими глазами, зорко глядящими из-под густых бровей, и растрепанной седой бородкой. Выглядел он никак не старше Аграмона, лет на сорок. Моакст явно был напуган, хотя и пытался это скрыть.

— Заходи,— коротко бросил отшельник и, отступив в сторону, сделал приглашающий жест. Он был одет в длинный плащ, разрисованный непонятными символами и таинственными рунами. Плащ был ему явно мал.

Конан вошел.

В доме отшельника была всего одна комната. В центре возвышался тяжелый, громоздкий стол, заваленный раскрытыми фолиантами, свитками и манускриптами. Тут же стояли колбы темного стекла всевозможных форм и размеров (в некоторых даже что-то булькало). В углу, возле аккуратно застеленного топчана, в очаге ровно горел яркий огонь, освещая всю комнату. Вдоль стен тянулись полки, уставленные книгами, баночками, запыленными сосудами и прочими вещицами, без которых, как полагал Конан, ни один уважающий себя маг не обходится. Он посмотрел на потолок, ожидая увидеть чучело крокодила — неизменный атрибут всех его знакомых шарлатанов,— и точно: чучело там висело, но не крокодила, а огромного, размером с крупную собаку, комара.

— Прошу извинить меня за негостеприимство,— сказал Моакст.— Я отвык от людского общества… Долгие десятилетия живу в затворничестве, общаюсь лишь с книгами и с самим собой… Садись, нежданный гость. Как, говоришь, тебя зовут?

— Конан из Киммерии,— ответил варвар, усаживаясь на деревянную лавку.— Я не хотел нарушать твое одиночество, но, уж поверь, без тебя мне не обойтись…

— Да-да,— быстро сказал отшельник.— Боюсь, сложившиеся обстоятельства весьма и весьма скверные. Рассказывай же… Хотя нет, что это я? Ты долго был в пути, устал. Сейчас я приготовлю что-нибудь поесть…

— Не надо,— остановил его Конан.— Я принес с собой еду, которую тебе обычно оставлял в дупле старого дуба мальчик по имени Стагир… Он погиб сегодня.

Моакст промолчал. Конан достал из сумы хлеб, голову сыра, мясо, кувшин легкого вина. Отшельник, небрежно сдвинув рукописи в сторону (некоторые упали на пол, но он не стал их подбирать), освободил место для трапезы. Конан нарезал сыр, разломил хлеб, налил вина в глиняные кружки, и оба с аппетитом пообедали. Киммериец был голоден, но старался есть поменьше, чтобы не отнимать кусок хлеба у бедного затворника… Хотя, откровенно говоря, бедным Моакст никак не выглядел.

За едой Конан рассказал свою историю. Выслушав киммерийца, Моакст тяжело вздохнул и проговорил:

— Плохие новости ты принес, Конан. Хотелось бы мне ошибиться, но факты весьма красноречиво и недвусмысленно говорят об обратном. Тебе — да и не только тебе, нам — грозит смертельная опасность… Значит, амулет исчез?

— Да.

— Жаль. Хотелось бы посмотреть на него собственными глазами и убедиться, что мои подозрения верны.

— Так тебе знаком этот символ — клубок золотых змей с рубиновыми глазами? Ты сумеешь помочь мне?

— Ответ на первый вопрос — да. На второй — нет. Против тебя действует сила, равной которой трудно сыскать в наших краях.

— Так, значит, опять темное колдовство,— вздохнул Конан.

— И еще какое!..

— Знаешь, Моакст, подчас мне кажется, что черных колдунов в мире гораздо больше, чем нормальных людей. И всем им от меня что-то надо… Ну, и какому мерзавцу на этот раз жить расхотелось?

Отшельник не торопясь допил вино из кружки, отер рукавом бороду и тихо спросил:

— Слышал ли ты когда-нибудь о двух братьях-волшебниках, что жили в этих местах семьсот лет назад?

— Увы, нет. Я чужак в ваших краях…

Моакст невесело усмехнулся.

— Нынче даже старожилы не помнят преданий о них… А ведь именно братья-волшебники в свое время спасли людей от колдуна Даргорда, вознамерившегося завоевать всю страну. Великий Митра, что это была за битва! Братья собрали войско и бросили его против орды порождений ада, которой командовал Даргорд. Земля стонала, когда сшиблись две армии, воздух полнился криками умирающих, радужное сияние висело над полем брани, ибо в ход шло не только оружие, но и всевозможные чары — и белые, и черные… В конце концов братьям удалось пленить Даргорда.

Все его слуги были убиты. Колдуна же они с помощью древних заклинаний ввергли в самое глубокое и темное место Ада… Однако, когда схлынуло упоение победой, братья поняли, сколько невинных людей полегло на этой войне… Они ужаснулись содеянному и поклялись даже для самых светлых дел больше никогда не пользоваться своей страшной силой — магией. Один из них, Тагаран, погрузил себя в вечный сон и по сей день спит в своем замке. Другой — Моакст — стал отшельником, затворником, схимником…

Выходит, мы с братом не довели дело до конца… Судя по всему, Даргорд нашел дорогу назад, в мир людей, и теперь набирает былую силу… Клубок змей — это его знак, его символ. Я тоже видел гигантских тварей — несколько дней назад, совсем рядом с домом. Однако им не удалось проникнуть внутрь начертанного мною защитного круга.

Некоторое время оба молчали. Потом Конан тихо спросил:

— Но при чем тут я?

Моакст пожал плечами.

— Не знаю, варвар. Я очень давно не вмешивался в дела людей и не ведаю, что творится в мире. Одно я скажу тебе точно: сила, которой обладал и, наверное, вновь обладает Даргорд, чудовищна. Простому смертному с ней не справиться. Тебе нужна помощь.

— Это я уже понял,— заметил Конан.

— Но, увы, я не смогу ее тебе оказать. Я забыл почти все заклинания… Я уже не тот, что был семьсот лет назад. Я уже не маг. Однако мой брат, Тагаран, наверняка сумеет справиться с опасностью — ведь Даргорд еще не восстановил былую силу, и вернуть его обратно в Преисподнюю будет значительно легче.

— Но ведь ты говорил, что он спит беспробудно, что он :ам себя заколдовал, а это все равно что умер… Моакст улыбнулся.

— Нет, варвар. Брат подозревал, что в один прекрасный день Даргорд может вернуться, поэтому, если разбить гроб, в котором он лежит, Тагаран очнется. Он помнит все, что было в те черные времена, и наверняка знает, как избавиться от Даргорда и выручить тебя из беды. А я, уж извини, совсем бессилен.

Комар под потолком неожиданно замахал крыльями — раздался низкий гул, от которого заныли зубы,— и вновь замер. Моакст вздрогнул, испуганно посмотрел на чучело и побледнел. Конан так глубоко задумался, что ничего не заметил.

— И где находится этот гроб?

— Совсем недалеко отсюда,— ответил Моакст, с опаской косясь на комара.— Иди на запад, вдоль берега ручья, пока не достигнешь скалистого холма. У его подножия начинается тропа, ведущая к северу. Она выведет тебя прямо к замку Тагарана… И если ты отправишься туда немедленно, то к вечеру попадешь в замок. Каждая минута дорога, Конан, Даргорд набирает силу, и, возможно, вскорости тебе уже не удастся спастись от него.

Конан мрачно кивнул.

— Понимаю… Но ты уверен, что именно Даргорд ставит мне палки в колеса? И что Тагаран поможет мне?

Моакст пожал плечами.

— В первом уверен, а во втором… По крайней мере, на сегодняшний день мой брат единственный, кто знает Даргорда и знает, как его победить. Я же для этого слишком стар и немощен… Не смотри столь недоверчиво на это тело, Конан. Оболочка зачастую выглядит совсем иначе, нежели то, что под ней скрывается.

— Ладно,— решился Конан и встал.— Я отыщу твоего брата. Но если и он не сможет помочь мне… Тогда не знаю, что и делать. Спасибо за приют, отшельник. Спасибо за совет.

— Передавай Тагарану привет,— ответил тот.

*** * ***

Когда Конан ушел, Моакст выждал некоторое время — не вернется ли варвар — и медленно достал из-за пазухи золотой амулет, на котором были изображены сплетенные в клубок змеи с рубиновыми глазами, мерцающими мрачным багровым огнем.

— Я выполнил твой приказ,— сказал он.— Конан идет к замку.

— Спасибо,— донесся из бесконечности тихий, надтреснутый женский голос.— А вот и обещанная тебе награда…

Из амулета золотистой молнией вылетела крошечная змейка и, прежде чем человек успел отшатнуться или даже испугаться, вонзилась ему в горло. Захлебываясь кровью и хрипя, отшельник повалился навзничь и замер.

*** * ***

Когда, завершая свой ежедневный путь, солнце начало клониться к западу, Конан заметил, что непроходимый лес стал напоминать запущенный парк. В расположении деревьев и кустарника угадывался некий порядок, да и тропа прекратила петлять, выпрямилась, расширилась, ухабы и торчащие тут и там корни исчезли — ни дать ни взять заброшенная дорога.

Конан зашагал быстрее. Вскоре тропа вывела его к поросшему лесом холму.

Киммерийца окружали заросли жасмина, акаций и сирени. Сквозь переплетения ветвей на вершине холма угадывались очертания замка. Наверх вела мощенная мрамором дорога, в трещинах расколотых плит росла трава и пробивались ростки деревьев.

Пройдя через ворота в каменной стене, Конан остано-ился перед широкой лестницей,

ведущей к террасе замка, и прислушался. Тишина. Ни души. Даже птиц не слышно.

В красноватых сумерках замок выглядел зловеще, и ца-а вокруг запустение только усиливало это ощущение. Ч террасой возвышался огромный портал, поддерживаемый полуразрушенными колоннами.

— Тагаран! — позвал Конан, и крик его умер, словно поглощенный тишиной и мраком. В душу киммерийца закралось сомнение. Быть может, отшельник ошибся и в замке никого, кроме крыс и летучих мышей? Впрочем, он запамятовал, что волшебник спит… Спит в гробу — не очень-то мягкая постелька! — и не слышит его… Внезапно в высоких сводчатых окнах первого этажа мелькнул призрачный свет, и, взявшись за рукоять меча, Конан поднялся по ступеням к входу.

Кромешная тьма царила внутри замка. Конан с опаской шагнул внутрь и остановился.

— Тагаран, меня прислал к тебе твой брат, отшельник Моакст! — крикнул он, не ожидая услышать ответ, а лишь надеясь развеять гнетущую тишину.— Ты здесь?

— Здесь я, здесь,— ответил ему из темноты скрипучий женский голос.— Заходи и умри, дорогой Конан! — И невидимая собеседница засмеялась.

То был смех безумной женщины. Варвар выхватил меч, но тут будто весь замок обрушился ему на голову, и Конан провалился в беспамятство.

Глава четвертая

Конан, услышь меня!..
И меня, Конан!..
Конан, ты слышишь?..
Очнись, варвар!..
Ответь мне!..
И мне, Конан!..
Конан, помоги нам!..
Ответь нам!..
Услышь нас!..

*** * ***

Рой из тысячи голосов, то удаляясь, то приближаясь, назойливо кружил в его голове. Так продолжалось целое столетие, потом наперебой зовущие его призраки разом затихли и исчезли; остался лишь один голос — бестелесный, едва слышный, женский, монотонно повторяющий: «Конан, Ко-нан, Ко-нан…»

Конан пришел в себя и открыл глаза.

Обнаженный, он был распят на каменной сырой стене перед огромным черным колодцем, уходившим, казалось, в самое сердце земли. Руки, ноги и шею его сковывали тяжелые ржавые кандалы, прикрепленные к кольцам, вмурованным в стену.

Толстые цепи были натянуты так сильно, что Конан не мог шевельнуться. Он огляделся. Мрачный зал без окон, освещенный лишь несколькими коптящими на стенах факелами.

Скосил глаза. У самых ног, на краю бездонной ямы, стоял запечатанный сосуд в форме урны, украшенный полустертыми руническими письменами.

Дернулся. Цепи глухо звякнули, но не поддались ни на йоту.

Изо всех сил напряг мышцы — тщетно. Лишь окова на левой ноге протестующее заскрежетала.

— О, я вижу, ты очнулся, милый Конан! — раздался прежний скрипучий голос.

На противоположном краю ямы стояла сгорбленная, закутанная в коричневый плащ фигура. Несколько секунд Конан смотрел на нее, потом неуверенно спросил:

— Тагаран?..

Фигура захихикала.

— Ты еще тупее, чем я себе представлял… или надо говорить — «представляла»? Ох, Конан, я сменил столько обличий, что теперь и сам не знаю, кто я! Хи-хи-хи…

Фигура откинула капюшон, и Конан увидел морщинистое старушечье лицо. Над крючковатым носом с большущей бородавкой холодно сверкали крошечные, слезящиеся глазки. Сморщенный рот растянулся в улыбке, обнажив редкие гнилые зубы, и по подбородку, поросшему длинными седыми волосками, побежала струйка слюны.

— Я тебе нравлюсь, Конан? Я прекрасна, не правда ли? Зови меня этой ночью принцессой

Ливией, дочерью Кильтаба, повелителя волшебной страны Гиль-Дорад.

Сбитый с толку Конан молчал.

Старуха осторожно обошла яму по краю, приблизилась к распятому варвару и нежно провела узловатым пальцем по его груди. Ноготь, более напоминающий коготь, больно оцарапал кожу. Конан невольно отпрянул, но цепи не пустили его. Из-под кольца, удерживающего цепь левой ноги, посыпалась каменная крошка.

— Я так долго ждала тебя, любимый. Почему ты задержался? Почему отверг приглашения моих слуг?

Под плащом между иссохших грудей старухи сверкнул знакомый амулет.

— Что тебе надо, мерзкое отродье? — выдавил из себя Конан.

— Мне нужно твое тело, милый.— Старая ведьма опять захихикала, тряся почти лысой головой.— Твое сильное, не знающее усталости, гибкое тело. Зачем оно тебе, а? Лучше отдай мне.

Она отошла в сторону и принялась похотливо разглядывать киммерийца.

— Ох, Конан, как ты мне нравишься! Долго я искала замену этой рухляди, в которую превратилась принцесса Ливия. Ты назвал меня Тагараном? Тагаран мертв уже триста лет. Я убил его. Бездарный колдун! Вознамерился тягаться со мной силой!

— Но отшельник…

— Не было никакого отшельника, мой глупый варвар. То есть был, но я убил и его, как только узнал, что к нему направляешься ты. И мальчишка был убит по моему приказанию — иначе он разболтал бы тебе, что тот, к кому ты пришел в гости, вовсе не отшельник. Ты разговаривал с моим слугой — бедным нищим актеришкой, который в свое время поклялся служить мне до скончания своих дней… А как иначе я смог бы заманить сюда Конана? Все мои попытки похитить тебя не удались. Я хотел взять тебя хитростью, а оказалось достаточно твоей тупости. И вот ты сам пришел ко мне, открыто, добровольно, в одиночестве… поверив в старую детскую сказочку о спящем в гробу принце-спасителе, ха-ха-ха…

— Ты безумна!

— Вовсе нет. Позволь мне кое-что объяснить, Конан. Я — колдун Даргорд, который победил смерть и будет жить вечно. Даргорд, который сменил более сотни тел и не намерен останавливаться. Даргорд, который в скором времени с твоей помощью завоюет волшебную страну Гиль-Дорад, а вслед за нею и весь мир. Ты видишь перед собой тело принцессы Ливии, которое я занял семьдесят лет тому назад, когда она была очаровательнейшим восемнадцатилетним созданием и путешествовала инкогнито в нашем ми-Ре… Бедный папочка Кильтаб! Он так и не узнает, в кого превратилась его дочь… Ты никогда не пробовал жить в теле женщины? Рекомендую, Конан. Очень, знаешь ли…— Закашлявшись, ведьма постучала себя кулаком по груди.— Но удовольствия и годы берут свое, и теперь мне нужно новое тело. Твое тело, Конан.

«Ко-нан… Ко-нан…» — эхом откликнулся призрачный голос в его голове.

С отвратительным скрипом в дальнем, самом темном углу зала открылась дверь, и, передвигаясь точно сомнамбулы, вошли четверо — людей? чудовищ? порождений Ада? Конан не мог сказать определенно и в ужасе наблюдал за происходящим. Нагие создания — с неимоверно толстыми, словно раздутыми телами, лоснящимися от склизкого пота, с крошечными уродливыми головками, венчающими короткие шеи, с бельмастыми, ничего не видящими глазами — водрузили на краю ямы огромный чан, из которого поднималась струйка оранжевого дыма, и замерли, недвижимы. Колдун Даргорд окунул руки в чан и поднял их над головой. С пальцев лениво, тягуче, как сироп, стекал зеленый огонь, вязкими каплями падал на пол и исчезал, просачиваясь сквозь камень.

Даргорд опять засмеялся.

— Хочешь знать, что с тобой произойдет? Давным-давно я приручил демона из Подземного Мира — столь ужасного, что один только облик его вмиг лишает человеческое существо души и разума. От несчастного остается одна телесная оболочка — которую я и занимаю… Разум бедолаги и мое предыдущее тело я отдаю демону, а душа его отправляется в очень тесное помещение — в компанию сотне других душ.

Увы, но сегодня мой бедный друг из Подземного Мира вряд ли будет сыт — мое тело старое и невкусное, а про твой разум я и не говорю: прости, милый Конан, но у тебя в мозгу только одна извилина… да и не извилина это вовсе, а шрам, нанесенный чьим-то мечом…

Словно повинуясь беззвучной команде, четверка человекоподобных тварей разом подняла чан и принялась медленно выливать его содержимое в колодец. Жидкий зеленый огонь не падал в бездну, как можно было ожидать, а, закручиваясь гипнотической красоты спиралью, обволакивал стенки ямы и едва заметными волнообразными колебаниями стекал по ним вниз. Когда чан иссяк, Даргорд вновь поднял светящиеся бледно-зеленым светом руки и распростер их над колодцем. Из горла его вырвался протяжный звук – высокая и чистая нота зазвенела под сводами зала, заставляя дрожать каждую клеточку тела Конана.

«Ко-нан… Ко-нан… Ко-нан…» — откуда-то из глубин сознания продолжал взывать к нему голос.

Вне себя от злости, беспомощности и страха, киммериец издал почти звериный рык и нечеловеческим усилием напряг мышцы, пытаясь разорвать металлические узы. Мускулы его вздулись устрашающими буграми, жилы едва не лопались от напряжения, но кандалы держали крепко… или — быть может, ему показалось? — вмурованное в стену кольцо, то, к которому крепился браслет, сковывающий левую ногу, пошевелилось, и металл, уступая человеку, вот-вот лопнет?..

Тем временем, не обращая внимания на потуги Конана, колдун Даргорд перевел дух и повторил свой кошмарный монотонный зов.

«Ко-нан… Ко-нан… Помоги нам… Пока еще не поздно… Помоги… Ко-нан… Быстрее… Помоги…»

— Как?! — закричал он.— Кто вы такие?

«Ко-нан… Ко-нан…»

Внезапно что-то изменилось. Казалось, в зале появился кто-то еще. По стенам поползли едва видимые тени, шквалом пронесся зловонный ветер, пришедший из ниоткуда…

В глубине колодца вдруг вспыхнул слепящий бело-голубой свет, и Конан скорее ощутил, чем увидел или услышал, как из бездонного провала не спеша поднимается что-то огромное, безжалостное, смертоносное…

Внезапно пение Даргорда прервалось, и в наступившей тишине стали отчетливо слышны отвратительные звуки — шуршание, скрежет, хруст,— словно доносящиеся из ведра, доверху наполненного шевелящимися насекомыми, но усиленные десятикратно. Устремив горящий взор на неведомое Нечто, поднимающееся из ямы, Даргорд делал руками плавные пассы, будто помогая кошмарному гостю поскорее выбраться из Бездны. Колдуна окружало колеблющееся марево, которое, по-видимому, охраняло его от гибельной близости бестии.

И Конан увидел.

И зрелище это наполнило его душу таким невыразимым ужасом, что он заорал как безумный, задергался, забился в своих кандалах и уже не соображал, что кольцо оковы действительно расшаталось и вот-вот вырвется из стены.

Черная громада неторопливо вздымалась над краем колодца, заслоняя голубой свет. В ней не было ничего от человека, ничего от зверя — вообще ничего от живой твари, когда-либо

рожденной под солнцем. У нее не было определенной формы — она клубилась, как дым, и переливалась, как отражение луны в неспокойной воде. У нее не было глаз, щупалец или пасти, однако не оставалось никаких сомнений в том, что оно живое и наделено злым, нечеловеческим разумом. И именно это знание застилало мозг Конана беспросветной пеленой сводящего с ума ужаса. Не в силах оторвать взгляда от чужеродного создания, не в силах пошевелиться и даже закричать, он чувствовал, что сердце его вот-вот лопнет, что сознание медленно покидает его, уступая место кроваво-красному безумию, что мышцы свело судорогой, превратившей их в туго натянутые канаты…

Гигантское Нечто все поднималось и поднималось. По его бесформенной туше сновали тысячи, миллионы крошечных существ, описать которые человеческий язык не в состоянии,— то ли они являлись частью этой твари из самого Ада, то ли были всего лишь насекомыми, паразитирующими на теле демона. Даргорд застыл в благоговейной позе, воздев руки к небу. Он напоминал зловещего ворона, приготовившегося к нападению.

«Конан! Не смотри туда! Не смотри на него!» — вдруг ворвался в его мозг уже знакомый призрачный голос. Был он столь громким, что Конан невольно зажмурился. И сразу почувствовал облегчение… Однако он знал, что веки его вот-вот снова откроются – дабы он вновь обратил свои взор на потусторонний кошмар, подобно тому, как человека тянет прыгнуть в пропасть…

«Конан! Быстрее! Времени не остается!»

— Что… я могу… сделать? — прохрипел он.

«Урна, Конан! Сосуд у твоих ног! Разбей его!»

— Как?!

«Разбей его, Конан… Разбей…»

Помутившийся рассудок, близость лютой смерти, полная беспомощность… Багряная пелена застлала его глаза. И Конан исчез. Вместо него появился зверь — бешеный, неуправляемый, рожденный, чтобы убивать и разрушать… Издав вопль, Конан рванул кольцо, сковывавшее его левую ногу. Еще и еще раз… Чувствуя, что еще немного, и нога его будет сломана, не выдержав противодействия бездушного металла, киммериец дернул опять — и кольцо с хрустом вылетело из стены.

Конан что есть силы пнул стоящую у его ног урну, посылая ее в зев разверзнутой бездонной ямы. Сосуд, вращаясь, взлетел над пропастью, на секунду завис в воздухе…

…и взорвался тысячью осколков. Крутящимся вихрем из него вырвалось облако ярких огоньков всех мыслимых цветов и оттенков и роем взметнулось к потолку.

Это были души, которых Даргорд лишил тел и запер в тесной урне.

Колдун заверещал — тоненько, страшно. Отшатнулся, потерял равновесие, упал.

Круговерть огоньков, точно услышав его крик, мгновенно превратилась в клин, который молнией рванулся к Даргорду. Защитное марево не выдержало удара и, вспыхнув, погасло. В тот же миг омерзительная тварь из Подземного Мира, словно лишившись невидимой поддержки, рухнула в бездну. Бело-голубой свет исчез.

Теперь зал был освещен лишь колеблющимся светом факелов и мерцанием потерянных душ. Разноцветный вихрь окружил Конана, и мозг его вновь наполнился хором голосов: «Спасибо, Конан… Ты спас нас, Конан… Мы поможем тебе, Конан…»

Вспышка света — и железные оковы на руках, ногах и шее Конана рассыпались в пыль.

Он был свободен.

Ярость все еще переполняла его. Не осознавая, что все уже закончилось, что чудо спасло его, киммериец могучим прыжком оказался на другой стороне колодца и рывком поставил старуху на ноги. Та оказалась на удивление легкой — почти невесомой, и Конан без труда поднял

ее в воздух.

— Ты говорил, что тебе нужно мое тело? — прохрипел он.— Ты говорил, что лишишь меня разума и души?..

— Погоди, Конан! — в ужасе закричал Даргорд.— Я… Я могу сделать тебя богатым… Я знаю, как достичь волшебной страны Гиль-Дорад… Мы сможем завоевать ее! Вместе!..

— Гиль-Дорад не существует,— тихо сказал Конан и швырнул старое тело Даргорда в бездонный колодец. Вопль колдуна еще долго доносился из ямы. Потом наступила гнетущая тишина.

*** * ***

Чудовищное напряжение, только что превратившее Конана в бешеного зверя, схлынуло, стоило отвратительному колдуну исчезнуть. В душе поселилась звенящая пустота, руки дрожали, ноги подкашивались.

Вдруг за спиной что-то зашевелилось — Конан резко обернулся.

Никого. Лишь темная щель полуоткрытой двери в жуткое подземелье…

Переведя дух, киммериец вытер пот со лба и огляделся.

Четверо толстых истуканов, устремив невидящий взгляд заплывших жиром глазок в бесконечность, неподвижно стояли на прежних местах, словно ничего и не произошло. Конан осторожно приблизился к одному из них, легонько ткнул пальцем в бок… и тут же отскочил: жирное тело вдруг сморщилось, точно пустой мех из-под вина, оплыло, смялось и бесформенной грудой плоти мягко опустилось на пол. Следом за ним сами собой сдулись тела трех его напарников, и Конан остался стоять один посреди останков слуг омерзительного колдуна. Темное волшебство исчезло вместе со своим хозяином.

На нетвердых ногах Конан отошел в сторонку, бессильно опустился на пол и привалился спиной к сырой стене. Его била крупная дрожь; только сейчас он осознал, что лишь чудом избежал неминуемой смерти.

Вихрь ярких огоньков слетел к его голове, беззвучно сделал круг, точно благодаря киммерийца за спасение, потом устремился к потолку… и растаял, как утренний туман. Лишь один, переливающийся сине-зелено-желтыми бликами, продолжал, будто светлячок, кружить вокруг Конана.

«Конан,— донесся до варвара призрачный голосок.— Конан, ты освободил нас.,, благодарю тебя… Я щедро награжу тебя, Конан… Выполни мою последнюю просьбу, и несметные богатства будут принадлежать тебе… Найди Гиль-Дорад… передай моему отцу, владыке Килътабу, что я, его дочь Ливия, погибла… Расскажи ему о Даргорде, о том, как ты спас потерянные души… Он одарит тебя всем, что ты только пожелаешь… Прошу тебя, Конан, отыщи Гиль-Дорад и моего отца…»

— Но ведь Гиль-Дорад не существует,— неуверенно возразил Конан и медленно, с трудом поднялся на ноги.

Светлячок заметался, словно некая неведомая сила увлекала его в иной мир, голосок его делался все глуше и невнятнее:

«Существует, Конан! Я родом оттуда… Это такая же реальность, как и Замора, как Кхитай… Но дойти до нее почти невозможно… Я помогу тебе, Конан… я расскажу, как миновать все ловушки и преодолеть все препятствия… У меня очень мало времени, Конан…»

Будто в подтверждение этих слов огонек рвануло вверх, и он принялся лихорадочно кружить под самым потолком.

«Люди знают, как отыскать Гилъ-Дорад…— продолжала Ливия, и голос ее доносился словно с другого конца Вселенной.— Но им неизвестны все опасности, подстерегающие их на пути к моей стране… Запомни, что я скажу тебе, Конан, и ты доберешься до Гиль-Дорад… Не бойся топора палача, но опасайся живого мороза. Не беги от песчаного огня, ибо вода всегда сильнее песка, но остерегайся живительной влаги: она сожжет тебя, как огонь. Не доверяй тому, чего нет; помни, что и у кораблей бывают кладбища. Попутный ветер сам донесет тебя до Гилъ-Дорад, но страж причала…»

Невидимая нить дернула яркий огонек и утащила его в неведомое. Душа принцессы Ливии нашла успокоение. Из бесконечности до Конана донеслись последние ее слова: «Прощай, варвар… Отыщи Гиль-До…»

Конан остался один, в полутьме, в гробовой тишине.

— Погоди! — яростно и беспомощно закричал он в пустоту.— Не собираюсь я искать эту чертову страну, Гиль-Дорад! И что за бред ты наговорила — «живой мороз», «то, чего нет»?!

Ответом ему было безмолвие холодных каменных стен.

Плюнув с досады, Конан огляделся.

Его меч и одежда лежали на каменном алтаре в глубине мрачной залы — несомненно, Даргорд собирался тут же после превращения облачиться в нее. Конан оделся, пристегнул меч и в последний раз глянул в черный провал, откуда совсем недавно выползало отвратительное чудовище. Из ямы волнами поднимался теплый воздух, но не доносилось ни звука. Конан двинулся к выходу.

Он брел узкими, разветвляющимися коридорами с редкими коптящими факелами на стенах, не имея представления, куда идет, но инстинктивно выбирая направление вверх: он чувствовал, что находится глубоко под землей, и подсознательно стремился выбраться на поверхность.

Постепенно коридоры стали шире и светлее — сквозь узкие бойницы сочился утренний свет.

Конан в очередной раз повернул… и нос к носу столкнулся с существом, которое могло родиться лишь в кошмарном, горячечном сне,— с исчадием Ада, помесью змеи, мухи и летучей мыши. Чешуйчатое, длиной в двадцать локтей, источающее зловонную слизь тело венчала уродливая голова со жвалами и переливающимися радугой глазами; по бокам бешено трепетали кожистые крылышки. Завидев Конана, зверюга вытянула вверх шею и, издав громкий угрожающий шип метнулась на человека, осмелившегося встать на пути ее хозяина. Варвар успел выхватить меч из ножен, но нанести удар не смог — тварь была слишком близко.

Однако рубить ее Конану не пришлось — она сама наткнулась на острие. Острие вошло в неподатливое с виду тело с той легкостью, с которой нож входит в гнилое мясо. Брызнула липкая черная жидкость, но монстр не упал. Возвышаясь над Конаном подобно ангелу смерти, он взмахнул крылом, на конце которого угрожающе сверкал изогнутый коготь. Конан едва успел уклониться. Коготь воткнулся в стену, и пока монстр высвобождал его, дергая изо всех сил, варвар ткнул мечом в фасетчатый глаз. Глаз лопнул, наградив Конана новой порцией черного вещества. Другое крыло сделало стремительное движение — будто хозяйка смахивает пыль со стола,— коготь распорол одежду на животе Конана, и тот почувствовал, как по телу потекло что-то теплое, влажное.

Варвар вновь ударил мечом — в бок — и тут же парировал ответный взмах крылом.

Чудовище действовало как некий автомат для избиения. Крылья, тело и даже сама голова двигались, словно жили сами по себе, но с одной лишь целью: наносить стремительные удары. Удары градом сыпались на киммерийца со всех сторон. Сжав зубы, он ушел в глухую защиту и

следил только за тем, чтобы острый, как шило, коготь не полоснул его по телу.

Конан предплечьем отбил выпад, нацеленный ему в глаза, мгновенно развернулся и вскинул меч, словно целил в жвала чудовища. Обман удался: тварь отшатнулась, и киммериец с размаху полоснул мечом по ее телу.

Уродливая бестия лопнула, разбрызгивая вокруг черную жижу, и внезапно вспыхнула ярким холодным зеленым пламенем. Через две секунды от нее не осталось ничего, лишь горстка серого пепла.

Конан перешагнул через дымящуюся кучку и быстро зашагал по коридору.

Из глубины замка доносились настораживающие звуки — клекот, скрежет, шорох… И звуки эти явно приближались.

Целое полчище созданий из потустороннего мира неслось навстречу Конану. Они заполнили собой весь коридор. Жуткая волна мерцающих фасетчатых глаз, щелкающих жвал и извивающихся хвостов катилась на киммерийца. Первые скользили совсем по-змеиному, что, впрочем, не уменьшало их прыти, а арьергард порхал под самым потолком, точно стая огромных, разъяренных птиц…

Конан выставил меч перед собой, и волна накатилась на него.

*** * ***

Смертоносное оружие киммерийца крошило змеиные тела, сносило уродливые головы, разящей молнией пронзало извивающиеся туши… То и дело вспыхивал зеленый огонь, отмечающий смерть очередного чудовища, и в его отблеске картина боя выглядела совершенно нереальной, будто происходил он не на земле, а в дальнем уголке Преисподней… Конан был с ног до головы перепачкан черной жижей, она залепляла ему глаза, лезла в рот, даже рукоять меча стала скользкой и грозила вот-вот вырваться из рук… Но варвар продолжал рубить, сознавая, что стоит ему хоть на секунду замешкаться, и адская волна сомнет его, поглотит, задушит…

И вдруг все кончилось — погасли последние зеленые вспышки. Конан стоял посреди вонючих черных луж, а в воздухе летали мелкие клочки пепла и черные нити копоти.

Конан с отвращением вытер лицо, руки и клинок от жижи и огляделся.

Он стоял в том самом зале, куда прошлым вечером вошел и был схвачен приспешниками Даргорда. В нескольких шагах от него белел выход — распахнутая настежь дверь, сквозь которую лился мирный утренний свет.

Еле волоча ноги, Конан вышел из логова мертвого колдуна, спустился по ступеням и двинулся к лесу, оставляя позади мрачное подземелье, ужас из глубин Ада, сумасшедшего волшебника и его черных слуг…

*** * ***

Единственный человек в окружении Даргорда, которого произвела на свет женщина (остальные существа, обитавшие в замке, были либо возвращенными к жизни мертвецами, либо порожденными темной волей колдуна выходцами из самой Преисподней… да и сам Даргорд,

сменив множество личин, уже не мог считаться человеком), ученик и верный сподвижник колдуна, маг по имени Блармиц, почувствовал легкое беспокойство. Источник его он определить не смог, но что-то явно было не так. Что-то неправильное, противоречащее заведенному порядку происходило в замке.

Даргорд взял Блармица в услужение, когда тому было четыре года от роду, и за без малого сорок пять лет обучил его практически всем премудростям Черного Искусства, которые знал сам… Всем, за исключением заклинаний, с помощью которых можно вызвать демона из Подземного Мира и переселиться в тело другого человека. Впрочем, за сорок лет колдун ни разу не воспользовался сим могущественным волшебством. Все это время он пребывал в облике медленно, но неумолимо стареющей принцессы Ливии, превращающейся из красавицы в беспомощную старуху.

И вот наконец настал день, когда Даргорд решился вновь переменить тело. Путешествие в страну Гиль-Дорад, описание дороги в которую он неожиданно обнаружил в плененном разуме принцессы,— вот что захватило нестареющий рассудок волшебника. И именно для воплощения этого плана ему понадобилось новое, сильное, молодое тело — тело настоящего воина.

Однако не власть и не богатства этой обетованной земли влекли к себе темного мага. Он знал (и в минуту откровения поделился этим знанием со своим учеником), что причина счастья и процветания Гиль-Дорад таится в невзрачном на вид кристалле и что он, Даргорд, обладая непобедимыми способностями, дарованными ему Черной Стороной Мира, сумеет захватить не только благословенную Гиль-Дорад, но и сокровище гораздо более ценное — таинственный Талисман Глаз Бога, слухи о существовании которого давно бродили среди приверженцев магии обоих цветов…

Увы, за все время, проведенное Блармицом в услужении у Даргорда, учитель так ни разу и не рассказал ученику о том, как преодолеть препятствия на пути в Гиль-Дорад. Колдун лишь пообещал всенепременно взять верного слугу с собой. Уверовав в посулы Даргорда, Блармиц не старался проникнуть ни в тайну переселения разума, ни в секреты безопасного достижения страны Гиль-Дорад.

Все распоряжения своего хозяина Блармиц выполнил в точности: когда новая жертва Черного Искусства неразумно переступила порог старого замка, он бесшумно подкрался сзади, ударил незнакомца дубинкой по голове и помог Даргорду оттащить тело в подземный зал, где должен был происходить ритуал обмена сознаний.

Учитель много и охотно рассказывал о скрывающейся в бездне твари, один вид которой кого угодно мог довести до умопомешательства и секрет защиты от которой Даргорд скрывал получше дороги на Гиль-Дорад… Этими устрашающими историями Даргорд добился своего: в зал, где находился колодец, ведущий в Подземный мир, Блармиц не заглядывал, да и вообще особо не интересовался, как учитель меняет свое тело.

Вот и на этот раз, оглушив дубинкой забредшего в замок мускулистого дикаря, которому предстояло стать новым воплощением могущего волшебника, Блармиц помог учителю заковать его в кандалы, а затем беспрекословно отправился в свою келью, где предался изучению старинных фолиантов по черной магии. От этого занятия его оторвало смутное ощущение какого-то неудобства. Будучи вот уже сорок лет единственным и верным учеником Даргорда, он мог с ходу распознавать настроение своего наставника. И теперь Блармиц понимал, что перевоплощение проходит не должным образом.

Захлопнув фолиант, Блармиц вскочил на ноги и прислушался.

И в самом деле в замке творилось что-то не то.

Неощутимые простыми смертными колебания пронизывающего все сущее эфира свидетельствовали о том, что задуманное его учителем колдовство идет не совсем так, как

предполагалось.

Сбежав по ступеням длинной лестницы, ведущей к подземельям заброшенного дворца, Блармиц приник ухом к тяжелым дубовым дверям.

Изнутри донесся полный ужаса и гнева вопль, и вопль этот принадлежал колдуну Даргорду, его учителю и покровителю.

Последний раз обряд перемещения Даргорд совершал семьдесят лет назад, когда родители Блармица еще не появились на свет, и потому ученик понятия не имел, что означает этот вопль — быть может, все идет как надо и это кричит варвар, переместившийся в дряхлое тело, некогда принадлежавшее принцессе Ливии… Однако в глубине сознания, черными нитями колдовства связанного с разумом Даргорда, Блармиц чувствовал, что учитель попал в беду. Поэтому, внутренне содрогаясь от ужаса перед тварью из самого Ада, он медленно приоткрыл дверь…

— Ты говорил, что тебе нужно мое тело? — хрипел дикарь, легко, точно тряпичную куклу, подняв над головой колдуна,— Ты говорил, что лишишь меня разума и души?..

Его мускулистое, поблескивающее от пота тело было освещено неверным светом факелов и разноцветным сиянием сотни странных ярких огоньков, беспорядочно кружащих под самым потолком.

— Погоди, Конан! — верещал Даргорд.— Я могу сделать тебя богатым… Я знаю, как достичь волшебной страны Гиль-Дорад… Мы сможем завоевать ее! Вместе!

В ответ варвар едва слышно произнес что-то… и тут случилось нечто невообразимое: он кинул тело учителя в бездну…

Блармиц отпрянул, обеими руками зажав рот, чтобы не закричать.

Происшедшее не укладывалась в его голове. Даргорд, всемогущий колдун, волшебник, укротивший жуткую потустороннюю тварь, маг, живущий вечно,— великий Даргорд погиб от руки нищего, полуграмотного, вонючего варвара!.. Кто же он такой, этот Конан?.. Бежать отсюда, немедленно бежать…

— Погоди! — вдруг донесся до Блармица гневный рык убийцы, и ученику черного чародея, охваченному ужасом и смятением, показалось, будто варвар обращается именно к нему.— Не собираюсь я искать эту чертову страну, Гиль-Дорад!..

Блармиц опрометью бросился бежать — вверх по сырой лестнице, мрачными коридорами, лабиринтом пустынных, запыленных комнат… И очутился в лаборатории Даргорда — погруженной в полумрак зале, уставленной разнообразными приборами и инструментами, загадочными и зловещими, о назначении половины которых он не имел ни малейшего представления.

Здесь, в привычной обстановке, Блармиц наконец более-менее пришел в себя. Страх перед коварным дикарем отступил, его сменил гнев, «Мерзкий человечишка осмелился помешать воплощению великих планов! Не судьба, но лишь случай и везение помогли тебе свергнуть Учителя. Но остался я, верный последователь Даргорда, его преданный слуга и помощник. И я отомщу за смерть могущественного мага…»

Дрожащими от нетерпения руками Блармиц поджег пучок сухой травы и бросил его в большой прозрачный сосуд шарообразной формы. Трава горела плохо, лишь чадила, и вскоре сосуд наполнился едким сизым дымом, ленивой струйкой поднимающимся над узким горлышком. Ученик колдуна порылся среди склянок на полке и отыскал неприметный пузырек, наполненный серым порошком. Несколько щепоток порошка последовали за травой, дым в сосуде сгустился, приобрел зеленоватый оттенок, заклубился и извивающимися спиралями толщиной с человеческую руку вырвался наружу.

Теперь самое главное.

Блармиц наизусть знал необходимые для этого случая заклинания и старался быть

спокойным и собранным. Дождавшись, когда струи дыма, точно живые существа, наполнят комнату, он зажмурил глаза, сосредоточился на эманациях Даргорда, по-прежнему витающих в замке, и мысленно приказал спиралям покинуть лабораторию. Потом, не поднимая век, Блармиц нашарил края сосуда, поднес к лицу левую руку и резким движением вонзил зубы в запястье.

Кровь тяжелыми каплями потекла в сосуд. Губы новоявленного мага беззвучно шептали слова заклинаний. Ощущая, как сила умершего учителя помогает ему, Блармиц послал змеящиеся султаны дыма вниз по коридорам, навстречу подлому варвару…

Внутренним зрением он отчетливо видел, как дымные спирали материализуются, уплотняются, приобретают вес и форму — форму устрашающих, смертоносных, безжалостных змееподобных тварей… Пользуясь колдовской мощью Даргорда, которая пока еще жила в замке, он смотрел глазами этих существ и направлял их к тому месту, где находился Конан. К тому месту, где Конан должен умереть…

Увы, Блармиц никак не ожидал, что сила его учителя так быстро иссякнет. Руководя атакой своих созданий, он наносил удар за ударом, пытаясь потеснить Конана, даже ранил его несколько раз, но проклятому варвару удалось уцелеть. Спустя час после начала схватки Блармиц почувствовал, что твари слабеют. Внутреннее зрение его помутилось, пауза между мысленной командой и ее выполнением змеями увеличивалась, то и дело он терял контроль над своими «солдатами»… И наконец понял, что колдовская сила покидает его. Он не был настолько опытным магом, чтобы самому, без помощи остаточных эманации Даргорда, манипулировать порождениями Зла, поэтому по прошествии часа Конану удалось справиться почти со всеми змеями, а оставшиеся исчезли сами по себе, во вспышке зеленого пламени.

Когда погибла последняя тварь и Конан беспрепятственно покинул замок, Блармиц в изнеможении опустился на пол.

Все пропало. Владычество над Гиль-Дорад так и осталось несбыточной мечтой. То, чему Даргорд (а вместе с ним и Блармиц) посвятил свою последнюю жизнь, уже не осуществится никогда. Блармиц самолично помогал учителю составлять цепочку заклинаний, чтобы захватить Талисман Глаз Бога, поэтому он знал, как проникнуть в защищенный магией храм, где вот уже два с половиной столетия покоится Талисман. Он знал, как заставить этот могущественный камень служить себе… Но знание это отныне стало бесполезным: точный маршрут в Гиль-Дорад, сведения о ловушках, подстерегающих странника на пути в эту обетованную страну,— словом, все то, что Даргорд сумел выудить из мозга принцессы Ливии, теперь недостижимо, оно погребено на дне колодца, ведущего в Подземный мир… Будь ты проклят, Конан!..

Блармиц вскочил на ноги. Сердце его неистово колотилось.

«Идиот! — обругал он себя.— Как ты мог забыть последние слова грязного варвара… Ведь он кричал: «Не собираюсь я искать эту Гиль-Дорад!» А к кому он обращался? Ведь рядом никого не было! Не к душе ли старой потаскухи Ливии, которую он выпустил из плена?»

Блармиц в волнении забегал по залу. Конечно! В благодарность за освобождение Ливия запросто могла выболтать дикарю, как отыскать ее чертову родину!.. Значит, так… Нужно поймать Конана и выпытать у него все, что ему стало известно…

Нет. Конан — крепкий орешек, Даргорд в этом уже убедился на собственной шкуре. Надо действовать по-другому. Надо собираться в дорогу.

С четырехлетнего возраста Блармиц не покидал замок и понятия не имел о том, как живут люди за его пределами. Все, что он знал о внешнем мире, было почерпнуто им из волшебного кристалла, именуемого Даргордом Замочной Скважиной,— чудесный камень по желанию его владельца мог показать любой уголок Земли. Вместе с учителем Блармиц побывал на океанском дне, где живут лишь слепые уродливые создания, похожие на огромных крабов; у воинственного народа с желтой кожей, населяющего далекие восточные земли; среди обитателей таинственного

материка на западе, что вдыхают сизый дым тлеющих листьев… Этими путешествиями его познания о мире и ограничивались. Но все равно он не мог отказаться от желания найти страну Гиль-Дорад, которую Замочная Скважина показать не могла,— серая пелена заволакивала панораму, когда взоры наблюдающих обращались к далеким северо-восточным землям.

Что ж, он будет умнее своего глупого учителя. Он доберется до Гиль-Дорад, и поможет ему в этом сам Конан!..

*** * ***

На полянке, примерно в лиге от замка, под огромной сосной Конан отыскал столь редкий в этих местах родник чистой, холодной воды. Разделся донага и долго плескался, смывая с себя грязь, кровь и жуть ночных часов, проведенных в замке. Выстирал одежду. Порез на животе, так же как и несколько других царапин, оказался неглубоким, но Конан долго разглядывал и ощупывал себя, заподозрив, что когти и зубы злонамеренных бестий запросто могли оказаться ядовитыми. Но — нет, все, кажется, обошлось: раны уже не кровоточили, не воспалились, зловещая краснота не разлилась вокруг них. Потом киммериец долго лежал на траве, глядя в проплывающие по небу и равнодушные ко всему облака, и размышлял, ожидая, когда высохнет на солнышке его костюм.

Значит, запретная страна Гиль-Дорад существует на самом деле. Конечно, он не давал принцессе Ливии обещания найти ее родину, тем более лишь для того, чтобы известить отца о смерти дочери, и все-таки… Все-таки… Пусть смутными и непонятными были намеки Ливии относительно опасностей на пути в Гиль-Дорад, но ведь никто из тех, что ушли на ее поиски, не знал даже этого. Возможно, ему, Конану, удастся дойти до загадочной страны, которую еще не смог отыскать ни один человек на свете.

А что? Он всегда был бродягой, скитальцем и надолго не задерживался на одном месте. Странствие — его удел. И вот ему выпал шанс, в руках у него оказался ключ к ларцу с недосягаемыми сокровищами… И неужели можно отказаться от возможности поставить свои нехитрые достоинства на карту — пускай и сомнительной ценности карту — выиграть путешествие в землю обетованную и завладеть ее богатствами? Конечно, нет. И кроме того…

Киммериец чувствовал, что он уже не властен над своей судьбой. Все, что произошло с ним за последние дни,— звенья одной цепи с виду случайных событий. Цепи, на одном конце которой он сам, Конан, варвар из далекой Киммерии, а на другом — таинственная, притягательная, волшебная страна Гиль-Дорад. И за цепочку эту дергает, направляя его, некая высшая сила… Возможно даже, сам Кром… Для каких-то неясных простому смертному целей неведомый властитель желает, чтобы Конан отправился на поиски этой земли… Что ж, если так, то не ему, варвару, противиться намерениям могущественных сил.

Итак, решено: он вернется в Шадизар и оттуда немедля двинется в путь. На поиски неизвестного.

Незаметно для себя Конан задремал, и дрема его постепенно превратилась в глубокий сон.

Глава пятая

По выжженной заморийской степи, гулкими ударами копыт пугая ее законных обитателей — сусликов, змей и скорпионов — и заставляя их прятаться в свои норы, спасаться за редкими чахлыми кустиками худосочной травы, скакал всадник на сильном, рослом жеребце. За пять часов пути конь почти не устал, хотя ноша его была нелегка: сегодня его оседлал высоченный и необъятный в плечах наездник. Правда, собираясь в дальнюю дорогу, всадник не навьючил на него уйму тюков и мешков с запасом вряд ли необходимых в пути вещей, а взял с собой лишь двуручный меч в потертых ножнах да походную сумку с флягой воды и небольшим свертком с едой. На молодом, выносливом жеребце варвар Конан из Киммерии держал путь в сторону Шагравара, последнего города Заморы, последнего города в цивилизованном мире, за которым простирались неведомые, нехоженые земли.

* * *

К рассвету следующего после приключений в замке Даргорда дня Конан пришел в Шадизар.

Возвращался он той же дорогой. Добрел до жилища Моакста и без особого удивления обнаружил тело лже-отшельника. Постоял над трупом, глядя в остекленевшие глаза. В мыслях Конана царил полный сумбур. Сперва киммериец хотел было плюнуть в застывшее лицо мертвого актера, пнуть его, полоснуть мечом… Однако гнев погас так же неожиданно, как и вспыхнул. Потом варвар решил предать его тело земле… но не стал делать и этого. Он ушел из опустевшего жилища, оставив все как есть: труп, горящий равнодушным желтым огнем очаг, разбросанные по полу книги. Северянин вернулся к дубу, с которого вечность назад отыскал домик Моакста, оттуда без труда добрался до могилы Стагира, посидел у нее немного, а потом направился к Большому Тракту.

Старик Гарпаг, конечно, не дождался Конана в условленном месте, и до предместий Шадизара киммерийцу пришлось добираться пешком. В «Пьяном вепре» уже знали о том, что Конан и мальчишка пропали — Гарпаг сам рассказал об этом, — но, кроме Луары, никто не собирался мчаться на поиски. Невелика птица этот северянин, да и мало ли почему они не вернулись вовремя…

Конан поведал о своих приключениях трактирщику и Аграмону; Хорг и Луара тоже слушали его раскрыв рты. Когда рассказ киммерийца подошел к концу, в задней комнате трактира долгое время царила тишина.

— Я никогда не слышал о колдуне по имени Даргорд. Но всегда знал, что Гиль-Дорад существует,— наконец тихо проговорил Аграмон.— И как же ты намерен поступить, Конан?

— Найти ее, разумеется,— пожал тот плечами,— Такой случай я упускать не собираюсь. И завтра же отправлюсь в путь… Не люблю я долго засиживаться на одном месте. Быть может, мне повезет…

Луара смотрела на него с испугом и восхищением.

* * *

К полудню следующего дня киммериец достиг небольшого оазиса — зеленая, сулящая тень и прохладу рощица окружала единственный в этой части степи родник. Ни один проезжающий этой дорогой, изможденный пылью и нещадным солнцем путник, даже если он очень спешил, не мог пройти мимо столь соблазнительного для отдохновения места. И Конан остановился. До Шагравара оставалось чуть больше того расстояния, которое он уже преодолел. Он знал, что конь выдержит безостановочную скачку, па и сам пока не устал. Так ради чего отказывать себе я коню в удовольствии остыть и отведать холодной ключевой воды?

Напившись, омыв лицо и тело, Конан достал из сумки каменный брусок и принялся точить и без того острое лезвие меча. Но острое можно сделать еще более острым, а такой пустяк, как «чей меч тупее?» в бою может решить, кому жить, а кому кормить стервятников. Несмотря на молодость, киммериец давно усвоил эту истину и никогда не забывал подправлять оружие.

Аквилонская сталь меча, по которой северянин любовно водил куском песчаника, была проверена уже в десятках стычек и боев, выдерживала удары и каменных палиц, и хваленых, разрезающих железный лист, как пергамент, шемских мечей, не подводила и в неравных поединках с выходцами из черных глубин Преисподней…

Чуткое ухо варвара уловило едва слышный, но знакомый звук. Он поднял голову, повернулся в ту сторону, откуда, как ему показалось, этот звук доносился, и вгляделся в жаркое марево, застилавшее горизонт. Так и есть! Кто-то мчится по степи.

Вскоре киммериец увидел, что это одинокий всадник… что он торопится… часто погоняет лошадь… что человек этот невысок и худощав… и вроде бы без оружия. Вот он уже около самого оазиса…

— Святые боги! — удивленно воскликнул Конан и вскочил на ноги. Такого он никак не ожидал. С тонконогого рыжего скакуна спрыгнула, откинув с лица платок, победно улыбающаяся Луара.

— Я еду с тобой в Гиль-Дорад! — радостно заявила она.

— Вот еще! — фыркнул Конан и, помолчав, спросил: — Ты что, удрала от отца и брата?

— Ага, удрала,— честно призналась девушка.— И обратно не вернусь ни за что!

— Ну и со мной ты тоже не поедешь,— со злостью сообщил киммериец.— Тоже мне искательница приключений на свою голову! Глупая, да через три дня ты запросишься обратно к папочке… если еще раньше не помрешь от усталости. Женщина дома должна сидеть, а не мотаться по миру!

— Я отправляюсь в Гиль-Дорад. С тобой или без тебя,— спокойно ответила Луара и, не глядя на Конана, прошла к журчащему роднику.

«Вот так-так…— Конан присел на торчащий из земли корень дерева.— Ну и что мне теперь делать? Взбалмошной девчонке надоела скучная трактирная возня, это понятно. А тут еще стариковские сказки оказались явью… Вдобавок ко всему она в меня втюрилась, а я как раз собрался в эту волшебную страну. Как ни крути, ясно одно: девчонка очертя голову потащится следом, и отговаривать ее — пустое дело. Она мне не нужна, обуза и только. Остается одно из двух: или оторваться от нее, и тогда она как миленькая вернется домой… Но на обратном пути она может попасть в любую передрягу, столкнуться с кем угодно — от пьяных солдат до разбойников. Или же договориться с кем-нибудь в Шагравaре, чтоб за пару золотых ее отвезли к папаше. Пусть даже свяжут, если понадобится. Да, второй путь, пожалуй, надежней будет — и для нее, и для меня».

— Эй, Луара! — позвал он.— Ведь ты все равно меня не послушаешься и поскачешь искать эту чертову Гиль-Дорад. Выходит, оставить тебя одну я не могу… и поэтому, так уж и быть, возьму с собой. Но только дай мне слово, что будешь беспрекословно меня слушаться!

Лгун из Конана был никудышный, и взрослая женщина сразу распознала бы фальшь в его словах, но восторженная девушка ничего не заподозрила: ведь ее мечта сбывается! Она отправляется в удивительное и полное опасностей путешествие на поиски сказочной страны счастья бок о бок с любимым мужчиной!..

От радости Луара захлопала в ладоши.

— Буду, буду слушаться! Во всем!

*** * ***

Время, проведенное в пути от оазиса до Шагравара, пронеслось для Луары как одно мгновение. Счастливое мгновение… Ее рыжая кобылица держалась позади могучего жеребца киммерийца. Отдохнувшие лошади мчались так стремительно, будто им тоже не терпелось поскорее добраться до Гиль-Дорад.

Девушка не могла оторвать глаз от повелителя своего сердца. Она любовалась его уверенной посадкой в седле, завораживающей игрой его железных мускулов, развевающейся по ветру гривой его смоляных волос. Глаза ее слезились не то от степной пыли, не то от счастья…

Предстоящее путешествие обещало быть столь прекрасным, что от предвкушения удивительных мгновений совместного странствия по ее телу пробегали мурашки удовольствия и возникала невиданная легкость, пугающая, великолепная, которая, казалось, вот-вот вознесет ее куда-то высоко, в поднебесье и еще выше…

За всю дорогу она не вспомнила ни об отце, ни о брате. Ведь теперь начинается совсем другая жизнь, а родственники остались в прежней, скучной и серой. Теперь ее ждет сказка со счастливым концом…

*** * ***

За последние два года Шагравар привык к искателям Гиль-Дорад, а также к тому, что никто из них обратно не возвращался. Шагравацы втайне боялись того времени, когда схлынет поток, как они считали, сумасшедших и неудачников, которые, впрочем, приносили немалый доход городской казне и, кроме того, скрашивали унылое прозябание пограничного города. Поэтому гиганта-варвара и его юную спутницу пропустили через городские ворота без расспросов.

Странники остановились на первом попавшемся постоялом дворе. Поужинали, а потом Конан снял две комнаты на ночь, проводил в одну из них Луару и строго-настрого наказал ей запереться и не выходить до его возвращения, сообщив, что ему надо повидать человека, который может рассказать о дороге на Гиль-Дорад.

Киммериец спустился на первый этаж и подошел к хозяину, который с сонным видом протирал глиняные кружки. Хозяин покосился на Конана и вопросительно изогнул бровь.

— Слушай, приятель, ты, конечно, знаешь, кто чем занимается в вашем замечательном

городе?

— Ну,— выдавил из себя хозяин. У него была уродливая заячья губа.

— Известно ли тебе, кто из ваших купцов собирается в ближайшее время в Шадизар?

— Ну.

— И где мне его найти?

— Два медных.

— Ха, дороговато у вас стоит простой разговор с человеком. Бери.— И Конан швырнул на стойку два медяка.

— Купец Магриб. Живет в двух кварталах отсюда. Улица Гончаров. Налево через рыночную площадь.

* * *

Конан вышел на улицу. Как и все города Заморы, это поселение было уменьшенной копией столицы, Аренджуна, но благодаря своему пограничному положению, а значит, удаленности от столицы на здешних улицах было больше солдат, в трактирах выпивали больше вина, меньше почитали своих богов и правителей и позже ложились спать.

В поисках улицы Гончаров Конан выбрался на главную площадь Шагравара. Варвар не особенно торопился — чем позже придешь, тем вернее застанешь купца дома. А уж уговорить того отвезти Луару к папаше Хоорсу — дело нехитрое. Конан умел убеждать купцов и считал, что на свете нет ничего проще этого, ну разве только плюнуть на землю. Стоило купцам увидеть варвара-великана, как в их глазах загорался страх, а потом надо было только не дать ему погаснуть — тогда торговец, которому есть что терять и за что беспокоиться, обязательно сделает все, о чем его просят. К тому же сейчас его услуга даже будет вознаграждена. За то, чтобы переправить хрупкую девчонку из города в город, купец получит от Конана пару серебряных монет, а потом и папаша с братишкой, надо полагать, отвалят ему не скупясь.

Киммериец был уверен, что разговор с купцом пройдет легко и быстро, поэтому позволил себе задержаться на площади и поглазеть на выступление бродячих циркачей. Вместе с беззаботной толпой зрителей он изумлялся меткости стрелка из лука — тот с завязанными глазами пробивал стрелой яблоко на голове другого артиста,— ловкости жонглеров и акробатов, хохотал над потешными кривляньями карликов и ждал обещанного выступления великого чародея, якобы одного из лучших колдунов Черного Круга.

* * *

А в это время по Шагравару метался всадник на взмыленном коне. Он что-то выспрашивал у прохожих, в ответ те пожимали плечами; он в ярости стегал усталое животное и летел по улицам дальше. Но вот наконец кто-то из горожан утвердительно кивнул и показал рукой, куда надо ехать. Наездник издал победный клич, с силой вонзил пятки в бока лошади и помчался в указанном направлении, на ходу доставая свое устрашающее оружие.

* * *

Заполнявшая площадь толпа, над которой возвышалась грива черных, как вороново крыло, волос варвара, следила за выступлением силача. Здоровенный кхитаец гнул подковы, сворачивал в трубочку монеты, приподнимал лошадь, подсев под ее брюхо. Конан восторгался зрелищем вместе со всеми, хотя запросто мог повторить эти трюки. «А вот в бою,— думал он,— этот кхитаец немногого стоит. Слишком жирный. Неуклюжий, неповоротливый, быстро задыхается».

Неожиданно люди на площади взбудоражено зашевелились, принялись вертеть головами. Когда Конан заметил, что стоящие рядом с ним шагравaрцы испуганно шарахнулись в стороны и расступились, он обернулся и присвистнул от изумления. Прямо на него, рассекая толчею конем, размахивая огромным боевым молотом на длинной рукояти, надвигался Хорг, брат Луары. Киммериец догадался, что сейчас должно произойти, и выхватил свой двуручный меч. Подобравшийся вплотную Хорг без лишних слов обрушил на варвара размашистый удар, вложив в него всю накопившуюся злобу. Но северянин был готов к этому, и его оружие взметнулось навстречу падающей сверху стали. Раздался оглушительный звон. Толпа отхлынула, но никто не ушел от нового зрелища. Когда меч и молот скрестились, лошадь Хорга дернулась, и ее всадник чуть не потерял равновесие. Варвар не замедлил этим воспользоваться и дернул кузнеца за ногу. Тот свалился с лошади.

— Хорг, ты спятил, что ли?! — крикнул киммериец.

— Я убью тебя, грязный варвар! — поднимаясь с земли, в ответ зарычал кузнец. Его запыленная, местами порванная одежда и грязное от налипшей на потную кожу пыли лицо говорили о том, что он гнался без остановки.— Я разрублю тебя на куски и скормлю свиньям! Где Луара?

— Луара? — на секунду опешил Конан.— В таверне твоя Луара, спит, должно быть…

— Ах, спит! — прошипел Хорг.— Ублюдок, сын змеи! Ты выкрал мою сестру, похититель детей! Дикарь! Ей еще семнадцати нет! Или у вас, дикарей, принято бесчестить всех невинных девушек, что попадаются на пути?!

Толпа притихла, заинтересованно прислушиваясь к перебранке. Сам собой на площади образовался пятачок, окруженный плотной стеной зевак, в центре которого находились двое: киммериец и кузнец.

— Послушай, Хорг, давай поговорим спокойно…

— С Кромом своим говори спокойно, подонок! К нему ты сейчас и отправишься!

Конан почувствовал, как в груди его закипает туманящая разум ярость, но попытался сдержаться.

— Я не хочу тебя убивать,— хмуро сообщил он, в последний раз пытаясь урезонить наглеца.

— Значит, ты хочешь быть убитым!

При этих словах молот Хорга описал в воздухе свистящую дугу и обрушился на Конана — точнее, на то место, где только что стоял Конан: киммериец легким движением уклонился от смертоносного куска металла и, сделав два шага влево, нанес рубящий удар в бок противника. Ударить он хотел плашмя — северянин и в самом деле не собирался убивать взбесившегося Хорга, прекрасно понимая, что кузнец воину не соперник. «Убить заведомо слабого врага — это трусость, а не доблесть»,— говорят на родине Конана, и он чтил это правило.

Однако варвар недооценил Хорга. Молот, который, казалось, должен был ухнуть об утоптанную тысячами ног землю и своим весом увлечь за собой хозяина, точно перышко на ветру извернулся в воздухе и играючи отбил тяжелый клинок.

Пальцы Конана едва не выпустили рукоять. Отступив на шаг и нацелив меч в горло противнику, Конан ждал. Ждал и Хорг, с легкостью вращая над головой устрашающий молот.

*** * ***

Как всякий мальчишка, Хорг в детстве бредил подвигами, войнами и сражениями. Изнуряющая работа в кузнице, на которую отец определил его еще в детстве, была ненавистна мальчугану. Какой интерес от зари до зари махать молотом, вдыхать запах раскаленного металла, качать скрипучий непослушный горн? То ли дело — военное искусство!.. И вот, шесть лет назад, когда юному Хоргу едва исполнилось тринадцать, к вящей его радости и к великому огорчению горожан, в соседней провинции разгорелась междоусобица, грозившая перерасти в настоящую войну. Когда к старому кузнецу явился посланник с предложением за более чем щедрую плату выковать оружие для каких-то там «защитников справедливости и порядка», тот, конечно, отказался — мол, мы в ваши дела не лезем, не впутывайте и нас в свои. Так вот, подкараулив уходящего ни с чем чужака, Хорг подробно выспросил его о ходе военных действий у соседей. Незнакомец же, усмотрев выгодную для себя возможность завербовать новобранца, в красках описал кровавые сражения, рассказал о дерзких атаках и не менее хитроумных контрнаступлениях, обрисовал тяжкое положение «защитников» и под конец доходчиво объяснил, как отыскать тысяцкого в их лагере. Всю ночь возбужденный Хорг провел без сна, а ранним утром, едва рассвело, бежал на войну, прихватив с собой небольшой молот — единственное орудие, которым он более-менее владел. К счастью для всех, включая самого Хорга, спустя два года война утихла, так и не разгоревшись, и он возвратился домой — живой, невредимый и возмужавший. Немилосердную порку отца он принял стоически и вскоре снова вернулся к наковальне. Единственным полезным приобретением Хорга за недолгую карьеру солдата было виртуозное владение боевым молотом, которому его обучили в армии «защитников»…

Итак, время разговоров прошло, и настал час оружия. Не завершив очередной виток над головой хозяина, молот неожиданно понесся по наклонному пути в шею Конана…

Противники обменивались могучими ударами, но пока они сражались на равных. Меч черноволосого гиганта Конана, призванный разрубить, проткнуть насквозь любые доспехи, и молот белокурого Хорга, способный сокрушить, проломить любую преграду, казались игрушками в руках соперников — с такими легкостью и мастерством владели они смертоносным металлом. В гаснущем свете дня сверкали искры, набатный звон стали разносился над притихшей, завороженной поединком толпой. Даже на небольшом помосте, где акробатов сменил маг — Служитель Черного Круга, возникла невольная заминка. Зрители нашли себе новое развлечение, да и сам «служитель» — невысокого росточка полный человек, с головы до ног закутанный в черное одеяние,— с интересом и настороженностью наблюдал за схваткой.

Глаза сражающихся застилал пот, воздух пропитался его едким запахом. Оба тяжело дышали, однако по-прежнему молниеносно и неистово наносили удары, парировали и наступали вновь…

Неизвестно, чем бы закончилась стычка, но над головами вдруг пронесся клич: «С дороги, сучье племя! Пр-ропус-тить!» По людскому морю, только что замершему в штиле, прошли волны, толпа качнулась, и пятачок, освобожденный для драки, исчез. Послышались крики —

возмущенные и испуганные. Стена горожан качнулась в сторону Конана и Хорга, и последний, поспешно отступив, чтобы не оказаться затоптанным живой массой, вдруг потерял равновесие и тяжело упал в пыль.

— Стражники! — разнеслось над площадью. Действительно, сквозь толпу продирались с десяток людей в кожаных доспехах, направо и налево тыча рукоятями алебард тех, кто замешкался и недостаточно быстро уступал дорогу. Конан склонился над упавшим Хоргом. Тот, тяжело дыша, точно дырявый горн, без страха смотрел на варвара из-под мокрых прядей волос — лишь злоба и усталость таились в его взгляде.

— Стража за нами,— хрипло сказал Конан.— Если жизнь и честь твоей сестры дороги тебе, бежим.

И он протянул поверженному противнику руку. Поколебавшись секунду, Хорг ухватился за ладонь киммерийца.

Конан рывком поставил кузнеца на ноги и повторил:

— Бежим.

Не разжимая рук, они двинулись в противоположную от приближающихся стражников сторону. Люди расступились перед ними, образовав некое подобие коридора, и двое богатырей помчались вперед.

Десятку солдат было не так-то просто пробиться сквозь толпу — освобождая проход в одном месте, она плотнее смыкалась в другом, еще больше затрудняя стражникам продвижение.

А тем временем недавние смертельные противники без помех выбрались с площади.

Они юркнули за ближайший поворот и, оказавшись в грязном глухом тупике, смогли перевести дух.

— Если бы… не солдаты…— с трудом выговорил Хорг, опираясь на рукоять молота, который он так и не выпустил из рук,— я бы тебя достал…

Конан пожал плечами.

— Зато теперь, когда ты успокоился, мы можем вернуться в таверну и повидаться с Луарой. Пусть она сама тебе расскажет правду. Или ты предпочитаешь продолжить? Кстати, а где твой конь?

Хорг смерил Конана мрачным взглядом.

— О моем коне не беспокойся. Лучше подумай, что я с тобой сделаю, если ты солгал мне и Луара…

— Хватит попусту языком молоть,— холодно прервал его Конан.— Идем.

*** * ***

Когда в дверь постучали, Луара вне себя от горя и обиды сидела на так и не разобранной постели и безучастно смотрела в дубовую стену.

Едва Конан ушел из таверны, она выскочила следом. Женским чутьем Луара уловила фальшь в поведении киммерийца, и ноги сами вынесли ее из комнаты. Она спустилась вниз, оглядела пустой сводчатый зал и, не увидев любимой фигуры, повернулась к трактирщику.

— А где мой… друг?

— Друг? — Заплывшие глаза трактирщика ощупали фигурку девушки, и он ухмыльнулся.— Твоего друга, красотка, тут нет.

— Нет?.. Куда же он пошел?

Трактирщик пожал плечами.

— Он мне не докладывал. Ушел — и все.

Луара беспомощно огляделась, чувствуя себя всеми покинутой и ужасно одинокой. Хотя, казалось бы, чего беспокоиться — ну не бросил же ее Конан!

Видя смятение девушки, трактирщик задумчиво пожевал губами и тихо произнес:

— Я вот тут только что вспомнил, юная барышня, что кое-что он мне все-таки сообщил. Но только строго-настрого велел держать в тайне. Однако, может быть, одна-две монетки сумеют развязать мне язык…

— Но у меня нет денег.— Луара чуть не плакала от досады.— Все деньги у моего друга…

— Ай-ай-ай, как нехорошо,— вздохнул трактирщик.— Бросать молодую девушку на произвол судьбы…— Он опять задумался.— Ну да так и быть. Сердце у меня доброе, юная барышня, я расскажу вам о том, что он мне сказал. Он попросил, чтоб я отыскал в городе кого-нибудь, кто бы отвез вас обратно в Шадизар. А самого его в городе уже нет — уехал куда-то на восток.— И трактирщик неопределенно махнул рукой.

Сердце Луары сжалось. Ее обманули, предали! Как он мог, ведь она так верила ему!

— Само собой,— продолжал трактирщик,— я тебе, красавица, ничего не говорил. А то, ежели твой приятель прознает, что я языком треплю, он мне голову снимет своим ножиком…

— Он уже не прознает,— прошептала Луара.— Он не вернется…— И стремглав взбежала по лестнице обратно в комнату.

— Не вернется,— как эхо повторил трактирщик самому себе, ухмыльнулся и поманил к себе щуплого человечка, сидевшего за самым дальним столом за кружкой кислого пива «Огненный бык».

Не торопясь, щуплый поднялся и, кутаясь в линялый плащ, подошел к стойке. Несколько минут они о чем-то шептались, потом гость тихо заметил:

— Ты умный, Заячья Губа.

Тот довольно хохотнул:

— А то! Нам, трактирщикам, положено быть сметливыми… Не забудь, мои двадцать, как обычно.

— Не боись.

Незнакомец отсчитал Заячьей Губе двадцать монет, и тот проворно сгреб их в карман.

— Где она?

— Вторая дверь направо. Но чтоб у меня ни звука!

— О чем речь…

*** * ***

Луара была в отчаянии. Она осталась в чужом городе совсем одна, без денег, без друзей… Можно было бы, конечно, продать браслет, подарок Хорга, но на сколько хватит вырученных денег? Впрочем, одно она знала точно: домой она не вернется. Ни за что. Но почему, почему Конан так поступил с ней? Уехал искать свою противную Гиль-Дорад, бросил ее… А она-то, дура влюбленная, думала, что они вместе будут скитаться по запретным землям в поисках чудесной страны, вместе делить трудности и бороться с опасностями — вместе…

Раздался стук в дверь, Луара судорожно вытерла слезы и, сглотнув, спросила:

— Кто там?

— Прошу великодушно извинить меня, сударыня,— послышался тихий и вежливый голос,— но до нас, скромных паломников, дошли слухи о том, будто вы ищете путь в якобы несуществующее государство…

* * *

— Я вырву твое сердце,— прошипел Конан, выволакивая Заячью Губу из-за стойки трактира.— Я вырежу твою гнилую печень и скормлю шакалам…

— Но, добрый господин…— захрипел тот, с трудом выталкивая слова из сдавленного могучей ручищей горла, лицо его побагровело.— Вы же не говорили мне, что я должен держать девчонку под замком. Откуда я мог знать, что она решит сбежать? Мне и в голову не пришло…

— Голова тебе больше не понадобится,— пообещал Хорг и рявкнул: — Куда она направилась?!

— Она… Она сказала, что хочет вернуться домой… Спросила, где можно нанять повозку или пристать к группе торговцев, отправляющихся в Шадизар… И умоляла меня не говорить вам об этом ни слова…

— Кром порази тебя молнией! — в сердцах воскликнул Конан. Отшвырнув трактирщика обратно за стойку, он быстро вышел из таверны и остановился на пороге. Хорг поспешил следом. Не глядя на него, Конан сказал:

— Моей вины тут нет, кузнец.

— Не уверен,— хмуро ответил Хорг.— И не смогу увериться, пока не разыщу Луару. И ты поможешь мне в этом. Хочешь того или нет… И зачем ты оставил ее одну?…

— Да мне и в голову не пришло…— начал было Конан, но, сообразив, что оправдывается теми же словами, что и трактирщик, прикусил язык,— По крайней мере, поверь мне, что, пока она находилась рядом со мной, с ней все было в порядке. Мы должны отыскать ее, пока она… пока она не попала в настоящую беду.

Хорг в ярости скрипнул зубами.

— Ну хорошо, Конан. И где ты предлагаешь ее искать? Приставать к каждому встречному — мол, не видели ли вы поблизости молодую красивую девушку?

— Отправимся к городским воротам. Расспросим стражников. Если из города не так давно уходил караван на Шадизар или если они видели одинокую всадницу, поскачем следом. Если нет — останемся у ворот. Будем ждать до завтра.

— А если сегодня из города уехало много чужеземцев? Откуда мы узнаем, что среди них была Луара?

— Понятия не имею. У тебя есть другой план?

Хорг опустил глаза и угрюмо покачал головой.

— Ну тогда вперед. Слышишь колокол? С минуты на минуту городские ворота запрут на ночь, и мы останемся с носом.

Они быстро спустились во двор и свернули к коновязи.

* * *

Трое всадников в форме местной стражи с любопытством разглядывали нездешнюю упряжь жеребца киммерийца. Когда Конан и кузнец подошли, двое немного отступили и подняли пики. Третий же, по-видимому старший, напротив, неторопливо спешился, приблизился, задумчиво пригладил седые усы.

— Приятного вам вечера, добрые незнакомцы,— сказал он.— Позвольте узнать, не вам ли принадлежит этот красавец конь, а также откуда вы и куда столь поспешно направляетесь?

— И вам приятного вечера, офицер,— как можно вежливее ответил Конан.— Мое имя Конан, а это мой друг — славный кузнец Хорг. Конь этот действительно принадлежит мне. Родом мы из Шадизара, что лежит к юго-западу от вас, туда и торопимся.

— Ага, понятно,— протянул офицер.— И в чем же причина такой спешки? На ночь-то глядя?

— У нас нет денег, чтобы платить за покой,— нашелся Хорг, пока Конан судорожно размышлял над ответом.— А ночевать под открытым небом не очень-то приятно.— И он поглядел на быстро темнеющее небо.

— Стало быть, ночевать под открытым небом в степи вам приятнее,— добродушно улыбнулся охранник.— Отчего же?

— Поверьте, офицер,— начал терять терпение Конан,— мы и вправду очень спешим. Может быть, вы позволите нам отбыть, пока не закрылись ворота?

— А не оттого ли,— не слушая, продолжал седоусый,— что в степи вас ожидают ваши сообщники? То самое кочующее племя узкоглазых воров, убийц и похитителей детей, которое каждый год доставляет нам одни хлопоты, а?.. Эй, погодите-ка, а не вы ли давеча устроили потасовку на рыночной площади?

— Мы…

— Ну да! Я твою мерзкую рожу хорошо запомнил, чужак! И у лошадки твоего дружка, что осталась на площади, упряжь та же, что и у твоей! Дракой вы отвлекали внимание честных горожан, а ваши сподвижники тем временем подожгли лавку благородного купца Макара и, воспользовавшись возникшей суматохой, обчистили ее до последней безделушки! Взять их!

Без лишних слов к ним рванулись солдаты.

Переулок, где стояла таверна, был слишком узким, чтобы те смогли пустить в ход свои копья.

Перехватив пику нападающего, Конан резко дернул ее на себя и ткнул кулаком в живот всадника. Кожаный доспех погасил удар, но Конан тут же, точно пылинку, смахнул противника с коня и швырнул о каменную стену с такой силой, что тот, как тряпичная кукла, сполз на землю и надолго затих.

Офицер выхватил меч.

Хорг метнулся ко второму наезднику и, поскольку до самого седока ему было не достать, нанес сокрушительный удар кулаком по лошадиной скуле. Издав короткое, но громкое ржание, животное встало на дыбы и медленно завалилось набок, придавив солдата. Теперь Хорг мог преспокойно повторить удар — и вот уже второй охранник присоединился к компании своего напарника. Лишившийся поддержки офицер медленно отступал, но проигрывать пока не собирался. Воинственно выставив перед собой молот, Хорг двинулся к последнему врагу.

— Беги, Конан! — громко сказал он.— Я его задержу! Прячься в трущобах, я найду тебя!!

— Какие еще тру…— Конан осекся.— Хорошо, друг! Встретимся через час в Нижнем Городе!

Варвар прыгнул в седло и был таков.

Он пробирался по самым неприметным, самым глухим и грязным улочкам, какие только

мог отыскать, и почти у самых городских ворот повстречался с Хоргом: тот был в седле красивого гнедого скакуна и улыбался во весь рот.

— Ловко придумано,— похвалил его Конан.— «Прячься в трущобах»! Ха! Теперь половина солдат перевернут там все вверх дном, разыскивая нас.

— Зато другая половина не настолько глупа, чтобы попасться на этот трюк,— возразил Хорг.

— Ничего, прорвемся… Чья лошадка? Офицера?

— Его.— Хорг ласково похлопал животное по холке.— Добрый жеребец. Хорошо тут у них, в Шаграваре, стражники живут… А офицер пусть пока пешочком погуляет. Когда очнется… Святые боги, мы опоздали! Ворота!..

Сгустились сумерки, город погружался в сон. Стихли уличный гам и зазывные вопли торговцев, топот ног и цокот копыт. Лишь где-то вдалеке слышались выкрики ночных сторожей-обходчиков да редкое позвякивание оружия на перевязях патруля.

Ворота были заперты: поперек их неприступных, плотно закрытых створов, на намертво вбитых в кладку металлических скобах лежал огромный деревянный брус.

Вокруг не было никого, только в окне крошечной каменной пристройки виднелся огонек — караул не спал. Они остановились в переулке возле сточной канавы, от которой шло немыслимое зловоние.

— Подожди-ка меня здесь,— шепнул Хорг.— Я разузнаю.— Он спешился и бегом припустил к мерцающему огоньку. Конан с тревогой наблюдал за ним.

Спустя некоторое время Хорг вернулся.

— Эти идиоты даже не захотели со мной разговаривать. Заперто, мол, до рассвета, и все тут. Впрочем, несколько монет их задобрили.

— И что?

— Ничего,— вздохнул Хорг.— Одинокая всадница или пешая не покидала город, ни один караван на Шадизар не уходил. Только бродяги да солдаты сновали туда-сюда.

— Значит, останемся тут до утра,— сказал Конан.— Будем следить.

— А вдруг они просто не заметили ее? Может, нам стоит перебраться через городскую стену? Стражников наверху свяжем…

— А лошадей как переправить? И потом, ведь мы не уверены, что Луары нет в городе. Нет, Хорг, как бы то ни было, сегодня нам отсюда не выбраться. А начнем настаивать, так еще и арестуют, чего доброго. Будь терпелив.

Утром все узнаем.

— Добрые господа…— вдруг раздался рядом с ними тихий вкрадчивый голосок.

Оба тут же обернулись: Конан схватился за меч, Хорг взялся за рукоять молота. Б темноте не было видно ни зги.

— Кто тут? — в один голос спросили они.

Совсем близко вспыхнула синяя искорка, померцала, на миг угасла, вновь разгорелась и превратилась в небольшой, но яркий шарик голубого пламени. Конь Конана испуганно шарахнулся, и варвар успокаивающе похлопал его по гриве.

Глава шестая

Шарик парил над сложенными горстью ладонями невысокого румяного толстячка, лысого, с куцей бороденкой в три волосины. Он был облачен в просторное черное одеяние и в некотором замешательстве, к которому прибавлялся испуг, смотрел на варвара и кузнеца.

«Опять колдун,— удивленно подумал Конан,— Нет, клянусь Кромом, последнее время мне явно везет на колдунов!»

— Ты кто такой? — неприязненно поинтересовался варвар.

— Я?.. Я, добрые господа, волшебник и чародей,— с достоинством ответил незнакомец. Он гордо выпрямился, хотя росточку это ему не прибавило, и заученно проговорил: — Имя мое Омигус. Я — Служитель Черного Круга, ученик непревзойденного Зенитомулса, Хранителя Четырех Ключей Мира. Я — один из двух оставшихся в живых Жрецов Заклинания Равновесия и последний Страж Узилища давно забытого, но по-прежнему могущественного заговора Всесметающего Огневихря… Думаю, мое имя вам хорошо знакомо, и поэтому…

— Первый раз слышу,— перебив его, честно заявил кузнец.

Омигус, ничтоже сумняшеся, грустно улыбнулся. — Увы, служители высшего искусства ныне малоизвестны среди простых обывателей… Однако, поверьте, власть наша над всякими явлениями природы и над простыми существами, вроде заурядных людишек, не посвященных в высшие тайны Мироздания, велика настолько, что лишь одно упоминание имен восемнадцати могущественных Сокрытых Всевышних Творцов Сущего обычно повергает в трепет любого, кто отважится прикоснуться к великой тайне, что спрятана…

— Ясно,— в свою очередь прервал этот бурный поток словоизлияния варвар.— Так что тебе надо от нас, простых, заурядных людишек?

— Понимание, сочувствие и вспомоществование,— моментально сменив тон на заискивающе-просящий, ответствовал великий мат.— Так уж получилась, не желая того, я подслушал вашу недавнюю беседу, из которой мне стало ясно, что вы, равно как и я, стремитесь быстро и незаметно покинуть сей мерзкий городишко. И подумал, что, вероятно, мы сумели бы помочь друг другу. Тем более, я, кажется, знаю, куда могла подеваться девушка, о которой вы упоминали…

— Луара?! — воскликнул Хорг, но, испугавшись, что их услышит стража у ворот, понизил голос до шепота.— Где она, где моя сестра?

— Этого я не знаю. И не знаю, вашу ли спутницу я видел… Дело в том, добрые господа, что, волею обстоятельств вынужденный скрываться от властей, алчущих пленить меня по совершенно нелепому обвинению, я пробирался грязными закоулками и не менее грязными глухими дворами, коими этот пакостный город полон…

— Давай-ка покороче,— нетерпеливо оборвал его на полуслове Конан.— Говори коротко и ясно: где девушка?

— Днем позади постоялого двора «Золотая чаша», в грязном закутке, коих, повторюсь, здесь немало, я приметил крытую повозку, запряженную парой лошадей. Упряжь была мне незнакома, и я понял, что владельцы ее неместные и, возможно, вскоре покинут город. Я хотел было подойти к ней и попросить за небольшое вознаграждение вывезти меня отсюда. Но тут из задней двери вышли двое преотвратных на вид мужчин. Они несли связанную по рукам и ногам девушку, во рту у нее был кляп. По тому, как она вырывалась и сопротивлялась, я понял, что на моих глазах происходит нечто не вполне законное, и, будучи человеком по природе осторожным

и попавшим в весьма неприятную ситуацию, посчитал за благо не вмешиваться…

— Как назывался трактир, где ты остановился? — быстро спросил Хорг у Конана.

Тот пожал плечами.

— Не помню. Кажется, что-то вроде «Золотой чаши».

— Как выглядела девушка? — повернулся Хорг к волшебнику.

Омигус задумчиво наморщил лоб.

— Стройная, невысокая, с длинными белокурыми волосами. Лет шестнадцати на вид.

— Луара! — убежденно заявил кузнец.

— Возможно, вам поможет вот это…— Омигус полез в карман, извлек некий блестящий предмет и протянул его Хоргу.

Кузнецу хватило одного взгляда, чтобы с уверенностью воскликнуть:

— Это ее! Ее браслет! Я сам подарил его Луаре на шестнадцатилетие! Откуда он у тебя?

— Девушка умудрилась расстегнуть его и бросить на дорогу. Злоумышленники ничего не заметили. Я же подобрал его, когда они уехали… Видите ли, оставшись без гроша в кармане, я подумал, что, продав сию милую вещицу, смогу найти средства к…

— Ладно-ладно,— нетерпеливо сказал Хорг.— И что было дальше? После того, как она выбросила браслет?

— Лиходеи кинули девушку в повозку и уехали по направлению к воротам. Больше я их не видел, честное слово.

— Понятно.— Хорг пришпорил коня и направил его к выходу из переулка.

— Стой, ты куда? — гаркнул Конан ему вслед.

— Тебе не ясно? — гневно обернулся кузнец,— Охранники наверняка в сговоре с ними! Иначе стража ни за что не пропустила бы повозку со связанной девушкой. Я убью их! Душу выну, но узнаю, кто эти сволочи и куда они повезли Луару!

— Дурак, тебя арестуют и даже разбираться не станут! — со злостью прошипел киммериец, — Не забывай, нас теперь каждый солдат в городе ищет. Дров мы здесь за сегодня наломали немало: драка на площади, нападение на патруль, кража казенной лошади, поджог какой-то… Ты, кстати, ничего по дороге не поджигал?

— Нет вроде.— Хорг нерешительно вернулся на прежнее место, то и дело оглядываясь в сторону городских ворот.

— Да уж, непонятно…

Омигус смущенно кашлянул.

— В случайном и непреднамеренном пожаре, о котором вы, добрые господа, говорите, наверное, есть доля моей вины… Позвольте мне объясниться, дабы убедить вас в своей честности и лишить каких-либо сомнений в моих всецело добрых намерениях… Находясь в весьма стесненных обстоятельствах, я вынужден был примкнуть к труппе бродячих циркачей и, демонстрируя свое непревзойденное искусство волшебника, за мизерное вознаграждение развлекать скудоумных зрителей. Здесь, в Шаграваре, готовясь к выступлению перед толпой обывателей на площади, я стал свидетелем вашего… э-э… поединка, и зрелище это настолько потрясло меня, что, каюсь, будучи чрезмерно взволнован, я допустил небольшую ошибку в заклинании Усмиренного Пламени, в результате чего невинно пострадала лавка скупого купца…

— Ага, значит, это из-за тебя нас по всему городу ищут стражники? — вскинулся кузнец.

— Глупые, злые люди! — с жаром ответил Омигус.— Из-за малейшего промаха они готовы повесить безвинного мага, не разобравшись в причине оплошности и не принимая в расчет, что убытки, понесенные зловредным плутом, именующим себя купцом, настолько незначительны…

— Хватит! — отрезал Конан.— Все и так ясно. И почему же ты решил, что мы поможем тебе выбраться из города?

— Рассчитывая на ваше добросердечие, я готов предложить вам посильную помощь в этом предприятии, ибо одному мне не справиться…

— Ладно,— опять остановил его киммериец.— Ну и как, циркач, ты думаешь выбраться за ворота?

— Ну-у… Я могу поделиться с вами некоторыми соображениями, кои, надеюсь, поспособствуют…

— Короче,— прошипел Хорг сквозь зубы, нависнув над магом.— Очень прошу, короче…

Омигус испуганно отпрянул и поспешно заговорил:

— Да-да… Стражников можно просто подкупить, но для этого нужны деньги, хорошие деньги, а лично у меня всего три медяка. Если у вас, конечно, больше… Впрочем, встречается в подлунном мире и неподкупная стража. Но есть еще одна идея…

Артиста выслушали не перебивая. Когда тот закончил, Хорг хмыкнул и произнес:

— Что ж, попробовать можно. Если не выйдет,— в его голосе зазвенел металл,— придется перебить эту неподкупную стражу. Мы должны выйти из города. И выйдем. Немедленно.

*** * ***

— Что тебе нужно, чужеземец? — Начальник стражи пристально и подозрительно (как, наверное, всех и всегда) рассматривал высоченного варвара, оторвавшего его от удачно складывавшейся партии в кости.

— Вот,— печально произнес незнакомец и ткнул пальцем себе за спину, на освещенных тусклым светом из приоткрытой двери караулки двух лошадей. Через седло одной из них было перекинуто что-то вроде большого мешка. Рядом, удерживая лошадей за поводья, переминался с ноги на ногу невысокий человек с котомкой на плече.— Брат умер. Мы в Гиль-Дорад шли, из северных земель Аквилонии. Когда уходили из Шадизара, ему плохо стало. Ну, добрались до вашего города, думали — отдохнем малость и дальше двинемся… Но брату стало хуже. А сегодня он умер.

Стражник слушал рассказ об умершем брате вполуха, размышляя в тот момент, садиться ему снова за кости или не испытывать больше судьбу, подарившую знатный выигрыш.

— Лекарь сказал — похоже на чуму,— продолжал между тем варвар,— У него все тело в язвах…

При слове «чума» начальник караула вздрогнул:

— Что-что?

— У него, говорю, все тело в язвах. Посмотри сам. Ты такого кошмара, поди, и не видывал. Даже страшнее, чем тело, из которого вытащили сотню отравленных стрел. Пойдем, стражник, посмотришь. Лекарь — вон тот, лошадей держит — расскажет тебе, как умирал мой брат.

«Громы небесные, в мою-то смену!» — содрогнулся в душе начальник караула, вспоминая те наводящие дрожь истории, что ему доводилось слышать о зверствах чумы.

— Лекарь подтвердит,— гнул свое чужеземец,— что труп надобно вывезти из города подальше, сжечь, пепел закопать, а лошадей убить. А нам побыть несколько дней в одиночестве. Чтобы узнать, не заразились ли и мы. Пойдем к лошадям, стражник… Да! — спохватился он.— Вот тебе за беспокойство.

В сторону главного караульного протянулась рука с кошельком.

— Оставь себе,— отшатнулся от подношения страж.— И уезжай побыстрее!

«Кто знает, что там на самом деле,— подумал он.— Может, все врет. А вдруг и вправду чума? Свяжешься, дотронешься, вдохнешь заразу, а потом…— Его передернуло.— Нет, с глаз долой, и поскорей!»

— Арзан и Криont, хватит бездельничать! Ко мне, живо! Пойдем открывать ворота…

* * *

— …Просторная, однако, у тебя одежда.— Хорг высвободился из облачения циркового мага, которое странники только что удачно выдали за саван.— Держи, оно тебе еще пригодится.

— Очень удобная вещь.— Омигус сиял от удовольствия, ведь все прошло так замечательно, и он, он придумал этот трюк с чумным покойником.— Множество всевозможных предметов — разумеется, магического характера — умещается внутри. Вот, помню…

— После расскажешь, циркач! — Хорг вскочил в седло.— При следующей встрече. Если, конечно, встретимся.

— Я поеду с вами! — не на шутку перепугался Омигус.— Вы же не бросите старого больного волшебника среди ночи, один на один с волками и чудовищами! Я же услужил вам! И еще услужу!

— А ты будешь меньше болтать? Обещаешь? — усмехаясь, спросил его Конан.

— Клянусь! Клянусь отражением всего сущего в хрустальных колодцах садов небесных и семью головами непобежденного Прародителя умерших богов, а также чудотворящим посохом Зенито…

Рука подъехавшего вплотную к магу киммерийца крепко ухватила болтуна за ремень, и через мгновение тот оказался на крупе конановского жеребца впереди седока.

— Для такого животного,— варвар ласково похлопал коня по холке,— ты небольшая обуза.

— Совсем темно,— проговорил Хорг, озираясь.— Без факелов нам не обойтись.

— Я знаю, как их сделать,— тут же отозвался Омигус.— Огонь — моя стихия…

* * *

Невыносимый скрип колес и нудное цоканье копыт наконец прервались визгливым мужским голосом:

— Эй, пузан! Все позади. Можешь развязать птичкам клювики, а то у товара будет нетоварный вид!

Рядом с Луарой что-то засопело, и пугавшая беспросветная тьма вдруг рассеялась. С глаз сорвали повязку, но во рту по-прежнему оставалась гадкая тряпка. Сопение рядом усилилось, что-то грузное завозилось на повозке.

Луара приподняла голову и огляделась. Тьма, почти такая же кромешная, как и под повязкой… Но все же, если присмотреться, может, удастся что-нибудь разобрать? Глаза свыклись с сумраком, и сквозь него начали проступать какие-то очертания: силуэт возницы на фоне звездного неба, фигура грузного мужчины в светлом халате, который, пыхтя, ползал по днищу с места на место, и — что это? — контуры людей, лежащих рядом с ней на жалком слое

соломы. «Наверное, тоже девушки». Из глаз Луары хлыну, ли слезы. Да-да, никаких сомнений, это именно то, о чем она догадывалась.

Порой отец или брат, отправляясь в город, брали Луару с собой и, кроме всего прочего, водили девочку и на невольничий рынок. Там она насмотрелась и на рабов, и на работорговцев. Последних она презирала за их неблаговидный промысел. Луара немного жалела бедных людей в ошейниках, что покорно ожидали своей участи, но стоило ей уйти с рыночной площади, как она тут же забывала о них.

Свободные люди попадали в рабство разными путями: кто за долги, кого брали в плен, кого продавали родители, чтобы прокормиться. А некоторых похищали. Луара слышала много историй о похищенных людях (как правило, молодых девушках), которых переправляли в другие страны и сбывали в рабство. Но она даже представить себе не могла, что подобное может случиться с ней, да еще в обнесенном стеной, охраняемом городе. Сердце девушки сжималось от ужаса, стоило ей подумать о том, что ее ждет в будущем. Слезы не переставая текли по ее щекам.

— Эй, красотки! — послышался сиплый голос грузного мужика,— Сейчас я развяжу ваши клювики и дам воды. А если кто-нибудь из вас вякнет, пикнет или заверещит, тому снова заткну глотку.

— И руки не развяжем,— подсказал тонкоголосый возница.

— Вот именно,— ухмыльнулся первый. И, с кряхтением нагнувшись к одной из девушек, освободил ее рот от осточертевшей тряпки. Испуганная девушка принялась осыпать поцелуями руки злодея.

— Я сделаю все, что ты захочешь… Прямо сейчас… И для друга сделаю… Только отпустите меня домой… Я пешком пойду… Я сделаю все…— запричитала она.

— Говорил же — не болтать,— огорчился злодей и снова замотал бедняжке рот. Другие, в том числе и Луара, предпочли после этого промолчать и получить пару глотков теплой водицы. Им освободили руки, но ноги не развязали. Луара прислонилась к бортику повозки, а та все везла и везла их куда-то в ночи… Она кляла себя за то, что по глупости ушла из трактира, за побег из отцовского дома, плакала, представляя себе, что ждет ее впереди… Но усталость взяла свое, и девушка уснула…

*** * ***

Небо медленно приоткрыло свой дневной глаз и обнажило кровавый зрачок солнца. Едва начало светать — всадники пришпорили лошадей и двигались тем скорее, чем полнее вступал в свои права день; все реже приходилось останавливаться, чтобы высмотреть на земле след проехавшей ночью повозки. Наконец совсем рассвело, и, погасив факелы, седоки погнали своих лошадей во весь опор, следуя за колеей, ведущей на северо-восток…

*** * ***

Натянутая над повозкой плотная ткань не пропускала палящих лучей, однако пыль все-таки попадала внутрь. Но девушки, которым только по очереди ненадолго развязывали руки и иногда

давали по глотку затхлой теплой воды, этого даже не замечали. Ведь стоило кому-нибудь из бедняжек заплакать или просто о чем-то спросить своих мучителей, как их лишали и этих «милостей». Очнувшись утром от того, что с большим трудом можно было назвать сном, Луара долго не могла поверить в то, что происходящее — не продолжение привидевшихся ужасов, а явь, что она не проснется на белоснежной мягкой кровати в своей комнатке на первом этаже «Пьяного вепря», а будет терпеть унижения от этих, а потом и от других скотов.

«О Митра, величайший из богов,— закрыв глаза, вознесла девушка молитву тому, чей храм посещала лишь считанные разы и к кому не обращалась в душе ни разу, пока не стряслась беда. — Спаси меня, верни домой! Порази молнией негодяев. Пусть Конан отыщет меня. Пусть он передумает, вернется в трактир и, не застав меня там, бросится на поиски. Пусть мой брат поскачет за мной, чтобы отговорить от путешествия в Гиль-Дорад, и по дороге встретит Конана, и вместе они найдут мой браслет и нападут на след похитителей…— Самые фантастические мысли роились в голове Луары, когда она тщетно искала лазейку, сквозь которую к ней могло прийти спасение.— Клянусь, Митра, я отдам все, что у меня есть, жрецам твоего храма, я на целый год пойду в твой храм в услужение, буду ходить по Шадизару с кружкой, собирать пожертвования. Только спаси меня от позора, от…»

— Эй! Чего ты там бормочешь? Молишься своим вонючим богам? — Толстые губы раздвинулись в издевательской ухмылке.

При свете дня Луара рассмотрела своих мучителей. Этот, стерегущий похищенных девушек (вместе с Луарой их было четверо), из-за избытка жира в теле тяжело переносил тяготы путешествия по знойной пыльной степи. Не помогала белизна халата, шаровар и головного платка — он потел, беспрестанно ерзал и срывал зло на девушках. Луара подумала, что похищением молодых женщин он занимается, видимо, лишь для того, чтобы отомстить им — ведь такого, как он, вряд ли кто полюбит! Маленький, толстый, мясистые, трясущиеся щеки, узкие щелочки глаз, весь в прыщах — бр-р-р!.. Второй, возница, высокий и худой, с детским лицом, изборожденным старческими морщинами, обладал, казалось, неисчерпаемым запасом энергии: всю ночь и половину дня он без устали нахлестывал пару сильных немедийских гнедых и еще то и дело просовывал свое тощее тело под полог повозки и отвешивал глупые шуточки, от которых лишь сам заливался долгим визгливым смехом.

— Твои боги не помогут тебе, дура! — Дряблая жирная нога в белой остроносой туфле пнула Луару по щиколотке.— Сегодня я — твой бог. Я могу покарать, могу помиловать. Мне молись, мне.

Дочь трактирщика поймала на себе сочувствующие взгляды сестер по несчастью. Это были две черноволосые заморийки и миниатюрная симпатичная кхитаянка — откуда и как она попала в эти края и в лапы злодеев, одним богам известно.

— Эге-гей, пузан! Для твоих девочек есть хорошая новость! — В повозку заглянул худощавый возница.— Тебе эта новость тоже понравится!

— Чего там?

— Отмучился ты, отмучился! Я уже вижу их! Скоро приедем! И девочки получат то, о чем все они мечтают больше всего на свете, ха-ха-ха!..

«Митра, всесильный Митра, сделай же что-нибудь!» — с новой силой взмолилась Луара…

*** * ***

Вот уже несколько часов, как день перевалил за середину, но по-прежнему только степь и призрачный след таинственной повозки видели перед собой преследователи.

— Насколько же они нас опережают? — спросил Хорг Конана.

— Часа на три, думаю. Но вот куда они едут, никак не могу понять.

По Конану и не заметишь, что он целый день провел в седле. Ни следа усталости. Чего нельзя сказать о великом чародее Черного Круга: Омигус охал и стонал, и если бы варвар не придерживал его могучей рукой на крупе своей лошади, то маг давно бы без сил свалился на землю.

— Отпустите меня на волю! — время от времени начинал требовать непревзойденный кудесник.— Не могу я больше… Лучше издохну среди тушканчиков, чем на хребте этой скотины! Великие боги, ну за что такие напасти на бедного мага, на скромного трудолюбивого циркача? Ну давайте хоть отдохнем, а? Ну часик, полчасика, минутку, а?

Иногда в волшебнике вскипала злость, и он требовал привала, угрожая произнести смертоносные заклинания, превращающие его недругов в труху, но злость быстро покидала его, и он снова скатывался на заурядные стенания и хныканье.

Хорг и Конан обращали на Омигуса не больше внимания, чем на сухой степной ветер или на кружение стервятников над головой. Их взоры были прикованы к колее и к кромке горизонта, где вот-вот что-то должно было показаться, не могло не показаться…

*** * ***

День вплотную придвинулся к вечеру, когда повозка с пленницами добралась до места. Среди степи расставило свои шатры многолюдное кочевое племя, промышляющее выращиванием овец, лошадей и коз и набегами на пограничные города и деревни. В этот небольшой, приземистый городок и держали путь похитители: они не раз наведывались сюда сбывать свой товар.

Кочевники-мужчины, у каждого из которых и без того был свой гарем из местных женщин, любили пополнять его наложницами, предпочтительно молоденькими. Чем моложе, тем дороже они платили за товар.

У всех наложниц судьба складывалась одинаково: сперва — любимая игрушка, затем, раньше или позже, черная работа — выпас овец и коз, выделывание шкур, готовка, стирка и все такое прочее, до самой смерти…

В кочевье еще издали заметили повозку, и навстречу ей поскакал сторожевой отряд на небольших, но быстроногих лошадках. Признав гостей, кочевники отпустили тетиву натянутых луков и заулыбались, предвкушая отменное веселье. Они с гиканием сопровождали повозку торговцев живым товаром до первых шатров, а там их сменили грязные голопузые дети. Крича и визжа, они побежали рядом, так и норовя уцепиться за задний бортик и прокатиться на странной арбе чужеземцев. Худощавый возница с детским лицом уверенно остановился около одного из шатров. Он знал, что здесь собираются старейшины, решаются дела племени и… покупают девушек. Он бодро соскочил со своего места и, раздвинув шкуры, вошел в шатер.

Луара и другие пленницы осторожно выглядывали из-под полога повозки и были ни живы ни мертвы, понимая, что сейчас решится их судьба. То и дело под полог просовывали головы дети, крича что-то на незнакомом, гортанном языке, чему-то смеясь. Толстяк-надзиратель развеселился, с его заплывшего лица не сходила довольная улыбка, он потирал руки и зачем-то

подмигивал то одной, то другой девушке.

— Они уже собираются, выводи свой отряд,— неожиданно скомандовал возница. Толстяк торопливо принялся распутывать веревки на руках и ногах девушек.

— Приехали,— бормотал он себе под нос.— Ой, как хорошо! Какие мы молодцы!

Луара еле сдерживала себя, чтобы не заехать освобожденной ногой в его свиное рыло. «Ничего,— подумала она,— я сбегу из рабства, найду тебя, жирный ублюдок, и выпотрошу твое брюхо. Нет, посажу тебя на цепь, и ты будешь долго-долго мучиться без еды и питья…»

— Вылезайте, скорее же, скорее.— Толстяк выталкивал девушек из повозки. Когда его потная ладонь коснулась тела кхитаянки, та вдруг резким, как удар бича, движением руки влепила своему мучителю звонкую пощечину. Грузное тело покачнулось, на одутловатом лице промелькнул испуг.

— Абрах, Абрах! — завизжал боров, схватившись за щеку.

— Что случилось? — поинтересовался возница.

— Присматривай за узкоглазой, бешеная она! — плаксивым голосом посоветовал толстяк своему приятелю, любовно поглаживая пылающую щеку коротенькими жирными пальцами.

— По морде попало? Ха-ха! Не волнуйся, эту сучку мы быстренько отдадим в хорошие руки. И ты будешь отомщен. Ха-ха!

Девушек ввели в шатер. Шкуры, заменяющие дверь, запахнулись за ними. Около выхода встал охранник.

«Боятся, что мы убежим? — удивилась Луара.— Но куда?»

Изнутри шатер оказался гораздо просторнее, чем представлялся снаружи. Его освещали расставленные по кругу плошки с горящим жиром. От них шел такой удушливый чад, что Луаре сразу стало дурно: в глазах потемнело, голова закружилась и подступила тошнота. И плохо было не только Луаре: одна из замориек со слабым стоном упала в обморок, едва переступила порог шатра. Это вызвало лишь чей-то смех, а сопровождавшие девушек похитители бросились приводить несчастную в чувство: сначала били ее по щекам, а потом дали понюхать какой-то флакончик, извлеченный из нагрудной сумки худощавого. В конце концов заморийка очнулась. Луара же сделала несколько глубоких вдохов и справилась с дурнотой без посторонней помощи. Она осмотрелась. Пленницы расположились в центре шатра, пол которого устилали шкуры леопардов, рядом с ними крутились столь ненавистные несчастным девушкам толстый и худой надсмотрщики, у противоположной стены круглого строения, скрестив ноги, восседали на шкурах семеро кочевников. Перед ними лежал ковер, уставленный яствами и напитками, они жадно ели и пили, запуская руки то в одно, то в другое блюдо и отправляя еду в рот. При этом они чавкали и рыгали так громко и часто, что у Луары мелькнула мысль: «Будто нарочно стараются». Она и не подозревала, что оказалась права. В этом племени чавканьем и рыганием гости выражали одобрение хозяину. Луаре казалось, что лица степных жителей на удивление походили друг на друга: смуглая кожа, узкие щелочки глаз, длинные поникшие усы. Да и одеты все они были одинаково — кожаные широкие штаны, поверх них — короткая юбка-кольчуга, толстые меховые безрукавки до пояса, отделанные причудливыми узорами, вышитыми золотой нитью, остроконечные шапки. С головы до ног кочевники были увешаны бронзовыми, золотыми и серебряными украшениями. «Дикари! Я попала к дикарям!» — ужаснулась дочь цивилизованного мира.

Один из семерки вдруг облизал лоснящиеся от жира пальцы, громко щелкнул ими и что-то торжественно произнес. Из темноты выскочил еще один дикарь и замер в почтительном поклоне, заглядывая в глаза своему господину. Тот опять щелкнул и что-то сказал. Прислужник, оказавшийся толмачом, повернулся к девушкам и их сопровождающим и перевел:

— Вам дозволяется начать делать торговля.

Луара не знала и не могла знать, что перед ней восседают главы самых знатных родов, один из которых — тот, что щелкал пальцами,— был вождем всего племени. По обычаю, они первыми выбирали себе наложниц. Если товар им не нравился, они покидали шатер, и тогда их место занимали предводители родов менее влиятельных, и так далее. У каждого из нынешней семерки уже было не менее двух десятков жен и трех дюжин наложниц. Однако интерес все не пропадал.

Худощавый работорговец выступил вперед и, указывая на девушек, возбужденно заговорил:

— Первосортный товар! Другой мы вам и не посмели бы предложить. Вое свежие, молоденькие! Я подозреваю, а, как вы знаете, обманываюсь я редко, что вот эта и эта (трясущимся от предвкушения наживы пальцем он указал на Луару и кхитаянку) наверняка девственницы, и вы легко сможете это проверить. Все здоровые и сильные — из них выйдут хорошие работницы…

Один из родовитых кочевников усмехнулся и что-то произнес, показывая на кхитаянку. Толмач быстро перевел:

— Вот она очень худая. Плохо работать. Может, больная?

— О, нет! — всплеснул руками тощий продавец женщин.— Она повыносливее других будет. Это мой лучший товар. Девчонка из далекого, загадочного Кхитая. Они все там узки в кости, малорослы, но работящи, проворны и в постели неутомимы. Знают множество всяких невиданных любовных фокусов, телом вертлявы и изгибаться могут как угодно. Дорогой товар…

И опять потемнело в глазах у Луары. «Какой-то чудовищный сон, этого не может происходить со мной, не может,— стучало в ее мозгу.— Наваждение. Я больна и брежу. Неужели меня продают и сейчас начнут обсуждать и мое тело, словно я безделушка на базаре? Точно лошадь на продажу? Не может такого быть, не может…»

А тощий все болтал и болтал, расхваливая прелести кхитаянки. Кочевники одобрительно кивали, о чем-то переговаривались, и вот один из них стукнул себя кулаком в грудь, что означало: «Я хочу купить», поднялся и неторопливо направился к пленницам, по пути оглядывая кхитаянку вожделенным, хозяйским взором.

Луара взглянула на свою невольную подругу: лицо той было непроницаемо. «Неужели она не понимает, что здесь происходит? Или ей все рано?..»

Кочевник приблизился к кхитаянке, взял ее за подбородок, повертел голову туда-сюда, провел пальцами по телу, особенно тщательно ощупал маленькую грудь. Девушка не шевелилась, не сопротивлялась. Покупатель задумчиво потеребил ус, потом, обхватив хрупкую будущую рабыню за талию, с легкостью оторвал ее от земли, высоко поднял, опустил, рассмеялся и, еще раз ударив кулаком в грудь, выкрикнул что-то по-своему.

— Он берет, она нравится,— подоспел перевод.— Говори твой цена.

Все случилось молниеносно. Одним точным, ловким движением кхитаянка выдернула из-за пояса кочевника длинный узкий кинжал, в два прыжка оказалась около худощавого говорливого работорговца и, со всей силы всадив остро отточенную сталь в самое сердце, несколько раз провернула клинок. Возница, так и не успевший понять, что произошло, замертво рухнул на пол, заливая леопардовые шкуры кровью. А кхитаянка, выдернув оружие из бесчувственного тела, бросилась на второго работорговца. Но тот, быстро опомнившись от потрясения, уже бежал, тряся жиром, под защиту знатных кочевников. Охваченная страстью мщения, гибкая, как кошка, девушка кинулась за ним. В ее вытянутой руке блестело лезвие со следами свежей крови. Но тут узкое запястье руки, сжимавшей кинжал, обхватила волосатая лапища. Кхитаянка потеряла равновесие и упала. Оружие выскользнуло из разжавшейся ладони, а кочевник, избравший ее в свои наложницы, стоял над девушкой и заливисто хохотал.

Отсмеявшись, он что-то сказал соплеменникам, доселе с безучастными лицами наблюдавшим за происходящим, и те заулыбались.

— Товар хороший,— перевел толмач, обращаясь к скукожившемуся в спасительной близости от пирующих толстяку, теперь единственному хозяину невольниц.— Бахыр-хан любит необъезженных скакунов.

Тот, кого назвали Бахыр-хан, снял с могучей шеи золотую гривну и швырнул под ноги работорговцу.

— Хватит? — спросил кочевник через переводчика.

Толстяк схватил гривну обеими руками и торопливо закивал, потряхивая тройным подбородком. Испуг вмиг сошел с его лица, уступив место удовлетворенной алчности. Луара хорошо знала склад ума подобных людей. Теперь он, конечно, радуется смерти своего напарника, может быть, даже своего единственного друга — ведь добычу уже не надо делить ни с кем.

А Бахыр-хан легко, как пушинку, поднял кхитаянку и понес к выходу, держа под мышкой сильной волосатой рукой. Та билась, кричала и царапалась, но это не производило на дикаря никакого впечатления.

Валявшийся на полу кинжал подобрал подбежавший охранник и вернул владельцу, предварительно вытерев лезвие о рукав. Тот сунул оружие за пояс и покинул шатер — вместе со своим новым приобретением. В шатре вновь воцарилось спокойствие, будто ничего и не произошло.

«А ведь я стояла совсем близко от кинжала,— подумалось Луаре.— Сделай шаг, схвати его и… И убей себя? Или кого-то из этих мерзких животных? Может, так было бы лучше…»

Путаницу ее мыслей прервал голос одного из кочевников. Луара поглядела в сторону говорившего, и — о Митра! — он указывал на нее унизанным кольцами пальцем.

— Сколько хочешь за эта женщина? — спросил присмотревший Луару дикарь через толмача у вновь приободрившегося толстого торговца…

*** * ***

Услыхав негромкое покашливание, хозяин шаграварского трактира «Золотая чаша», Заячья Губа, поднял голову и вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял невесть откуда взявшийся высокий человек в черном плаще и внимательно наблюдал, как тот подсчитывает дневную выручку. Минуту назад в трактире никого не было, а дверь, открываясь, так скрипит, что слышно аж из кухни… Откуда же взялся этот тип? Заячья Губа машинально прикрыл монеты волосатой рукой.

— Я ищу своего друга,— вполне дружелюбно проговорил неизвестный.— Мы были вместе, но вчера днем случайно разминулись. Как мне сообщили, он остановился твоем заведении. Не знаешь ли ты, куда он отправился дальше?

Трактирщик отрицательно помотал головой. Неизвестно чего, но он испугался. Гость улыбнулся:

— Слишком поспешный ответ, чтобы быть правдой. Ты ведь даже не спросил, кого именно я ищу. Позволь я расскажу тебе. Он высокий, очень мускулистый, черноволосый. При нем большой двуручный меч и, очевидно, невысокая белокурая девушка. Его зовут Конан, варвар из Киммерии. Как зовут девчонку, мне неизвестно.

— Нет,— хрипло ответил Заячья Губа и откашлялся. Страх усилился. И зачем он только ввязался в историю с похищением этой девчонки?!.— То есть да. Они действительно останавливались у меня, но вчера, ближе к вечеру, съехали. Куда — я не знаю, клянусь Митрой.

Улыбка незнакомца стала шире.

— Спасибо, трактирщик. Ты очень помог мне. Чем я могу отблагодарить тебя? Не откажи в любезности и прими в награду эту безделицу.

Сказав это, незнакомец положил на стойку огромную, с человеческую ладонь, монету, и солнечные блики заиграли на ее реверсе, где был изображен бородатый старик. У Заячьей Губы перехватило дыхание. «Золото, чистейшее золото, чтоб мне лопнуть!» Чутье еще никогда не подводило его. Не отрывая взора от сокровища, он протянул к нему дрожащую руку — коснуться, погладить, приласкать, схватить, завладеть… но пальцы замерли в воздухе на полпути к монете. Широко раскрытыми глазами трактирщик смотрел на деньги, а старик с реверса пристально смотрел на него, не позволяя отвести взгляд. На пухлом лице Заячьей Губы блестели капельки мигом выступившего пота.

— Итак,— как ни в чем не бывало сказал неизвестный,— давай продолжим. Куда же отправились мой друг со своей спутницей?

Блеск металла всецело поглотил разум и волю трактирщика. Остекленевшие глаза таращились на монету, мелко дрожала рука, так и не коснувшаяся золота.

— Я очень умный,— донесся изо рта трактирщика тихий монотонный голос.— Очень, очень умный. За девчонку я выручил двадцать монет. Весьма выгодная продажа. Я всегда нахожу стоящий товар…

— А Конан? — наклонившись ближе, вкрадчиво спросил гость.— Куда отправился Конан?

— Я обманул Конана,— послышался тот же бесцветный голос.— Он думает, что девчонка вернулась в Шадизар. А я продал ее кочевому племени. Никто ничего не узнает…

— Какому еще племени? Где оно?

— Где-то на востоке. Двадцать монет — большие деньги. Я смогу внести задаток за новый дом…

— Хватит. Ответь-ка лучше: правильно ли я понимаю, что девчонку ты продал каким-то дикарям, а Конана убедил, будто она скачет обратно в Шадизар?

— Ага. Я обманул всех. Я умный…

Человек в черном выпрямился и в раздумье закусил губу. Он не знал, что делать. Поверил ли варвар трактирщику, бросился ли следом за девчонкой, якобы возвращающейся домой? Или прознал, что Заячья Губа обвел его вокруг пальца, и теперь мчится к кочевью? И где находится это кочевье?.. Конану наверняка не удалось выбраться из города ночью. Значит, он покинул его рано утром. Возможно, стража городских ворот помнит, куда именно он отправился.

Что ж, похоже, трактирщик больше ничего нового не сообщит.

— Спасибо за помощь,— повторил незнакомец,— А эту золотую безделицу, пожалуй, можешь оставить себе.

Он сделал обеими руками движение, будто толкает в грудь трактирщика неимоверно тяжелый груз, потом отвернулся и, не оглядываясь, ушел.

Грудная клетка несчастного затрещала, сминаемая невидимой силой, изо рта вырвался долгий хрип, когда сжимаемые чудовищным давлением легкие вытесняли из себя воздух; не выдержавшие нагрузки ребра с хрустом лопнули, проткнув сердце, трахею, легкие. Горлом пошла кровь, и Заячья Губа замертво упал на пол. А на стойке остался лежать деревянный кругляшок с неумело, словно ребенком, нацарапанной рожицей.

Глава седьмая

—Вижу! — Крик Конана огласил степной простор, и конь киммерийца взвился на дыбы.

— Где? Что? — Проскочивший вперед кузнец тут же вернулся к своему спутнику.

— Там,— показал варвар.— Кочевье в степи.

— Да где же, где? — Хорг старательно всматривался в горизонт, но ничего, кроме бесконечной степи, не видел. Его глаза не могли состязаться в зоркости с орлиным зрением киммерийца. Не говоря ни слова, Конан пришпорил своего жеребца и припустил к лишь ему видимой цели. Изрыгая проклятия, Хорг помчался за ним вслед. Прошло некоторое время, и он тоже углядел какие-то черные точки там, где желто-красная земля переходила в тускнеющую голубизну вечернего небосвода.

— Стойте, стойте! — раздались вдруг вопли мага. Он словно взбесился — принялся выхватывать у варвара поводья, дергать коня за гриву.

Конану, а за ним и Хоргу пришлось остановиться.

— Ну куда вы несетесь, остолопы! — воскликнул Омигус,— Куда?! Нет, куда — понятно. Но что вы там собираетесь делать, решили? Да, я вижу, да, стойбище кочевого племени, куда, похоже, и привезли вашу красавицу. И чем вы теперь намерены заняться?

— Заткни глотку этому недоумку, Конан, или выкинь его вон! — взревел Хорг, гарцуя вокруг жеребца киммерийца.

— Всегда успею. Что ты хочешь сказать, о великий маг? — Северянин вытер загрубелой ладонью лицо. Обнаженный торс варвара обильно покрывал пот, и его впечатляющие мускулы, рельефно обозначившись, казались просто сверхъестественными для простого смертного.

— Там живет пара сотен воинов, никак не меньше, и невообразимая уйма женщин.— Омигус прервался, чтобы приложиться к меху с водой, протянутому Конаном.

— Ты хочешь сказать, оборванец, что мы не отыщем среди них мою сестру?

Маг с сожалением покачал головой.

— Я хочу сказать, кузнец, что они не только не вернут вам вашу красавицу, но даже не сообщат, у них ли она. И что вы тогда будете делать? Ввяжетесь в бой со всем кочевьем? С вас станется!

— Скинь его с коня, Конан. Или оставайся с ним здесь, а я еду!.. Ну что, будешь и дальше слушать его болтовню?

— Меня послушать невредно. Если вы не продумаете все как следует, то не избежите неприятностей, и что самое печальное, и я вместе с вами. Нужно придумать, как мы обхитрим кочевников… а заодно и отдохнуть.

— Не выйдет! — раздался громкий голос варвара.— Поздно строить планы. Посмотрите,— рука киммерийца вытянулась в сторону кочевья,— они выслали отряд. Они настороже, так просто к ним не подберешься.

— Тогда вперед! — И Хорг направил своего коня навстречу приближающемуся облаку пыли. Конан поскакал следом.

— Послушай, Конан! — Маг побледнел, голос его дрожал.— Только не делай глупостей и дружку своему не давай. Будем осторожны и хитры… Конан, а Конан! Ты слышишь меня? Когда-то я целый год жил в степях. У одного кочевого племени… В плену… Так уж получилось… Эхе-хе… Так вот, может, язык этих схож с языком тех, ведь и те, и эти — степные дикари…

— Ну и что с того? — Конан все-таки остановил коня и прислушался к

разглагольствованиям мага, хотя взгляд его по-прежнему был прикован к приближающемуся дозору кочевников.

— Как что?! Мы будем понимать, делая при этом вид, что не понимаем, о чем они говорят.

— Да, да,— рассеянно пробормотал в ответ Конан. Глаза киммерийца были устремлены в сторону надвигающегося отряда степных жителей, его внимание полностью переключилось на них. Для встречи двоих конных кочевники выслали два десятка воинов. Подъехав к незваным гостям, кочевники натянули тетиву луков, показывая тем самым, что готовы удержать посторонних на безопасном расстоянии от своих жилищ.

Когда дозор приблизился, Конан одной рукой, без видимого усилия, приподнял Омигуса за поясной ремень и аккуратно опустил на землю, а сам освободил меч из ножен и положил его поперек седла. Не показывать воинственности, но быть настороже и дать понять, что перед кочевниками тоже воин, который готов и может дать отпор.

Варвар знал: обитатели степей с детства обучаются стрельбе из лука и владеют этим оружием превосходно — в чистом поле с ними трудно сражаться. «Но сейчас они слишком близко,— подумал северянин,— и, если что, в два прыжка можно вклиниться в их толпу — пускай тогда стреляют в мешанину людей и лошадей и, пока попадут в меня, своих положат немало».

О чем думали степные дикари, молча рассматривая странных иноземцев, было неизвестно.

Наконец один из них, наверное главный дозорный, что-то выкрикнул на непонятном наречии. Несмотря на свою молодость, Конан успел побывать во многих землях и, от природы обладая цепкой памятью, мог изъясняться на многих языках, однако речь кочевника оказалась совсем незнакомой. Вдруг Хорг обратился к дикарям на языке Заморы:

— Эй, мы к вам по делу. Ведите нас к своим главарям… Кто-нибудь понимает, что я говорю, дьявол вас возьми?!

Похоже, никто не понимал. Дозорные поглядывали на своего предводителя, который, продолжая изучать незнакомцев, о чем-то размышлял. Конан выжидающе смотрел прямо в глаза вожаку, а маг прижался к крупу коня северянина, переводил взгляд с кочевников на своих попутчиков и обратно и, видимо, порывался что-то сказать, но не решался, лишь нервно кусал губы.

И вот наконец выражение глубокой задумчивости покинуло лицо начальника караула, морщины на лбу разгладились — он принял какое-то решение. Что-то громко и кратко приказав своим подчиненным, он сделал приглашающий жест гостям. Конан, Хорг и маг, вновь усаженный на коня впереди киммерийца, двинулись в сторону шатров в сопровождении не спускавших с них глаз кочевников.

*** * ***

Луара плохо помнила, как шла торговля. Когда она увидела указывающий на нее грязный, волосатый, унизанный кольцами палец, будто туман застлал ее глаза и разум. Из этой пелены иногда проступали лица, фигуры, кто-то заставлял ее что-то делать, чему она беспрекословно и бессмысленно подчинялась, чьи-то губы что-то произносили. Она чувствовала, что ее ощупывают, и это не вызывало в ее оцепеневшем теле никакого отклика.

Потом ее взяли за руку (пахнуло бараньим жиром, этот запах только усилил головокружение) и куда-то повели. Она запомнила ощущение вечерней свежести,

освобождающей легкие от заполнившего их смрада, людское шевеление вокруг. Затем она вновь погрузилась в такой же чад, но смешанный с благовониями. Из тумана выплыло беззубое, морщинистое лицо старухи и теперь неотступно находилось рядом. Рядом — когда Луару раздевали, рядом — когда укладывали на перины и подушки, рядом — когда чьи-то руки принялись втирать в тело девушки розовое масло. Именно от этого ударившего в ноздри аромата туман рассеялся. И Луара поняла, что лежит на просторном ложе в небольшой комнатке, отгороженной от других помещений стенкой из ковров. У этих свисающих с потолка до самого пола ковров, скрестив руки на груди, стоял и ухмылялся дикарь — невысокий, но очень широкий, шея его, казалось, была раза в два шире головы; его обнаженные руки и поросли волосами, словно у обезьяны, которую та однажды видела на шадизарском базаре. На пальцах рук красовалось столько перстней, что он вряд ли мог сжать ладонь в кулак.

Стоя на коленях возле распростертой на тонком розовом белье девушки, молодая уроженка степей, на которой были лишь шаровары да ожерелье на обнаженной груди, то и дело макала пальцы в плошку с ароматным маслом и втирала его в нежную кожу дочери такой сейчас далекой Заморы. Маленькие груди кочевницы колыхались в такт неторопливым движениям рук, прикосновения которых вызывали бы приятные ощущения, если б Луара не понимала, к чему ее готовят. За приготовлением очередной рабыни своего господина к брачной ночи наблюдала сидящая на корточках по другую сторону ложа сухая сгорбленная старуха. Она все время говорила что-то шамкающим ртом своему хозяину.

«Теперь все,— посетила Луару первая после долгого оцепенения мысль.— Ничего уже не поделаешь. Аграмон рассказывал, что боги играют нами, как куклами. То, что сейчас происходит со мной,— прихоть богов, и не мне, слабой девчонке, тягаться с ними. Верно, они разгневались на меня за то, что до этого я обходилась без них. И вот наказание…»

За стенами шатра сгущались сумерки, мир заполняла ночь… Эта ночь будет невыносимо черна.

*** * ***

Их ввели в тот же шатер, где прежде смотрели и покупали девушек. Все так же горели плошки с жиром, все те же семеро сидели на своих местах, вот только на этот раз в шатер набилось множество воинов в островерхих шапках, в юбках-кольчугах, с луками за спиной и узкими изогнутыми саблями без ножен за поясом. У Конана, едва он переступил порог, отобрали меч и кинжал. Варвар без возражений отдал оружие, поскольку сейчас необходимо было продемонстрировать миролюбие. Хоргу пришлось расстаться со своим боевым молотом, вызвавшим удивление и интерес у дикарей-кочевников. Прежде чем положить это странное оружие к оружию северянина, они долго разглядывали диковинный предмет, взвешивали по очереди на руках, о чем-то перешептывались, то и дело окидывая мускулистые тела незнакомцев полными уважения взорами. У ступившего за порог шатра мага оружия не было, это вызвало вполне объяснимое подозрение у степных людей, и они обыскали Омигуса. Под одеждой ничего режущего или колющего не оказалось, тогда кочевники высыпали на пол содержимое большой сумки циркового чародея. На леопардовые шкуры полетели пузырьки, флаконы и мешочки, перевязанные тесемочками пергаментные свитки, амулеты и ладанки на любой вкус, фальшивая борода, складная тросточка, несколько сушеных ящериц и много еще более мелких и менее значительных вещиц. Насмеявшись вдоволь, жители степей милостиво позволили чудаку-

иноземцу собрать потешное барахло и взять сумку с собой.

— Сюда иди, сюда садись,— неожиданно прозвучало на знакомом языке. За секунду до этого напротив семерки родовитых кочевников, но в отдалении от них поверх шкур расстелили толстый ковер, на котором и предложил воссесть гостям от имени хозяев кочевник-толмач, уже немало потрудившийся сегодня.

* * *

Старуха и наложница, втиравшая розовое масло, вышли. Волосатый дикарь шагнул к ложу, сняв и откинув в сторону островерхую шапку. Луара невольно метнулась на другой край постели и замерла, поджав колени к подбородку и обхватив их руками. Она дрожала, как в лихорадке. Дикарь стащил через голову юбку-кольчугу, бросил на пол. Усмехаясь, пожирая глазами жертву, принялся развязывать тесемки на меховой куртке.

— Нет, нет, нет,— как заклинание, бормотала девушка.

Не понимая, что там пищит наложница, кочевник ответил ей на своем режущем слух языке:

— Молись, шадизарская шавка. Доберемся и до твоих богов. А пока я отведаю тебя. Сегодня я разрешаю тебе брыкаться, царапаться, кусаться, кричать. Кричи громче!

Он освободился от куртки, принялся стаскивать грубую нижнюю рубаху.

— А завтра я заставлю тебя с радостью выполнять, что прикажу. Завтра попробуешь мои кулаки, а после будешь целовать мне ноги, чтобы я ласково взглянул на тебя. Когда я возьму тебя на ночь — это будет лучший праздник в твоей жизни.

Луара не могла понять, о чем говорит это чудовище. Но, говори он даже на ее родном языке, вряд ли она сейчас разобрала бы хоть слово. Впрочем, девушка знала, что смысл произносимого, как и то, что сейчас произойдет, одинаково страшны.

Дикарь сел на пол, чтобы снять сапоги…

И вдруг за стеной раздались громкие голоса. Кочевник что-то злобно прокричал в ответ, затем, очевидно ругаясь, стал напяливать на себя одежду.

Он оделся, погрозил Луаре пальцем, улыбнулся и вышел. Тут же в спальной комнате появились старуха и две наложницы с кинжалами за алыми поясами. Старуха присела рядом с дрожащей обнаженной девушкой, наложницы встали около входа. Луара поняла, что это лишь временная отсрочка. Легче не стало. Ужасное, невыносимое ожидание неотвратимого несчастья только удлинилось.

* * *

Конан первым присел на ковер, скрестив ноги. Это вызвало невольный вздох облегчения у степных воинов: стоя в центре шатра, почти касаясь головой шатрового свода, заполнив собой, казалось, половину мира, варвар-исполин пробуждал суеверный страх — будто некий бог в человечьем обличье вступил в тесное людское жилище. Наваждение ушло, как только он опустился на ковер. Рядом расположились кузнец и маг. Блики огня играли на мышцах северянина, отражались в небесного цвета глазах.

— Кто такие, зачем к нам, откуда пришли? — перевел слова вождя толмач. Что это вождь, Конан понял потому, что тот сидел в центре «стола», а на щеке у него была татуировка в виде парящего орла — наверняка символ власти.

Кузнец отрывисто заговорил:

— Сами мы идем из Шадизара. Я — Хорг, со мной Конан из Киммерии и Омигус. Когда мы пришли в Шагравар, с нами была моя сестра. Там ее похитили. След похитителей привел нас сюда. И мы хотим знать: здесь ли она?

По дороге через степь Хорг обшаривал глазами каждый клочок красноватой земли с жухлой растительностью, силясь отыскать какой-нибудь знак, указывающий, что они на верном пути, что сестру провезли именно здесь. Стоило Хоргу приблизиться к кочевому поселению и затем въехать в него, как он весь превратился в зрение, всматривался в окружающее настолько пристально, что глаза заболели и заслезились. Но нигде, ни в чем не мог он обнаружить следов своей пропавшей сестры. И лишь перед тем, как сделать шаг с улицы и оказаться в духоте и мраке степного жилища, кузнец в последний раз окинул взглядом крикливую суету, царившую на пространстве меж одинаковыми, как и сами их обитатели, шатрами, и вдруг чуть не вскрикнул от радостной драгоценной находки: около загона для лошадей стояла крытая повозка. Именно за такой они и скакали целые сутки. Лошади были выпряжены, но по каким-то лишь опытом и интуицией улавливаемым признакам Хорг понял, что повозка эта совсем недавно вернулась из долгого путешествия. Сейчас, разговаривая с вождем, кузнец почти не сомневался, что сестра где-то здесь, у этих грязных, вонючих выродков.

Выслушав обращение Хорга и его прямой вопрос, вождь (или шума-хан на языке племени) на некоторое время погрузился в сосредоточенное раздумье. Видя это, остальные дикари даже дышать старались как можно тише. В этот момент в шатер быстро вошел еще один кочевник — судя по тому, что он лишь слегка наклонил голову, приветствуя вождя, перекинулся несколькими тихими словами на родном языке с прочими и вальяжно уселся рядом с ними, не менее родовитый и влиятельный, чем присутствующие. И вновь воцарилась тишина. Гости ждали решения вождя терпеливо, хотя внутри них все кипело.

Вот шума-хан тихо и вроде бы приветливо произнес что-то, глядя Хоргу в глаза, затем рубанул рукой воздух, и голос его перерос в крик. Закончил свою речь вождь опять задушевно, лицо осветила улыбка. Замолчал, жестом дал знак переводить.

— Шума-хан всегда рад гостям. Ты думаешь, мы воруем людей.— Толмач старался точно передать не только слова, но и интонации повелителя и поэтому на последней фразе взвизгнул, точно ужаленный скорпионом. Но продолжал спокойно: — Шума-хан может держать ответ только перед такой же шума-хан.

Хорг почувствовал, что в нем закипает бешенство, которое вот-вот выплеснется наружу, а тогда и без того не ладящееся дело можно загубить напрочь. Кузнец успокоил себя, собрался с мыслями — как же быть дальше, что говорить после такого странного, невразумительного ответа главного дикаря — и произнес:

— Я не шума-хан. Но мой отец — богатый человек, очень уважаемый человек в Шадизаре. У нас богач — это, считай, вождь, шума-хан. Мой отец даст хороший выкуп за дочь, за мою сестру.

Хорг взглянул на Конана, как бы ища у него совета — ну что еще сказать этим ублюдкам? — но тут же вновь обратил взгляд к вождю и добавил:

— Мы не думаем, что именно вы похитили. Вы могли купить ее у настоящих похитителей, думая, что она рабыня.

Кузнец замолчал.

— Мы верим в мудрость и справедливость шума-хана,— тотчас загремел под сводами шатра

голос Конана.— Мужчина поймет мужчину, поймет, что значит — потерять сестру!

Опять воцарилось благоговейное молчание. Наконец вождь заговорил вновь, и говорил он долго. Его слова перевели так:

— Да, мы купить сегодня женщин у торговца рабами. Может, твой сестра там, может, не там. Иди смотри. Там — будешь платить выкуп, кто купил ее, в два раз больше, чем он давал деньги. Иди смотри в дом, где женщины.

— Уф, слава Митре! — облегченно вздохнул Хорг.— Нашли, жива.

«Надеюсь, с ней не успели сделать ничего… плохого» — одна мысль омрачила нахлынувшую на кузнеца радость.

Обратив свое узкоглазое лицо к тому, кто командовал дозором и кто сейчас стоял за спинами гостей, шума-хан отдал короткое приказание. Потом обратился к Конану, Хоргу и магу:

— Идите с ним к женщинам. Берите оружие. Мы вам верим.

— Благодарю тебя, шума-хан,— сказал Хорг, первым поднялся и взял поданный ему тяжелый боевой молот.

С оружием в руках они вышли из шатра и в сопровождении главного дозорного, всех воинов дозора и переводчика двинулись от шатра к шатру под взглядами высыпавших отовсюду обитателей степного городка.

— Конан! — В сиплом шепоте мага варвар услышал пугающее напряжение. Киммериец взглянул на Омигуса… и вдруг почувствовал, что сейчас тот скажет нечто важное и страшное.— Конан,— опять просипел циркач, украдкой покосившись на чуть отставшего переводчика.— Нас приказали убить…

Глава восьмая

Когда дверной полог опустился за чужеземцами, которых уже можно было считать пищей для степных стервятников, и в шатре остались лишь семеро глав родовых, самых влиятельных в племени кланов, шума-хан сказал хозяину беспокойной пленницы:

— Ты можешь догнать шадизарских шакалов и взять за свою кобылицу выкуп. Я разрешаю это тебе, Юсуп-хан.

— Шакалам следовало бы поторопиться. Теперь я не хочу выкупа. Я уже надкусил кусок и намерен доесть его. Мне надо потушить разожженный огонь.

Родовитые кочевники заулыбались и одобрительно покивали.

— Иди гаси, Юсуп-хан.— Вождь поднялся, за ним все остальные.— От разговоров о женщинах мне захотелось проведать свой табун кобылиц.

Откинув шкуры, закрывающие еще один выход, которым пользовались только эти семеро, кочевники один за другим покинули шатер.

* * *

— …Нас приказали убить. Это правда, я понимаю их язык. Нас ведут в бахран-сарай. Я знаю, что это такое. Пустой шатер, где уже ждут лучники. Мы войдем — они выстрелят. А вот эти ударят нам в спину. Что делать, Конан? Надо бежать.

Киммериец понял, что сказанное Омигусом правда. Тревожное чувство, охватившее его, когда они покинули шатер, чувство, вызванное легкостью, с которой кочевники согласились на их условия, недоверие к людям, живущим разбоем, людям, для которых убийство — обычное дело, обрело подтверждение. Да, иначе и быть не могло — их ведут на смерть. Но бежать? И невозможно, и не за этим они сюда мчались.

Значит, бой.

Сколько врагов вокруг, для варвара значения не имело и не пугало. Если надо драться — значит, надо, значит, необходимо думать только об этом. Если суждено погибнуть — значит, так написано на роду и угодно богам. Меч при нем, и это главное.

— Омигус,— прошептал Конан,— мы будем сражаться. Начнется заваруха — попробуй улизнуть.

В два широких шага киммериец поравнялся с идущим чуть впереди Хоргом и, не поворачивая головы, так же тихо произнес:

— Только не суетись раньше времени. Нас ведут на убой в какой-то там шатер. Это точно. Маг понимает их язык, он понял, что приказал вождь своим воинам. Я принимаю бой. Ты со мной?

— Да,— быстро и так же тихо ответил кузнец.— Омигус не мог ошибиться?

— Не думаю. Будь готов. Я выбираю момент и начинаю первым, ты за мной. Помни о луках. Забирайся в самую гущу врагов. Не стой на открытом месте. Все. Будь наготове.

Хорг не мог оставаться столь хладнокровным, как варвар. Он почувствовал предательскую дрожь в руках, ноги налились тяжестью, пришлось стиснуть зубы, готовые пуститься в нервный

пляс. «Боги, дайте мне силу и мужество»,— в отчаянии взмолился про себя кузнец.

Тем временем их почти подвели к шатру, где якобы ждали женщины, а на самом деле изготовились пятеро самых метких лучников, взявших на прицел закрытый шкурами вход. Шатер назывался бахран-сарай, что на языке кочевников означало «запасной дом».

*** * ***

— Вот я и вернулся! — Юсуп-хан жестом прогнал старуху и двух наложниц.— Твой братец нам теперь не помешает.

И дикарь вновь принялся освобождать себя от ненужных ему теперь одежд.

*** * ***

Когда из уст вождя извергся приговор, Омигус так испугался, что от желания немедленно броситься в ноги шума-хану и выпрашивать пощаду его удержала только одна вовремя пришедшая на ум мысль: ведь шансов уйти живым будет еще меньше, чем теперь, когда дикари не подозревают, что их коварство раскрыто. Выбираясь на свет божий из вонючего шатра и проклиная тот день и час, когда бес свел его с двумя сумасшедшими, рыщущими в поисках, конечно, такой же тронутой сестры, маг прикидывал, выгодно ли ему открывать свое знание варвару и кузнецу.

«Ненормальные,— думал Омигус,— у них в голове одна солома. Они ничего лучшего не придумают, как устроить здесь побоище. Тогда, под шумок, я смогу доползти до какой-нибудь лошади и ускакать… Да-да, это единственный шанс. Других нет! Скажу варвару, у него вроде нервы покрепче и извилин побольше. Ах да, кстати… О боги, боги, благодарю вас за то, что когда-то — вашими, разумеется, усилиями — я познакомился с языком этих уродов…»

Восемь лет назад, когда их цирк давал представление в одном из туранских городов, боги познакомили Омигуса не только с языком кочевников, но и с их обычаями. Так вот, после прощального представления Омигус решил нанести последний визит полюбившимся ему питейным заведениям, где вино было и крепче, и дешевле. Прощание с трактирами и погребками затянулось аж на три дня. Труппа задержалась на один день, пытаясь отыскать своего волшебника. Друзья-циркачи облазили все, на их взгляд, привлекательные для потерявшегося артиста места, привычки которого они слишком хорошо знали, но дня оказалось недостаточно. Маг запропастился всерьез и надолго. Рассерженные циркачи махнули на непутевого чародея рукой и уехали без него, решив, что Омигусу известно, куда они направляются,— как-нибудь сам доберется, тем более не впервой.

На третий день маг выбрался из погребка. Не найдя свой цирк, он пересчитал оставшиеся деньги и понял, что медяков хватит только на какую-нибудь клячу, на которой и придется догонять друзей. Но на базаре Омигуса осенило: ведь он может купить ослика, и еще останутся деньги на еду в дороге. Чародей приобрел ослика по подозрительно низкой цене и на радостях опять напился. В затуманенном состоянии рассудка Омигус пустился вдогонку за родной труппой. В степи, через которую пролегал его путь, он сбился с дороги и заблудился. А тут еще

осел вознамерился через шаг останавливаться, и никакие заклинания не могли сдвинуть его с места.

Когда же наконец маг увидел на горизонте шатры кочевого племени, он бросил тупое животное и, усталый и голодный, отправился туда пешком. Осел, кстати, пошел за ним следом, но стоило оседлать его, как он вставал как вкопанный. Так чародей и его осел попали к кочевникам. Осла съели, а чародея сделали рабом. Около полугода Омигус носил колодки и занимался черной работой, но однажды ему удалось украсть кинжал. Несколько ночей он подпиливал оковы, днем затирал разрез грязью и наконец перепилил их. Потом он, незаметно пробравшись к загону, украл лошадь и ускакал на свободу. После двух месяцев одинокого и трезвого странствия по городам и деревням он набрел на свой цирк. Тогда-то Омигус и поклялся себе и своим друзьям, что в рот не возьмет демонического зелья… но уже спустя неделю опять напился в хлам, и все вернулось на круги своя.

И вот сейчас — как вечное наказание за грехи — опять кочевники, и на сей раз твердо решившие убить его. А этого ох как не хочется!

Рассказав Конану о планах дикарей и убедившись, что тот действительно собрался драться со всем кочевьем, Омигус направил мысли на то, как ему вернее спастись.

* * *

Дикарь, оставшийся в одной, отвратительно топорщившейся, повязке вокруг пояса, надвигался на Луару. Волосатые руки тянутся к ней, и вот-вот унизанные кольцами пальцы ухватят ее…

Девушка откатилась на другую сторону постели — дикарь промахнулся. Она бросилась к выходу, откинула шкуры — но сильный толчок бросил ее обратно. Мелькнули алые пояса, заткнутые за них кинжалы. Луара отлетела назад и попала в объятия обезьяньих рук насильника…

* * *

Они остановились около бахран-сарая. В сгустившихся сумерках мир казался серым и холодным. Начальник дозора указал на полог, что-то сказал. Вставший по другую сторону от входа толмач перевел:

— Идите. Вас ждут женщины. Смотри, где твой сестра, там — не там. Идите.

Конан шагнул к входному отверстию, остановился, обернулся и, улыбнувшись, оглядел собравшихся. То, что произошло дальше, было неожиданностью для всех и случилось столь молниеносно, что окружающие отреагировали слишком поздно.

— Начинаем, Хорг! — спокойно сказал Конан. С этими словами он схватил одной рукой начальника дозора, другой — переводчика и легко, словно мешки с опилками, закинул в шатер, сбив их телами занавеску из шкур. После чего меч будто сам прыгнул в руку варвара.

Едва Конан научился ходить, отец подарил ему деревянные меч и ножны. Едва Конан научился говорить и понимать речь, отец сказал ему: «Сперва научись быстрее всех вытаскивать

меч, а потом учись сражаться им. Побеждает тот, кто вытащил меч первым, а уж потом тот, кто ударил сильнее…»

Просвистели стрелы — толмач с начальником дозора беззвучно повалились на шкуры. Тигриный прыжок — и вот северянин стоит рядом с выстроившимися полукругом воинами-кочевниками, не успевшими за прошедшие мгновения не только положить новые стрелы на тетиву, но даже понять, что происходит. Длинный, острый, тяжелый двуручный меч врезался в их тела. Взмах, еще взмах, смертоносная сталь мелькала в воздухе слева направо, сверху вниз, и никто не мог спастись от нее.

Хорг хоть и был наготове, хоть и понимал, что вот сейчас Конан начнет то, из чего вряд ли удастся выйти живым, хоть и услышал слова «Начинаем, Хорг», но опомнился и выхватил из-за пояса молот лишь тогда, когда северянин уже вовсю крошил дикарей.

Издав оглушительный рев, чтобы вместе с ним выгнать из легких и из души последний страх, Хорг поднял свое устрашающее оружие и пошел на ближайшего кочевника, который уже успел обнажить кривую саблю и подставить ее навстречу удару молота. Однако кузнец вложил в удар столько силы и злобы, что вогнал саблю сквозь шапку прямиком в голову врага.

Слева налетел еще один противник — кузнец успел подставить молот, кочевник напоролся на него животом и пополам согнулся от боли. Свободной рукой Хорг схватил дикаря за грудки и швырнул под ноги двум подоспевшим кочевникам. Те споткнулись и упали на утрамбованную землю. Чудовищное стальное оружие дважды поднялось и опустилось, ломая кости, вгоняя их обломки в плоть. В этот момент рядом что-то со свистом прорезало воздух — стрела чиркнула по руке, оставив кровоточащую царапину. Хорг заметил, что вокруг него образовалось пустое пространство. Кочевники отошли подальше, чтобы расстрелять сопротивляющегося иноземца из любимого оружия. Поднялись луки, натянулась тетива. Чуть в стороне сражался Конан. Хорг пришел в замешательство, видя направленные на себя стрелы и не зная, что предпринять. Вот-вот стрелы устремятся в полет…

Вдруг за спиной кузнеца полыхнула вспышка, а потом — множество вспышек впереди него. Хорга вмиг заволокло едким, спасительным дымом. Теперь, окутанный дымом, он был скрыт от стрелков, но и от него было скрыто все окрест. Хорг оглянулся — позади ярким пламенем полыхал бахран-сарай. «Ничего не понимаю»,— пробормотал кузнец.

*** * ***

Зато Омигусу было ясно все. Когда мага подвели к шатру, он незаметно положил руку на свою сумку, запустил пальцы внутрь и стал перебирать знакомые предметы, на ощупь отыскивая заветный пузырек, содержимое которого так не понравилось купцу Макару. Пузырек нашелся, когда Конан бросился с мечом на опешивших дикарей. Оставалось лишь высыпать на ладонь пригоршню мелких серых шариков, произнести простое, прямо-таки детское заклинание и швырнуть шарики на шатер. Шатер полыхнул.

Следующая горсть полетела туда, где шла битва. Шарики устроили прекрасную дымовую завесу, под прикрытием которой хитроумный волшебник задумал пробраться к лошадям и удрать подальше от опасного места. Омигус обежал пылающий шатер, из которого слышались вопли обгорающей засады лучников, и припустил к загону для лошадей.

А из шатра вырывались объятые пламенем, превратившиеся в горящие факелы лучники.

* * *

Железные лапищи вдавили руки девушки в мягкие перины. Сверху навалилась пыхтящая тяжесть. Кажется, уже нет спасения! Однако отвращение и страх толкнули Луару на последнюю попытку отсрочить жуткий миг. Согнув ногу в колене, она изловчилась и нанесла несильный, но точный Удар в самое чувствительное у мужчин место. Дикарь охнул, отпустил ее руки и схватился за ушибленный орган. Воспользовавшись моментом, Луара выскользнула из-под насильника и бросилась было к выходу, но вдруг почувствовала, как ступню ее ухватила огромная крепкая ладонь. Дикарь вновь притянул строптивую рабыню к себе.

* * *

Батыр-хан привел, вернее, принес под мышкой свою покупку — девушку из Кхитая — в шатер, где он держал свой гарем, тут же повалил ее и изнасиловал. Кхитаянка отдалась без сопротивления, чем удивила и огорчила его. Насытившись новой наложницей, хозяин привязал ее за лодыжку к тяжеленному казану и велел своим женщинам дать ей работу и следить, чтоб не ленилась. Кхитаянке, которую звали Ки-шон, вручили миску риса, наказав перебрать его. Та покорно принялась за работу. Но в душе ее пылала жажда мщения. Ки-шон не сопротивлялась Батыру потому, что тратить силы представлялось ей бесполезным — от насилия все равно не уйти. Да к тому же строптивость могла осложнить выполнение задуманного. А задумала она, улучив момент, убить взявшего ее силой дикаря, а потом найти и зарезать второго, жирного торговца, похитившего и продавшего ее. Ки-шон верила: ей выпадет удачная минута.

* * *

Он пребывал в состоянии упоительного счастья. Все удалось как нельзя лучше. Похищение прошло гладко, товар они набрали отменный, продали по баснословной цене — вырученного золота хватит на несколько месяцев безбедной жизни, полной всяческих удовольствий, любимыми из которых были хорошая жратва, вино и потаскухи. К тому же эта бешеная кхитаянка убила не его, а Абраха, что тоже весьма кстати — не придется делиться. А нового напарника он найдет без труда…

Набив живот грубой, жирной, но сытной пищей кочевников, торговец живым товаром доковылял до повозки, стоявшей без лошадей неподалеку от загона, удобно устроился внутри нее и уснул безмятежным сном, сложив руки на необъятном животе. Он очень устал за последние дни и, слава богам, наконец сможет как следует отдохнуть.

* * *

Сначала за стенами шатра раздались пронзительные вопли. Не утихая, они множились. Прибавились топот ног, лязг оружия и жутковатые, похожие на предсмертные, завывания во всю глотку. Женщины побросали свою работу и побежали к выходу. Привстав, Ки-шон разглядела сквозь незакрытую спинами часть проема людей, бегущих с оружием в руках, целящихся лучников, клубы дыма и отсвет пожара. «Придел мой час»,— решила кхитаянка. Женщины из шатра продолжали, охая и всплескивая руками, глазеть на происходящее снаружи. О пленнице они позабыли.

Пройдя, сколько позволяла веревка, в сторону чадящей плошки с бараньим жиром, Ки-шон легла на циновки и попробовала достать до светильника. Она вытянулась в струнку, сухожилия свело от боли, но ей удалось лишь дотронуться до плошки кончиками пальцев. Тогда она схватилась обеими руками за веревку и дернула изо всех сил. Тяжеленный казан слегка сдвинулся, но Ки-шон было достаточно и этого. Как тигрица, она метнулась вперед, завладела светильником и подставила под слабый огонек веревку.

Внезапно одна из женщин обернулась, увидела, что происходит, и завизжала, привлекая внимание остальных. Те тоже стали оглядываться. Низкорослая, но крепко сбитая кочевница первой бросилась к строптивой пленнице. Веревка еще не сгорела, однако медлить было нельзя. Ки-шон рванула ее, и треск разрывающихся волокон дал знать, что она освободилась от привязи. Извергнув высокий, долгий, закладывающий уши вопль, кхитаянка швырнула в лицо приближающейся кочевнице плошку с горящим жиром. Закрыв обожженное лицо руками, та рухнула на колени. Ки-шон уже была рядом. Ее тонкая, хрупкая на вид рука скользнула за пояс раненой и выдернула кинжал. Увидев стальное лезвие, другая женщина бросилась прочь из шатра, остальные же стояли точно заговоренные.

Ненависть, одна только ненависть ко всем причастным к ее горю, к ее унижению, руководила Ки-шон. Как вихрь промчалась она через шатер и принялась вонзать кинжал в столпившихся перед выходом кочевниц, не разбирая, в кого и сколько раз втыкает мгновенно покрасневший клинок. Тела беспомощно закрывающихся руками, голосящих женщин оседали на пол, заливая его кровью. Из глубин Шатра к одной из умирающих от раны в живот с воплем бросился мальчик. Ки-шон обернулась к будущему грабителю и насильнику.

— Проклятый ублюдок, мерзкое отродье! — С этими словами она встретила ребенка ударом кинжала.

В живых в шатре никого не осталось, и кхитаянка выскользнула наружу. Первое, что она увидела,— возвышающуюся над всеми фигуру воина-великана, освещенную пламенем горящего шатра. Меч гиганта легко, будто деревянный, описывал замысловатые круги, опускаясь на наседающих кочевников, разрубая их плоть, снося головы, отсекая конечности. Тело исполина, гибкое, как бамбук, отклонялось влево-вправо, вперед-назад, с кошачьими проворством уходя от сабельных ударов и пущенных стрел. Это бог, пришедший спасти ее,— вот первое, что подумалось Ки-шон, и она тут же дала себе обет: если она исполнит все, что задумала и останется жива, то до конца дней своих станет рабыней черноволосого великана душой и телом.

*** * ***

Конан казался богом или посланцем богов не только кхитаянке. Многие воины кочевого племени тоже считали так и пятились, а то и бежали сломя голову прочь, подальше от меча

великана. Как может смертный человек так храбро сражаться, уходить от стрел, от клинков сабель, откуда такая уверенность в себе у простого смертного?!

Однако несколько сабельных ударов все же достигли Конана, правда, оставив лишь неглубокие, но кровоточащие раны. Одна из стрел вонзилась в бедро, но варвар тут же обломал торчавшее из ноги древко и продолжал битву — что-что, а глушить боль во время боя он умел. Он умел все, что должен уметь воин, и делал это лучше встречавшихся ему на поле битвы бойцов. Наделенный природой выдающимся талантом поединщика, он с детских лет совершенствовал себя.

В других странах, у других народов Конан с поразительной быстротой перенимал неизвестные ему доселе боевые навыки и вскорости превзошел учителей. Всю свою — еще недолгую — жизнь провел он в битвах и сражениях. Он родился воином и, невзирая на молодость, был великим воином.

В юные годы Конана, как и других киммерийцев, учили тому, что называлось «чувство летящей смерти». Давали в руки деревянный меч, завязывали глаза и заставляли отбивать и уклоняться от ударов деревянной палки учителя. Палкой били сильно, нещадно. Не у многих сверстников Конана, в конце концов, появлялось интуитивное умение, расслышав шум прорезаемого оружием воздуха, раньше самой мысли об этом, отбить удар или отбросить в сторону тело. Лишь Конан умудрялся с завязанными глазами наносить учителю поражающий удар своим детским мечом.

«Чувство летящей смерти» да пущенный магом дым, что со спины скрывал Конана от глаз вооруженных луками кочевников, помогли киммерийцу спасаться от стрел. Но понимая, что уклоняться от «летящей смерти» становится все труднее, варвар нашел еще одну защиту.

Нагнувшись, он схватил за широкий кожаный пояс одного из зарубленных им дикарей и поднял труп, как щит. В бесчувственное тело впивались стрелы, сабли вспарывали мертвую плоть. Северянин с легкостью управлялся с многопудовым «щитом». Кочевники были заворожены невиданной силой. Если в начале заварухи ряды кочевников пополнялись сбегавшимися со всех концов поселения воинами, то теперь — редели. Видя, что перед ним уже нет плотной стены врагов, варвар решился на прорыв к ближайшему шатру. Ведь они не ставили себе целью сражаться со всем племенем, им во что бы то ни стало надо было спасти Луару. Неистово размахивая мечом и подставляя под град Ударов и стрел изуродованный труп-щит, киммериец стремглав рванул в прорубленный им коридор. Кочевники расступались в суеверном ужасе, и вскоре Конан оказался рядом с одним из шатров. Около входа, обнажив саблю, киммерийца поджидал вождь племени, шума-хан.

*** * ***

Скрытый от дикарей дымовой завесой, Хорг размышлял, что предпринять дальше. Биться спиной к спине, плечом к плечу с Конаном или как можно скорее разыскать сестру увести ее в безопасное место?

Не дожидаясь более, когда из дыма на него выскочат враги, кузнец обежал пылающий шатер и ринулся на поиски Луары.

Он выскочил на открытое место — до ближайшего кочевого жилища оставалось две дюжины шагов. Но наперерез Хоргу спешил двое размахивающих саблями воинов. Хоргу ничего не оставалось, как вступить с ними в поединок. Под первый удар кузнец подставил стальную

рукоять молота — раздался звон, посыпались искры. Отпрыгнув назад, Хорг ушел от сабельного выпада врага и решил воспользоваться своим излюбленным, но очень рискованным приемом: при неудаче он мог оказаться в тяжелейшем, почти безвыходном положении. Отведя молот как можно дальше вбок, кузнец изо всех сил оттолкнулся от земли и кинул тело под ноги врагов, одновременно нанося подсекающий удар своим оружием. Удалось! Дикари рухнули на спину. Хорг первым вскочил с земли, поскольку был готов к падению, и поразил одного кочевника рукоятью молота в голову, а другому било угодило в шею. Противники были только ранены, но все равно вышли из строя. Путь к шатру был свободен.

Искать вход в шатер не было ни времени, ни возможности. Хорг с разбега обрушил молот на стену из шкур. И, пробив дыру, прыгнул внутрь…

Боги! Глубоко в спину вошло нечто острое, пронзив все тело невыносимой болью. Стрела! Хорг ввалился в шатер. Упал. «Нельзя умирать! — возопил его мозг.— Встань!»

И кузнец поднялся на ноги. В полумраке шатра метались чьи-то фигуры, от женского визга заложило уши.

— Луара! — выкрикнул Хорг.

* * *

Юсуп-хан поймал за ступню строптивую рабыню, притянул к себе, распял на перине, прижав ее руки и ноги своими ручищами и ножищами, и на его лице появилась блаженная улыбка.

— Так-так,— проговорил он.— Хорошо себя вела! Но хватит. Я хочу тебя взять!

В укромную комнату ворвался воин-кочевник. И заголосил, возбужденно размахивая руками. Он лопотал о провале засады, о начавшейся битве, о горящем шатре. Если б Луара понимала дикарский язык, услышанное придало бы ей сил на новую попытку освободиться. Но…

— Пшел вон! — рявкнул Юсуп-хан.— Как ты смеешь врываться в мои покои из-за двух несчастных шакалов! Ишачье дерьмо! Мои люди справятся с ними! Или ты, дрянь, хочешь, чтобы я за вас работал?! Вон!

Испуганный воин исчез.

— Жаль, что ты не понимаешь меня.— Источающие жестокость узкие глазки впились в широко открытые от страха глаза девушки.— И я не увижу, как ты затрепыхаешься в моих руках, узнав, что твой брат поблизости. Ну ничего, завтра ты увидишь его голову. Я принесу ее тебе, и ты…

Странные хлопки раздались где-то над головой, и вслед за ними в шатер повалил дым. Шкуры, образующие стены и крышу, стали обугливаться и валиться вниз. Наверху играло пламя. Шатер горел.

* * *

До загона для лошадей, нужного сейчас Омигусу более всего на свете, оставалось всего две

перебежки от шатра к шатру, прячась за которыми маг пока оставался незамеченным. Распластавшись на земле, отчасти уберегаемый защитной окраской своего основательно пропыленного и перепачканного грязью балахона, Омигус озирался перед очередным броском до следующего укрытия. Вот он, загон, прекрасно виден в отсвете пожара, шагов пятьдесят до него, не больше. Но около дикарских жилищ, что встали между ним и загоном, снует подозрительно много кочевников. Почему же не все они ушли на борьбу с Конаном?..

Маг услышал приближающийся топот и еще плотнее вжался в угол между стеной шатра и землей. Кто-то промчался мимо, не обратив внимания на странный бугорок на земле. Топот затих, Омигус высунул голову из-под капюшона. Пока вроде никого не видно, но ведь нельзя ждать здесь до самого утра! Единственное место, где можно чувствовать себя в относительной безопасности, это вон та крытая повозка, что стоит у загона. Однако до нее еще надо добраться… «Да, значит, опять придется пустить в дело мои чудесные шарики, все до последнего, как ни жаль».

Омигус высыпал последние шарики на ладонь, тяжело вздохнул и пробормотал заклинание. Бросать их теперь следовало аккуратно, с умом — слишком мало их осталось! — чтобы наверняка обеспечить себе безопасный пробег до загона. Прикинув, сколько и куда кидать, маг напутствовал себя словами:

— О боги Зла, которым я вроде бы должен поклоняться, как чародей Черного Круга, о боги Добра и всего такого прочего, которые всегда нравились мне больше, помогите-ка мне еще разок!

И, швырнув первый магический шарик, он поджег шатер, у которого прятался. Несколько зарядов легло на пути до следующего шатра, образовав стену дыма и пламени, вдоль которой и припустил Омигус. Такую стену он соорудил до самого загона, запалив еще парочку шатров, в одном из которых находились Луара и Юсуп-хан. Сам же чародей добрался до повозки и нырнул под полог.

— Уф-ф! — облегченно вздохнул он, в изнеможении растянулся на каких-то тюках… и почувствовал, что под ним что-то шевелится.

В этот самый момент напуганные близким пожаром лошади сломали стену загона и вырвались наружу.

*** * ***

Хрупкая женская фигурка тенью скользнула за спинами кочевников. Вот она оказалась позади стоявшего на одном колене лучника, который натягивал тетиву и целился в бога-воина. Взмах тонкой руки, блеск лезвия — и кочевник с перерезанным горлом падает ничком… И рядом уже никого. Ки-шон мгновенно исчезла с места расправы. Она искала и пока не находила тех, кто был ей так нужен. Тех, для кого она берегла два своих самых жестоких удара.

Шума-хан сделал ложный выпад саблей и тут же, выбросив вперед руку, которую прежде держал за спиной, метнул в Конана кинжал. Его глаза расширились от изумления, когда он увидел, как огромный черноволосый гигант с нечеловеческой быстротой отклонился от летящего в него клинка. И эта секундная заминка, вызванная удивлением, что его коварный, беспроигрышный трюк не удался, стоила шума-хану жизни. Конан поднял меч и опустил его на вождя племени, разрубив противника от плеча до середины груди. Отбросив утыканный стрелами, отслуживший свое труп-щит, варвар схватил бездыханное тело шума-хана и ворвался с

ним в шатер. Как ураган он пронесся по жилищу кочевников, круша всех, кто пытался встать на пути. Луары здесь не было, и северянин, прорезав стену шатра, вновь выскочил наружу. Непобедимый великан, вспыхивающие один за другим дома, вырвавшиеся на волю лошади, странный дым и без того уже поколебали смелость воинов кочевого племени, однако труп их вождя, которым гигант прикрывался как щитом, вселил в дикарей суеверный ужас. Кочевники бежали кто куда — в степь, в непроглядную ночь. Лишь самые храбрые и отчаянные еще выходили навстречу неудержимому чужеземному воину.

*** * ***

— Луара! — выкрикнул Хорг. Но среди визгов и воплей, воинственных кличей, треска, грохота и топота ног он не услышал родного голоса. Зато увидел надвигающиеся на него темные силуэты. Подняв отяжелевший молот, кузнец сделал шаг навстречу и почти наугад нанес удар сверху в смутное темное пятно. Он почувствовал, как молот натолкнулся на податливое препятствие человеческой плоти, раздался короткий вскрик. Хорг отступил, чтобы не попасть под сабли других воинов, чьи очертания маячили рядом, но былая быстрота уже покинула его. Выскочившее из темноты лезвие полоснуло его чуть выше левой кисти, другое вонзилось в предплечье. Слабеющее зрение Хорга вдруг уловило то, чего смутно ожидало сознание: проделанную им дыру в шатре заслонили чьи-то тела, и, кому бы они аи принадлежали, не было никаких сомнений: вот-вот в него вонзятся новые стрелы.

— Ну, это мы еще посмотрим! — прорычал кузнец и, собрав последние силы, метнул в четко обозначившийся впереди силуэт свое единственное оружие. Кочевник не был готов к такому повороту и не успел увернуться. Одной из своих граней молот врезался ему в переносицу — степной воин покачнулся, и еще раньше, чем тело коснулось земли, душа его отлетела в царство теней. Как только молот, покинув ладони, отправился в смертоносный полет, Хорг побежал вперед, перешагнув через тело поверженного противника. Подбирать молот не было времени, каждая секунда промедления грозила смертью. Выскочив из окружения, безоружный кузнец метался по шатру в поисках выхода. Он обо что-то спотыкался, падал, вставал, сметал перегородки шатра, путался в шкурах, сбивал кого-то с ног. Грудь в грудь Хорг налетел на кочевника и, опомнившись быстрее своего врага, сжал его горло пальцами, привыкшими скатывать в трубочку серебряные монеты и гнуть подковы. Хруст шейных позвонков врага отозвался в сердце кузнеца мстительной радостью. Тело кочевника обмякло. Хорг нагнулся и выдернул из ладони убитого саблю, которой тот так и не успел воспользоваться.

Брат Луары выпрямился, и в этот момент пущенная кем-то стрела вошла ему между ребер. Хорг упал.

Он лежал и чувствовал, как жизнь вытекает из него вместе с кровью. Но мысль о том, что последние минуты в этом мире он проведет, дожидаясь, когда к нему подойдут и добьют, заставила Хорга предпринять хоть что-нибудь. Сначала он встал на колени, затем, уняв головокружение и опираясь на кривую саблю кочевника, пошатываясь, поднялся во весь рост и направился к темнеющей вблизи стене. Несколько взмахов саблей, и он прорубил в ней проход. Выбрался наружу. Он не почувствовал, как в спину вонзились еще две стрелы. Сабля выпала из онемевших рук… Да она была и не нужна — вряд ли он мог кого-нибудь сейчас одолеть. Одно то, что ноги еще передвигали тело, было великим чудом. Хорг пошел куда-то, повинуясь странному зову, заставлявшему идти несмотря на то, что сил уже Не осталось и смысла в этом

никакого не было. Глаза ничего не видели — лишь кровавые пятна плыли перед его взором. Но зов в живом еще сердце толкал кузнеца вперед. Теперь кочевники не спеша расстреливали чужеземца со всех сторон. Стрелы входили в спину и грудь, протыкали ноги, руки и шею. Но Хорг еще переставлял ноги.

Вдруг таинственный зов приказал кузнецу остановиться. Ослепшие глаза на миг прозрели, но этого мига вполне хватило. Хорг понял, что не зря нечеловеческим усилием воли, смертельно раненный, шел под градом стрел. Теперь он может спокойно умереть. Он увидел.

*** * ***

Ки-шон нашла своего насильника. Не напрасно она обежала все стойбище, охваченное пожаром, в отблесках которого панически метались люди и взбесившиеся лошади. Батыр-хан сидел на земле и, постанывая, сжимал рукой разрубленный бок. Никакого оружия вблизи воина не было. Ки-шон присела на корточки перед бывшим и недолговечным своим повелителем, заглянула ему в глаза. Бледное лицо Батыр-хана было искажено болью. Из глаз текли слезы, сквозь которые он то ли не видел, кто перед ним, то ли не узнавал.

Почувствовав, что кто-то рядом, храбрый воин стал о чем-то просить. Кхитаянка несколько раз ужалила Батыр-хана острием кинжала в пах. Тот отозвался всхлипами, лицо его перекосилось от испуга. Кочевник понял, что рядом враг, но Ки-шон этого было мало. Она хотела, чтобы проклятый дикарь узнал ее перед смертью. Приставив кинжал к шее раненого, Ки-шон почти вплотную наклонилась к его лицу. И по отразившемуся в глазах насильника ужасу поняла: он знал, от кого сейчас примет смерть. Долго и мучительно убивать Ки-шон расхотелось, уж больно жалким выглядел сейчас этот покупатель женщин. Кхитаянка просто перерезала ему горло. «Теперь мне осталось найти только тебя, жирная свинья…»

*** * ***

Ощутив шевеление под собой, Омигус перепугался, но с места не сдвинулся. Бежать вроде некуда, и поразить врага нечем.

— Это я, я,— раздалось вдруг из-под мага на заморийском языке.— Свой, не трогайте меня. Я сейчас…

Из-под каких-то тряпок наружу выглянула заплывшая жиром, натянуто улыбающаяся физиономия. Догадливый Омигус, сведя воедино язык, повозку и черты лица прячущегося, сразу догадался, кто перед ним. А кроме того, он уже видел этого человека — на заднем дворе «Золотой чаши».

Маг перебрался на другое место в повозке, позволив похитителю женщин выбраться на воздух.

— Я торговец, я здесь случайно.— С трудом выпростав из-под нагромождения тюков толстое тело, удачливый работорговец уселся напротив Омигуса и непонимающе захлопал глазами.

— Торговец! — Маг попытался придать голосу радостные интонации.— Я тоже! Привез

наконечники для стрел. И тут вдруг такое началось! Откуда они взялись?

— Кто? — выдавил из себя толстяк, которого трясло от испуга. Когда он засыпал, все было прекрасно, а потом непонятные шумы разбудили его, и он выглянул из повозки. Все вокруг бегали, что-то горело, и торговец решил спрятаться и переждать, пока станет поспокойней.

— Кто-кто! Ты не знаешь? — И, убедившись, что толстяк и вправду не знает, Омигус разъяснил: — Шайка варваров. Грабители, насильники, убийцы. Охотники за чужим добром. Нам, честным торговцам, надо уносить отсюда ноги, да побыстрее. Что делать будем?

— Не знаю,— пролепетал вконец перепуганный работорговец.

— Э, брат, зато я, кажется, знаю! — оживился циркач.

Глава девятая

И еще один шатер Конан прошел насквозь, как щитом прикрываясь трупом вождя племени. Луары в нем не оказалось. Пробиваясь сквозь строй дикарей к очередному шатру, варвар увидел, как из полыхнувшего кочевого жилища, стоявшего следом за тем, к которому он двигался, выскочил голый человек. В его руках билась обнаженная девушка. Киммериец не сомневался: это она. Своих теперешних противников он не то что одолел — он их смел, разметал, вырубил, как сорняк, и ринулся туда, где только что видел Луару в руках дикаря.

Конан настиг их почти в степи, вдали от шатров. Дикарь повалил девушку, содрал с себя последнее из одежд, набедренную повязку, и пытался своими ножищами раздвинуть ноги поверженной жертвы. Долго сопротивляться девушка не могла, силы были неравны. Дикарь преодолел противодействие ее ног и навалился на нее, не сомневаясь: уж сейчас-то он добьется своего, вожделенного, распалившего его настолько, что ему было все равно, что происходит вокруг, кто с кем дерется, кто кого побеждает.

И в этот миг его резко рвануло вверх, прочь от девушки. Варвар за волосы поднял Юсуп-хана над землей. Конан не любил убивать безоружных, но тут был другой случай. Без колебаний и проволочек киммериец молча и деловито насадил дикаря на меч — как барана на вертел. Вытащив сделавший свое дело меч, северянин нагнулся над Луарой.

— Идти можешь?

Девушка нашла в себе силы кивнуть.

— Беги отсюда в степь, беги быстрее и дальше. Я найду Хорга — он здесь,— а потом найду тебя. Ясно?

Луара опять кивнула, но с места не сдвинулась. Конан поднял девушку, встряхнул, обеспокоено оглянулся. — Некогда, Луара, некогда. Беги!

И собрался было подтолкнуть ее изо всех сил в спину, в сторону степи, как…

— Конан!..

* * *

— Конан! — На это у Хорга достало сил. Боги позволили ему увидеть варвара и рядом — живую, спасенную сестру. И Хорг с успокоенным сердцем, отчего-то уверенный, что отныне его сестре ничего не грозит, разрешил мраку объять свой разум. Он погрузился во тьму, но жизнь пока еще трепетала в его израненном теле.

* * *

Конан увидел Хорга и понял, что тот умирает. Еще варвар понял, что своим последним возгласом кузнец препоручает ему свою сестру. Зная, что сейчас вновь полетят стрелы из луков

оставшихся в живых немногочисленных кочевников, киммериец подхватил Луару на руки и бросился с ней в степь, под защиту ночи.

Мгла окутала их. Конан бежал и бежал прочь от догоравших шатров. Если б не девушка, он бы сразу вернулся, чтоб вырвать тело Хорга у дикарей, не дав им надругаться над покойным, и, как должно, предать его земле. Еще оставался маг, но северянин был уверен, что тот давно удрал из стойбища.

*** * ***

— Конан! — Этот истошный, но с какой-то затаенной радостью крик привлек внимание и Ки-шон.

Кхитаянка огляделась по сторонам. Недалеко от того места, где ее застал этот крик, она увидела оседающего на землю человека, истыканного стрелами. Увидела она и того, к кому были обращены предсмертный возглас и взор умирающего: отблеск пожара выхватил из темноты две фигу черноволосого великана и девушки, одной из тех, с кем ее, Ки-шон, привезли к кочевникам.

Внезапно тот, кого кхитаянка считала своим спасителем, с девушкой на руках бросился бежать в сторону от кочевья и в мгновение ока растворился в ночи. Ки-шон оказалась на распутье: последовать за тем, кому она поклялась служить, или остаться и продолжать поиски жирного мерзавца? Второе показалось ей мелким и нестоящим. И она решила идти за черноволосым богом.

*** * ***

Две женщины, громко и истерично визжа, промчались мимо всех воинов, шатров и загонов, оказались в степи и продолжили свой бег, но уже молча, путаясь в одеждах, спотыкаясь и иногда даже падая. Наконец они, обессилев от усталости, повалились на землю и откинули с голов платки, скрывавшие доселе их лица.

— Кажется, удрали! — тяжело дыша, выговорил Омигус.

Толстый торговец рабынями лишь открывал и закрывал рот, точно рыба, выброшенная на берег. Долгий бег чуть не убил его. Кое-как отдышавшись, он обратился к магу со словами благодарности.

— Ах, мы, торговцы, завсегда должны помогать друг другу. Как хорошо, что мы спаслись! И даже не жалко денег, которые мне обещали заплатить завтра. Жизнь ведь дороже, правда?

На самом деле все золото, полученное за рабынь, покоилось в набрюшном поясе толстяка, но не говорить же об этом неизвестно кому!..

— Правда,— согласился маг.— Жизнь лучше, чем смерть. Мои наконечники тоже пропали, а какие хорошие были наконечники! Их у меня даже купить не успели. Теперь я беден. Совсем бедный купец…

Толстяк хотел было предложить своему неожиданному спутнику партнерство на будущее, но решил пока повременить, присмотреться.

— А что дальше делаем? — поинтересовался он.— Неужто через степь пешком?

Омигус подмигнул ему.

— Парень, тебе со мной повезло. Моя купеческая жизнь заносила меня и не в такие передряги. Как-нибудь за ужином, заказанным за твой счет, я расскажу о некоторых из них. А сейчас смотри и удивляйся. К нам прибегут лошадки — из тех, что разбежались по степи.

Маг полез в свою сумку. Был в его цирковом репертуаре такой трюк — он обращался к публике со словами:

«Мне, великому чародею Черного Круга, подвластны стихии и животное царство. Чьи приказы птицы и звери будут выполнять беспрекословно? Мои! Смотрите и изумляйтесь. Часть своего колдовского дара я растрачу, чтобы убедить вас в могуществе магии. Глядите, я произношу заклинание и приказываю всем кобылам на этой площади подойти ко мне!»

И, к вящему удивлению зрителей, кобылицы, даже с седоками на спинах, с громким ржанием срывались с мест и направлялись к магу.

«А теперь прочь! На место!» — вдруг командовал Великий Чародей, и лошади поворачивали вспять. Секрет фокуса заключался в порошке, сотворенном из семени жеребца. Стоило потереть пальцами щепотку этого порошка, как призывный для кобылиц запах быстро распространялся окрест, и те послушно шли к его источнику. Но во избежание неприятностей в нужную минуту приходилось растирать пальцами другой руки порошок иного, отталкивающего свойства, перебивающий запах первого.

Вот и сейчас Омигус извлек из своей сумки полезный порошок и, высыпав большую горстку на ладонь, принялся растирать его.

Прошло немало времени, чародей уже устал от монотонных движений и начал было сомневаться в успехе затеи, как вдруг вдалеке послышалось возбужденное ржание, а вскоре — приближающийся стук копыт.

— Держи-ка.— Омигус пересыпал порошок в ладони толстяка.— Три, как я. А я пока достану одну штуку… вот …— Он развязал небольшой узелок и вытащил из него сухие листья какого-то растения. Выбрав два листика, он аккуратно упаковал остальные и положил обратно в сумку. — Опытные конокрады знают, что это такое, и платят за листы этого дерева бешеные деньги. Стоит лошади пожевать один такой лист,— а жуют они охотно, нравится им почему-то запах этой дряни,— как она становится покладистой, словно невеста в брачную ночь.

Из темноты выплыла лошадиная морда, за ней еще одна… И вскоре два купца, настоящий и фальшивый, отправились на послушных кобылах в ночное конное странствие. Они решили не ждать, прискачет или нет третья на ароматный порошок. Главное сейчас — побыстрее смыться из этих мест.

«Нет, точно, предложу ему быть моим партнером». Толстяк все больше проникался уважением к новому приятелю.

«А золотишко у него, небось, с собой,— думал тем временем маг.— За товар наверняка уже уплатили. А такие уроды всегда носят золото на себе. Завтра и проверим».

*** * ***

Конан опустил обнаженную девушку на холодную землю. Не мешало бы на нее что-нибудь накинуть, но под рукой ничего не оказалось.

— Конан, Конан, ты пришел,— выдавила из себя Луара и разрыдалась.

Кочевье, обозначенное в ночи пламенем догорающих шатров, осталось уже далеко позади, и

можно было не беспокоиться о том, что на Конана и Луару случайно наткнутся трусливые кочевники, а также женщины, дети и старики, пережидающие в степи, пока все уляжется. Здесь Луара будет в безопасности, а он должен вернуться. Чтобы не дать Дикарям надругаться над телом Хорга, чтобы добыть лошадей и одежду для девушки.

* * *

Ки-шон помчалась за черноволосым богом со всей быстротой, на которую была способна. Но, разумеется, очень скоро она потеряла из виду слившуюся с непроглядной мглой исполинскую фигуру. Кхитаянка пошла наугад, оставляя за спиной полыхающее кочевье. То и дело она останавливалась, вслушивалась в ночные звуки, припадала ухом к земле.

Вдруг ей показалось, что кто-то рыдает. Ки-шон замерла. Да, чей-то плач доносился из темноты. И этот кто-то находился совсем рядом.

* * *

В разоренном кочевье стоял заунывный женский вой над павшими мужьями, отцами и сыновьями, тела которых сносили и укладывали рядами, готовя к погребальному ритуалу, в самом центре стойбища. Из степи с покаянно опущенными головами возвращались отсидевшиеся в безопасности кочевники.

Самые родовитые и уважаемые кочевники собрались возле тел шума-хана, Батыр-хана, Юсуп-хана и других погибших соплеменников и совещались, кому теперь быть главой племени, кому, как только соберут лошадей и рассветет, отправляться в погоню за подлым шадизарским шакалом. Хорг лежал там, где и упал, кочевники подходили, плевали на него и осыпали проклятиями. Никто из них даже не подозревал, что жизнь все еще теплится в груди кузнеца…

А тот, кого вскоре собирались преследовать охваченные жаждой мести степные воины, находился совсем близко от кочевья. Конан лежал на холодной земле, переводил дух после стремительного бега и обдумывал, как выгоднее использовать внезапность своего вторичного появления в стойбище. Чуткое ухо варвара уловило стук копыт — он становился все явственнее. «Лошадь без седока,— определил киммериец.— Идет слишком размеренно. Похоже, ведут под уздцы. Ха, как раз то, что надо…»

И действительно по степи, понурившись, брел кочевник и вел под уздцы свою лошадь. Конан выпрыгнул из засады, сбил воина с ног и сломал ему шею. Лошадь дернулась было в сторону, но рука уже мертвого хозяина удержала ее повод, который тот не успел выпустить. Киммериец привязал к себе мертвеца и взгромоздился на лошадь.

. Не люблю, когда в спину стреляют,— как бы извинился Конан перед покойником, трогая с места его лошадь.

* * *

Дети, пережившие этот день, рассказывали потом своим внукам о страшной каре, ниспосланной богами за грехи на их племя. Великан с огненным мечом на крылатом коне спустился в одну из ночей с небес и убил тех, кто забыл своих богов, погряз в роскоши и удовольствиях, тех, кто стал трусливым и глупым от лени.

* * *

Конан вырвался из ночной мглы, сбросил труп кочевника, на полном скаку подхватил Хорга с земли, положил его впереди себя на спину лошади и помчался к загону.

Кочевники, словно завороженные, стояли не в силах сдвинуться с места. Лишь увидев, как чертов иноземец открыл загон и выгоняет лошадей, только что приведенных из степи, они опомнились и схватились за луки. Но было уже поздно. Конан мчался прочь от загона, прочь из кочевья, уводя с собой табунчик из двух десятков лошадей. Он мчался прочь, и на этот раз навсегда.

* * *

Хорг вдруг открыл глаза и спросил:

— Конан… что с Луарой?..

«Кром, Бел, Митра и прочие боги! — пронеслось в голове северянина.— Он жив!..»

— Тише, тебе нельзя разговаривать,— ответил киммериец.— С ней все в порядке. Она в безопасности. Скоро ты ее увидишь.

— Конан… Спаси ее,— прошептал кузнец, будто не слыша последних слов северянина.— Обещай, что ты спасешь ее!

— Хорошо, хорошо. Ты поправишься, и вы вместе вернетесь в Шадизар. Потерпи немного…

Хорг неожиданно улыбнулся, на его губах выступил» кровавая пена.

— Конан…

— Что?

— Там… на площади… если б не стражники, я бы достал тебя…— сказал кузнец. И умер.

* * *

Луара откликнулась на раскатистый зов северянина. Варвар устремился на ее голос и нашел девушку. И не одну.

— Ее тоже похитили вместе со мной. Она сама спаслась,— быстро пояснила Луара. А Кишон внезапно опустилась на колени перед спрыгнувшим с лошади киммерийцем.

Конан снял с крупа лошади тело Хорга и положил его на землю. Луара увидела брата…

* * *

Здесь Хорга и похоронили. Своим изрядно затупившимся за эту ночь мечом Конан вырубил могилу в неподатливой степной земле. Луара почти не плакала — прошедшая ночь уже иссушила ее глаза, слез больше не осталось.

— Нам надо ехать. До рассвета мы должны уйти отсюда как можно дальше,— сказал Конан, вернувшись от лошадей к сидящей рядом со свежей могилой Луаре. К киммерийцу подошла Ки-шон, провела ладонью вокруг кровоточащей ссадины на его животе, потом показала своему господину испачканную в крови маленькую кисть.

— Хочешь сказать, что я должен заняться этими царапинами? Ну, потом как-нибудь. Сейчас надо убираться от сюда.

— Конан! — позвала Луара. Она выглядела довольно смешно, кутаясь, как в халат, в слишком просторную для нее мужскую одежду, которую Конан снял с убитого кочевника.— Я отправляюсь в Гиль-Дорад. С тобой или одна. Это решено. Не отговаривай.

Конан помолчал, потом указал пальцем на могилу Хорга: А как же отец? Кто скажет ему об этом?

— Отца убьет весть о смерти Хорга. Пускай надеется и живет. А я… Я не могу возвратиться… Никак.

— Вместо одного ребенка твой отец потеряет двоих.

— Он все равно потеряет меня, если я вернусь. Без Хорга… Я не смогу жить там. Я уйду. Так что лучше вообще не возвращаться… Хватит, Конан… Я решила… Если ты в Гиль-Дорад, то нам по пути.

Конан пожал плечами. Да, переубедить женщину тяжелее, чем одолеть сотню воинов. К тому же нет времени на бесполезные разговоры.

Киммериец подошел к Ки-шон и попытался подобрать из множества известных ему языков знакомый кхитаянке. Ничего не выходило, а кхитаянского Конан не знал. Тогда северянин перешел на язык жестов. Показывая руками в разные стороны и на разные предметы, варвар попытался объяснить кхитаянке, что у них теперь разные дороги. И, похоже, кхитаянка поняла его, поскольку отрицательно замотала головой, положила ладонь на сердце, а потом вытянула руку в сторону варвара. Впрочем, одного ее взгляда было достаточно.

— Она показывает, что ее сердце принадлежит тебе и, значит, она пойдет за тобой куда угодно,— пояснила Луара.

— О Кром! — схватился за голову Конан. Две женщины в столь опасном путешествии — это уж чересчур.

Глава десятая

Беглецов догнали на рассвете, когда степь уже немного прогрелась под лучами солнца. Маг и работорговец, совсем окоченевшие в предутренние часы, заснули, разморенные, прямо на спинах лошадей, неторопливо бредущих в им одним только ведомом направлении.

Разбудил путников громкий оклик: — Омигус, старый пень! Я так и думал, что ты удрал!.. Кто это с тобой?

Чародей разлепил глаза и, признав варвара, сразу даже не понял, радоваться ему или нет. Очнулся ото сна и торговец живым товаром; оглядевшись по сторонам, он — о ужас! — узнал в двух женщинах, скакавших рядом с воином-великаном, своих бывших пленниц.

Как плохо закрепленный тюк, он сполз по лошадиному боку и без чувств свалился на землю.

* * *

Золото, вырученное от продажи девушек степным дикарям, покоилось на разложенном на земле поясе, снятом с брюха толстяка. Вернее, он сам снял этот пояс, надеясь за золото купить себе жизнь. Омигус безрадостно наблюдал, как на золоте играют солнечные блики. Теперь в любом случае это богатство ему не достанется. Но можно попытаться выторговать себе хотя бы часть… Часть всегда меньше целого, но больше, чем ничего.

У толстяка-работорговца зуб на зуб не попадал, тряслись руки, его била нервная дрожь. Он понимал, что лишился не только золота: вряд ли что-нибудь может спасти ему жизнь. Особенно страшно было смотреть в глаза кхитаянке: в них он ясно видел, что и на быструю смерть ему рассчитывать не приходится.

— Мне не нужно это золото,— сказала Луара, сопроводив свои слова красноречивым жестом.— Пускай его берет себе Ки-шон. (Они уже выяснили, как зовут кхитаянку.)

Но кхитаянка с негодованием отвергла ее предложение, отпихнув пояс носком сапога.

Некоторое время все молча глядели на валяющееся у них под ногами целое состояние.

— Это грязное золото, и от него надо избавиться,— прервала наконец молчание сестра Хорга.

Омигус чуть ожил: появилась надежда, что золото будет поделено только между ним и Конаном.

— Я даже знаю как,— сказал киммериец. Мы закопаем его вместе с трупом этого ублюдка.

— Правильно,— согласилась Луара.— Но убить его, пусть даже подвергнув мучительной смерти,– это слишком ничтожное наказание для такого мерзавца. Я бы хотела, чтобы он на своей шкуре испытал то, чему подвергал бедных пленниц… Предлагаю взять его с собой как раба.

— А ведь верно! — обрадовался Конан.— Убить его никогда не поздно. К тому же нам не придется самим чистить лошадей, собирать хворост и делать другую грязную работу. Такое наказание покажется ему почище мгновенной смерти. Уж мы постараемся. А золото закопаем поглубже. Оно действительно грязное, да и места тут пустынные — покупать нечего и не у кого…

(Пройдет немного времени, и киммериец пожалеет о своем скоропалительном решении.)

Что же касается Омигуса, то магу впору было разрыдаться: даже если он приметит место, где расточительный северянин зароет это сказочное богатство, и даже если потом маг выкопает его, то ему придется еще раз, теперь уже в одиночку, пересечь опасные степи. Не тащиться же с этими сумасшедшими на поиски идиотской страны, рая для идиотов,— иными словами, к дьяволу в пасть!

— Э… Конан,— сделал робкую попытку спасти положение маг,— если вам все равно золото не нужно и вы хотите его просто похоронить, то, вероятно, лучше будет, если…

— Ну уж нет, старый плут,— рассмеялся варвар, сообразив, куда клонит хитрый чародей.— Оно либо принадлежит девушкам, либо не принадлежит никому. И довольно об этом!

И тут цирковой маг сделал то, в чем раскается очень, очень скоро, но тогда — увы! — уже ничего нельзя будет исправить.

От охватившей ли его беспредельной тоски, от разочарования ли, а может, от того, что уж какой день ни капли вина не попадало в нутро бедного мага (и это не позволяло Омигусу правильно оценивать ситуацию), или же от всего вкупе, но чародей вдруг собрался с силами, набрал полную грудь воздуха и выпалил:

— Тогда я еду с вами! Надоело мне кривляться перед всякой бестолочью и мотаться в кибитке по городам. В Гиль-Дорад, говорят, можно до конца дней своих прожить тихо и безбедно. Вот этого-то мне и хочется!

*** * ***

Выехав за ворота Шагравара, человек в черном остановился, смежил веки и некоторое время пребывал в сосредоточенной неподвижности. Но тщетно: даже особый способ концентрации духа, которому он научился несколько лет назад, не помог ему внутренним взором увидеть, в каком направлении двинулся Конан.

Тогда он открыл глаза и обозрел горизонт.

Взгляд его наткнулся на черное облако дыма, стелющееся далеко над степью. Минуты две человек смотрел в ту сторону, недоумевая, что это значит, потом вдруг тихо рассмеялся. Чтобы отыскать Конана, совсем необязательно иметь внутреннее зрение: нескладный варвар оставляет за собой столь явственные следы, что и простым зрением их видно за тысячу лиг.

И, пришпорив коня, он помчался через степь на восток, туда, где догорали шатры кочевого племени.

Достигнуть края степи за три перехода без излишне длительных привалов помогли сначала уверения Конана, что он, дескать, отчетливо видит впереди лесок, а затем и действительно открывшаяся всем манящая зеленая полоса на горизонте.

Местность, по которой проезжал маленький отряд, медленно, но изменялась. Чаще стала появляться трава, которую лошади то и дело норовили пощипать, и лишь удары по бокам и хребту гнали их вперед; чахлые кустики уступили место низкорослым деревцам и даже целым рощицам; скорпионы, фаланги, суслики и другие степные жители встречались все реже, но зато тут гулкий стук копыт вспугнул зайца, там вдруг мелькнула рыжая спинка лисы. В общем, все говорило о том, что совсем скоро утомленных путников ожидает привал под живительной сенью деревьев, на берегу ласково журчащего ручья. Еще немного — и насаженное на меч, как на вертел, мясо какого-нибудь лесного зверька будет аппетитно поджариваться над огнем. Эти

приятные видения не давали изнеможенным, смертельно уставшим странникам свалиться с лошадей.

И вот наконец они въехали в настоящий лес, шумящий листвой, оглашаемый криком диких птиц. Скоро нашелся и ручей. Какое там слезли — люди едва сползли с лошадей.

Если бы не Конан, который, казалось, сотворен из железа и не нужно ему ни сна, ни отдыха — иначе как объяснить, что, не спав две ночи подряд, выдержав три долгих перехода через степь и изнурительную битву, превозмогая боль в кровоточащих, довольно серьезных ранах, он, искупавшись, нашел в себе силы вырезать из длинной прямой палки Увесистое копье и отправиться на охоту,— так вот, если бы не Конан, то вряд ли через два часа после остановки над разожженным огнем красовалась бы тушка кабанчика, источающая запахи, от которых до боли сводило желудки изголодавшихся путников. Правда, если бы и не их раб, бывший торговец живым товаром, некому было бы собрать хворост, добыть огонь с помощью кресала, а теперь еще и поворачивать мясо над угольями костра, чтобы оно не подгорело,— поскольку Луара, Омигус и Ки-шон едва только успели сползти с лошадей, как тут же без сил упали на землю и провалились в беспробудный сон. Разумеется, раб-работорговец сделал бы то же самое, но ему помешали пинки варвара и угрозы отрезать уши вместе с головой. – А если,— ласково предупредил напоследок северянин, отправляясь на охоту,— ты, жирная грязная свинья, попробуешь смыться, то знай: не пройдет и часа, как я выслежу тебя, догоню и… И что бы тогда сделать с тобой?

— Не беспокойтесь, господин,— поторопил уверить его в своей благонадежности Толстяк, — все приказы выполню! Вы убедитесь: я — примернейший из рабов. Клянусь вашим Кромом!

Конан, усмехаясь, скрылся в лесу. Их тучный невольник от усталости ни на лошадь не заберется, ни больше ста шагов не пройдет, а запуган он так, что ничто подобное ему и в голову не придет.

*** * ***

В костре дотлевали кабаньи кости, вокруг костра, поближе к огню, спасаясь от прохлады, наступающей вместе с вечерней мглой, расположилась вся компания. Лишь раб спал в стороне под деревом, свернувшись калачиком, накормленный остатками от трапезы его хозяев и получивший наконец соизволение на отдых.

Конан лежал на разостланной на траве одежде в одной лишь набедренной повязке, а над ним хлопотали спасенные им женщины: обмывали тряпицами раны, смачивали их обнаруженным магом в своей удивительной сумке бальзамом (изготовленным, как уверял Омигус, по рецепту никому не известного Парцелууса, самого великого врачевателя подлунного мира, одно время являвшегося его, Омигуса, другом и учителем), после на всякий случай прикладывали способствующие более быстрому заживлению травы, собранные Луарой на прогулке. Да и заботливые, нежные прикосновения мягких женских пальчиков отнюдь не вредили раненому, а скорее наводили на мысль, что женщина в опасных приключениях — не всегда обуза.

В этот вечер сытому, разомлевшему циркачу-чародею его решение пуститься в рискованное странствие не казалось опрометчивым, а само путешествие представлялось лишь несколько утомительной, но в целом беззаботной прогулкой верхом.

— Вот ты говоришь, Конан, за этим лесом лежат Кезанкийские горы,— Омигус нехотя

привстал, подкинул в костер охапку хвороста и поспешил вновь принять лежачее положение,— а за ними и раскинулась сказочная страна Гиль-Дорад. Очень может быть. Насколько я знаю, за горами, на юго-востоке, лежит туранский город Султанапур, а вот что на северо-востоке — не ведомо никому. Стало быть, где же находиться твоей загадочной стране, как не в тех местах? И вот что я подумал! Быть может, до Гиль-Дорад добраться легко и просто, а никто не возвращался оттуда, поскольку…

Бормотание мага становилось для Конана все менее разборчивым, уплывало куда-то, уступая место сладкому забытью. Варвар тряхнул головой, отгоняя сон: прежде требовалось сделать еще кое-что.

— Послушайте-ка.— Варвар приподнялся на локтях.— Нужно дозор выставить. Омигус дежурит первым. Часа через два будишь Ки-шон, затем Луару; под утро меня разбудите. Если увидите или услышите что-нибудь подозрительное — немедленно толкните меня. И огонь поддерживайте. Все!

И Конан, не в силах более бороться со сном, повалился на спину и моментально забылся.

*** * ***

Второй день путешествия складывался как нельзя лучше. Путники выбрались на проторенную дорогу — путь, проложенный их предшественниками, паломниками в сказочную страну. Там и сям встречались следы, подтверждающие, что они далеко не первые ступили на тропу искателей таинственной Гиль-Дорад. Путешественники оставили после себя, кроме утоптанной лошадиными копытами дороги, примятую траву в местах стоянок, кострища, зарубки на Деревьях и всякий хлам, выброшенный за ненадобностью. Конан даже нащупал зорким взглядом в траве оброненный кем-то карпашийский кинжал с рукоятью, инкрустированной серебром.

— Видать, не у всех до этого места заканчивалось вино,— заметил по этому поводу Омигус.

Вообще, путешественники пребывали в хорошем настроении. Славная погода, обилие пищи вокруг, отсутствие препон на пути — все это поднимало дух. Луара стала понемногу отходить от пережитых потрясений, и иногда на ее лице появлялась улыбка. Даже их невольнику дальнейшая судьба уже не представлялась столь мрачной и безнадежной.

Как могли, они объяснили Ки-шон, куда держат путь. Поняла ли их кхитаянка, осталось загадкой — она, как всегда, хранила полную невозмутимость, и лишь выражение готовности следовать куда угодно, хоть в саму Преисподнюю вслед за своим повелителем, изредка мелькало на ее лице.

Омигус шутил, что если бы хоть иногда по дороге встречались трактиры, то можно было бы сказать, что они уже вступили в гиль-дорадские земли…

Однако Конана такое беспрепятственное продвижение вперед ничуть не расслабляло; наоборот, у него возникло и не оставляло его подспудное ощущение опасности, усиливаемое тем, что нигде, ни разу он не заметил даже намека на предсказанные принцессой Ливией ловушки.

*** * ***

Они вышли к тихому лесному озеру, в зеркале которого отражались деревья и солнце, наполнили почти опустевшие фляги и, поразмыслив, решили искупаться. Девушки удалились чуть дальше по берегу и разоблачились в густых зарослях; вскоре послышались плескание и радостные визги спутниц Конана.

Несмотря на то что Луара и Ки-шон совершенно не понимали языка друг друга, между ними быстро возникло нечто вроде дружбы — сплоченные одной бедой, вместе выбравшиеся из смертельно опасной ситуации и оказавшиеся в мужской компании, они интуитивно старались держаться вместе. И именно с помощью Луары кхитаянка быстрее запоминала слова чуждого ей языка.

Варвар разрешил искупаться и Омигусу, а сам остался на берегу: во-первых, он собирался последить за новоявленным рабом — как бы тот не вознамерился сбежать, пока все плещутся в кристально чистой воде, а во-вторых, он не привык доверять умиротворенности неизвестной местности: мало ли что, вдруг в озере водится какая-нибудь тварь, только и ожидающая, когда завтрак добровольно полезет в ее владения…

Но все было спокойно. Водная гладь оставалась недвижимой, и ничто, кроме смеха купающихся, не нарушало первозданной тишины затерянного лесного уголка. Омигус, не отходя далеко от берега, взвизгивал совсем по-бабьи, погружаясь в воду с головой и весело подпрыгивая. Пленник метнул несколько заинтересованных взглядов в сторону обнаженных девушек, но, остановленный несильным тычком Конана, обреченно вздохнул и уставился на озеро.

Омигус вылез наконец из воды, довольно отряхнулся, как собака, передернув хилыми плечами, поросшими редкими седыми волосами; стуча зубами от холода, он закутался в свои одежды. Кивком указав ему следить за пленником, Конан быстро разделся.

Вода была обжигающе холодной, но человеку, который в течение многих дней видел воду только во фляге, который участвовал в кровавой битве и пересек бескрайнюю степь, она дарила невыразимое блаженство. Он погрузился с головой, сделал несколько мощных гребков под водой и вынырнул чуть ли не на середине озера. Отфыркавшись и оглянувшись, Конан увидел, что за ним тянется мутный грязный след.

Тогда он перевернулся на спину и захохотал, молотя руками по воде, чувствуя, как затихает боль в ранах и как покидают его напряжение, настороженность и усталость. Долгое лесное эхо громко вторило его смеху.

Затем — снова дорога на северо-восток, снова лес, поляны, овраги… Иногда из зарослей доносилось чье-то глухое пыхтение, мелькал смутный силуэт какого-то зверя, с треском удиравшего от путешественников, из чего северянин сделал вывод, что здешние животные человека боятся,— значит, эти места обитаемы и понятие «охота» обитателям их знакомо. И Конан еще бдительнее стал вглядываться в окружающий их лес.

Лошади шли размеренным шагом, седоки почти не разговаривали — пройденный путь немного утомил всех, и его однообразие навевало скуку и дрему. Охотничьи вылазки Конана все реже увенчивались успехом — зверь стал осторожнее и не подпускал к себе человека. Запасы еды быстро уменьшались.

* * *

Киммериец был погружен в невеселые думы. Он знал, что дорога на Гиль-Дорад лежит через горы, неприступной стеной уже высящиеся впереди, а у его отряда не было ни теплой одежды, которая защитила бы их от мороза, ни достаточного количества пропитания, которого хватило бы на все время, что они будут плутать по пустынным снежным равнинам…

И пока он не мог не только сообщить всем остальным, но и сказать самому себе, когда и каким образом будет решать эту проблему. Впрочем, не столько вопрос одежды и питания беспокоил его. Конан, конечно, не строил никаких иллюзий: их предприятие с самого начала выглядело не только неподготовленным, но и в высшей степени безуспешным.

Будь киммериец один (или, по крайней мере, с Ки-шон, казавшейся наиболее приспособленной к полевой жизни), он, пожалуй, рискнул бы на переход через горы… Но в компании с Луарой, до мозга костей городской жительницей, никогда не сталкивавшейся с реальным, жестоким миром, в компании с трусливым волшебником-шарлатаном и, тем более, с непосильной обузой — пленным торговцем живым товаром — затея поиска неведомой страны была заранее обречена на провал…

В таких невеселых размышлениях прошло несколько дней. Путешественники двигались почти безостановочно, лишь изредка устраивая привал. Лес поредел, и над кронами деревьев иногда можно было разглядеть сверкающие вдалеке вершины Кезанкийских гор, таящих для путников новые опасности, возможно более кошмарные, нежели те, с которыми они сталкивались до сих пор. Время от времени на пути встречались обширные, поросшие сочной и высокой, по пояс, травой луга, простирающиеся на несколько лиг окрест, мшистые булыжники и каменистые, присыпанные песком площадки.

Все чаще стали попадаться и настоящие скалы — причудливых форм пористые образования, высотой во много раз превышающие человеческий рост, на ощупь напоминающие пемзу, но не в пример прочнее. Совершенно незаметно для глаз горы приблизились, и уже можно было различить нижние границы ослепительно белых ледников, окутанных матовой пеленой облаков.

Из тягостных раздумий Конана вывел едва уловимый аромат, прибавившийся к лесным запахам, аромат, которого вроде бы не должно было быть в этой местности, где, судя по всему, не ступала нога человека. Стояла глубокая ночь, давно пора было искать ночлег, но среди песчаника, таинственных скал и редких деревцев северянин никак не мог выбрать подходящее место.

Он натянул поводья, жестом приказал спутникам остановиться и принюхался.

Нет сомнений: пахло жареным мясом.

И меж деревьев мелькнул отсвет костра.

Киммериец колебался. Об этих неизведанных землях ходили всевозможные слухи, вплоть до самых ужасных… Не лучше ли будет обойти костер стороной, дождаться рассвета и только тогда продолжать путь к Кезанкийским горам? Не исключено, что неизвестные существа, сидящие у костра, убьют их всех, а уж потом станут разбираться, что они были за люди и что им было нужно. Однако запах мяса, такой успокаивающий, такой аппетитный, притягивал Конана. Вероятно, там готовились к ночлегу такие же, как они, паломники в Гиль-Дорад. Или же местные охотники расположились на отдых перед возвращением домой. Если так, то у охотников можно будет расспросить о горах поподробнее…

На всякий случай шепотом приказав своим спутникам оставаться на месте и молчать, что бы ни произошло, Конан, не вытаскивая меч из ножен, осторожно двинулся к костру.

Костер горел на небольшом уютном пятачке, окруженном пятью высокими, мрачными валунами, кажущимися багровыми в отблеске пламени. Освежеванная туша какого-то животного коптилась над огнем, подвешенная при помощи нескольких оструганных веток. Вокруг костра лежали котомки, узелки, два посоха, несколько одеял. И — никого.

Конан вошел в круг света, отбрасываемый костром, и, повернувшись так, чтобы было видно, что в руках у него ничего нет, громко сказал, не подумав о том, поймут ли его таинственные обитатели здешних мест:

— Я пришел с миром. Один, без оружия. Я устал и проголодался.

Позади раздался шорох, но Конан не двинулся с места.

— Я немного передохну и пойду своей дорогой,— добавил он.

Шорох стал отчетливее, и на поляну с противоположных сторон вышли два бородатых карлы в драных серых лохмотьях. В ширину они были значительно больше, чем в высоту. Неуверенно приблизившись к Конану, они стали разглядывать его лицо и одежду.

После минутного молчания один из карл громко произнес с сильным незнакомым акцентом:

— Человек.

Он сказал это без неприязни, просто отмечая факт.

— Верно,— легко согласился Конан и уточнил: — Голодный человек.

Последовала еще одна пауза, во время которой незнакомцы, казалось, беззвучно посовещались, после чего тот же карла предложил:

— В таком случае садись к огню, раздели наш скудный ужин, отдохни, расскажи о себе… И позови своих спутников: пусть они не таятся, точно недруги, а безбоязненно присоединяются к нашей скромной трапезе.

Северянин пристальным взглядом окинул обоих карл: оружия при них явно нет, однако кто знает, может быть, они скрывают какой-нибудь фокус в рукаве… Впрочем, отступать поздно: им ясно, что Конан не один, и уж коли приглашают, отказываться грех…

Он вернулся к своим и быстро обрисовал ситуацию. Все дружно согласились с тем, что присоединиться к трапезничающим просто-таки необходимо — чтобы отдохнуть, чтобы потолковать с местными жителями, чтобы, в конце концов, просто увидеть новые лица. Конан подобной беспечности не разделял.

Кряхтя, оборванцы уселись возле костра и замерли, уставившись куда-то в ночь поверх огня; Омигус, Луара и Ки-шон устроились рядом; бывший торговец женщинами скромно примостился в сторонке; киммериец же расположился так, чтобы держать всех в поле зрения. Коней они стреножили неподалеку, на небольшой полянке, густо поросшей сочной травой.

Второй карла, до сих пор хранивший молчание, вынул откуда-то из складок широкий нож, потянулся к тушке, снял ее с палки и принялся разрезать. Всем досталось по куску. Ки-шон, вопросительно глянув на Конана и получив его молчаливое согласие, достала из сумки остатки завяленного северянином мяса, краюху зачерствелого хлеба и протянула хозяевам.

Те одобрительно покивали, разделили мясо и хлеб поровну и принялись за еду.

Некоторое время вокруг костра раздавались только чавканье, довольное урчание да хруст перегрызаемых косточек. Мясо у незнакомцев оказалось на редкость невкусным — почти сырое и насквозь провонявшее дымом, но хозяева поглощали его с завидным аппетитом, да и гости не стеснялись; поэтому и Конан, вздохнув, впился зубами в неподатливую, волокнистую массу. Потом по кругу пошла квадратная глиняная бутыль с кислым вином. Киммериец охотно сделал несколько глотков — однако, из осторожности, лишь после того, как к бутылке приложились сами хозяева.

Когда все насытились, Конан, опережая расспросы со стороны незнакомцев и желая пока оставаться неприметным, чтобы в случае опасности первым нанести удар, тихонько толкнул фальшивого мага в бок — тот, к счастью, тут же понял его и подперев голову кулаком, с достоинством произнес:

— Мы крайне признательны вам за гостеприимство. Но кого мы должны благодарить? Кто

вы и что делаете здесь, в этих пустынных землях?

— Меня зовут Диррим, это — мой брат Коррим,— охотно ответил более разговорчивый незнакомец и громко рыгнул.— А пустынные земли — наш дом…

— Вы здесь живете? — удивленно спросил Омигус.

— Почти… А вы кто такие, разрешите узнать? Говор и покрой одежды выдают в вас уроженцев Заморы. Неужели вы пришли из такого далека?

— Да, понимаете ли…— замялся мат.— Мы — бедные путники, бредем по миру… в поисках лучшей доли…

— Паломники,— вдруг подал голос Коррим.

— Гиль-Дорад,— в тон ему ответил брат, и оба заулыбались, удовлетворенно закивали почти плешивыми головами.

— Вам известно, где она находится? — живо спросила Луара.

— Увы, нет, моя незнакомая, но прекрасная гостья,— бодро ответил Диррим.— Наш народ не интересуется другими землями. Однако через наши владения в последнее время частенько проходят люди из западных земель, стремящиеся отыскать эту якобы существующую благословенную страну… Так что вам нужно?

— Нужно?.. Что вы имеете в виду?

Братья рассмеялись, как будто Омигус сказал что-то очень смешное, а потом Диррим быстро проговорил:

— Теплые одежды, дабы согреть вас в горах…

— Верное оружие, дабы спастись от свирепых хищников, обитающих в горах…— подхватил Коррим.

— Вкусная пища, дабы вы не умерли от голода в горах…— продолжил Диррим.

— Точная карта, дабы вы не заблудились в горах…

— Прочная обувь…

— Крепкие посохи…

— Бодрящее вино…

— Вместительные торбы…

*** * ***

Как понял Конан из последующих расспросов, братья принадлежали к малочисленному и мирному племени бродяг — уроженцев далекой страны Зингара, потомкам якобы древнего и могущественного народа,— скитающихся по предгорьям и живущих случайными заработками, охотой, собиранием грибов, ягод и прочего подножного корма. И прозябали бы они таким образом еще очень долго, если бы однажды, года полтора назад, случайно не наткнулись на паломников, что брели, не зная дороги, в какую-то загадочную страну, лежащую-де за Кезанкийскими горами. Паломники эти вовсе не выглядели изможденными пилигримами, однако были совершенно не готовы к переходу через горы. Малорослые бродяги, к взаимному удовольствию, выторговали у чужеземных странников несколько силков, двух лошадей и превосходный лук с целым колчаном стрел в придачу. Взамен они с легкостью отдали целые вороха одежды, зная, что хоть зимы в предгорьях и суровые, но до наступления холодов их женщины запросто сумеют изготовить из шкур добытых охотой животных в несколько раз больше одежды.

Чуть позже бродяги поняли, что волею богов наткнулись на поистине неистощимую золотую жилу: что ни месяц, а то и чаще, через их владения проходила небольшая группа путников, стремящихся попасть в таинственную страну. Оснащены те караваны были по-разному, но у местных бродяг всегда находилось, что предложить каждому путешественнику: зимние одежды менялись на оружие, оружие — на пропитание, пропитание — на карты, составленные хитроумными бродягами по многочисленным рассказам худо-бедно осведомленных искателей земли обетованной и исправляемые по мере появления более точных подробностей… Д зачастую то, что за ненадобностью оставляли хозяевам предгорий одни путники, позарез оказывалось необходимо Другим, и эти другие без труда получали требуемое — с большой, разумеется, наценкой.

Короче говоря, бесшабашное племя нищих бродяг вдруг обрело смысл жизни в торговле и даже начало потихоньку богатеть. Денно и нощно молодые женщины шили теплые плащи и куртки и плели прочные веревки, которые, возможно, могли понадобиться в заснеженных скалах; старухи не покладая рук коптили и вялили мясо, сушили грибы и вязали толстые рукавицы; старцы варили крепкую брагу, согревающую, дескать, в любую стужу не хуже жаркого костра; молодые охотились, точили выторгованные мечи, чтобы перепродать их, изготовляли луки и самострелы… И каждую ночь племя выставляло несколько постов, чтобы — не приведи Митра! — какие-нибудь бестолковые путники не прошли мимо своего счастья. Именно на такой пост и наткнулся отряд Конана.

*** * ***

Уже рассвело, когда их торжественно проводили в табор — десятка два кибиток, расставленных кольцом на полянке, внутри которого уже ярко полыхал костер. Если бы не столь маленький рост бродяг, Конан решил бы, что попал на обыкновенный базар на окраине какого-нибудь захудалого городишки. Пожилые толстухи — поперек себя шире — важно восседали за ворохами выложенных на обозрение разномастных одежд, молодые карлики деловито натягивали тетиву луков всевозможных размеров, демонстрируя прочность и надежность оружия, миловидные девушки, зазывно улыбаясь, наперебой просили путников попробовать и немедля купить невероятно вкусное и сытное мясо, сушеные дикие овощи и приготовленные по тайному рецепту коренья, восстанавливающие силу не хуже трехдневного отдыха в лучшей таверне любой столицы… Тут же крутились под ногами чумазые детишки, так и норовя стащить что-нибудь у гостей — неважно что, лишь бы плохо лежало.

Уверившись, что никаких неприятностей от бродяг пока ждать не приходится, и поручив Луаре и Омигусу стреножить коней и подобрать все необходимое для путешествия через горы, Конан отошел в сторонку — туда, где неприметно сидел на облучке кибитки и зорко обозревал торжище старик в цветастой жилетке на голое тело, просторных штанах цвета заката и некогда роскошной, а нынче весьма потрепанной широкополой шляпе.

— Приветствую тебя,— спокойно сказал варвар,— Спасибо, что позволили нам приобрести у вас некоторые полезные товары.

Старик большим пальцем приподнял край шляпы, почесал изборожденный морщинами лоб и не спеша ответствовал:

— Спасибо, что решили воспользоваться нашей скудной и убогой помощью… Да ты садись рядышком. Барримом меня тут кличут.

—А я — Конан, родом из Киммерии,— Он отстегнул меч и присел на борт повозки. Баррим искоса и без всякого выражения наблюдал за ним,— Я так понимаю, что ты здесь главный.

— Ага.

— Мы идем в Гиль-Дорад. Слыхал о такой стране?

— Ага. Все идут в Гиль-Дорад.

— И кто-нибудь возвращается?

Старик на секунду замялся, потом сказал равнодушно: Мне-то откуда знать. Нам и тут хорошо.

— Значит, никто не вернулся, да?

Во взгляде Баррима мелькнула заинтересованность, но тут же угасла.

— Умник. Зачем же возвращаться оттуда, куда добирался с такими трудностями?

— А если все путники погибли по дороге?..

Баррим пожал плечами и с безразличием заявил:

—Нас это не интересует. Хотите найти свою распрекрасную страну — пожалуйста. Хотите погибнуть по дороге — пожалуйста.

— Но как добраться до этой страны, тебе известно?

— Ага. У нас есть карта.

— Точная?

— Х-хе… Пока никто не жаловался.

— Ясно. Ты хитрый.

Баррим опять пожал плечами и на этот раз промолчал.

— Путь через горы неблизок и непрост. Как я могу быть уверенным, что твоя карта не врет? — с сомнением в голосе спросил Конан.

— А дорога на ту сторону, как говорят знающие и опытные путешественники, только одна — на восток, через Ущелье Восходящего Солнца,— сказал старик.— Ибо чуть правее неприступной стеной возвышается Гряда Отчаяния, через которую ни один смертный не смог перебраться, а с севера незваных гостей поджидает смертоносный перевал Топор Палача; что происходит там, не знает никто. По слухам, это самый короткий путь через горы, но так ли это на самом деле, неизвестно, поскольку никто той дорогой еще не вернулся. А чтобы обойти Кезанкийские горы стороной, потребуется не один месяц. Поэтому если у тебя есть время, то тогда, конечно, ты можешь отправиться на юг и обогнуть их…

— Как, ты сказал, зовется тот перевал? — перебил старика Конан. Голос его внезапно дрогнул.

— Топор Палача он называется. А гряду ту,— старец вытянул худую руку в направлении виднеющихся в дымке горных вершин,— Грядой Отчаяния кличут. Киммериец сглотнул.

— Спасибо, Баррим. Ты очень помог мне.

— Ага.

В это время к ним подошли спутники Конана в сопровождении местного продавца средних лет, несущего целый ворох одежды и каких-то свертков. У Луары и Омигуса вид был обескураженный, у продавца — в высшей степени недовольный; Ки-шон, которая не вполне понимала, что происходит, сохраняла спокойствие, пленный же работорговец, как всегда, выглядел хмурым и смирившимся со своей судьбой.

— Конан, мы разыскали все необходимое,— смущенно начала Луара.— Меховые плащи с капюшонами, спальные мешки, одеяла, обувь, карта, палатка, еда…

— А эти крохоборы совсем обнаглели! — возмутился Омигус.— Мздоимцы, скряги, жмоты, сквалыги!.. За грош готовы удавиться!..

— Всякая вещь чего-то да стоит,— сердито перебил его торговец и обернулся к Барриму: —

Наши многоуважаемые гости выбрали все самое лучшее, что у нас есть: пять самых теплых плащей, пять пар самой прочной обуви, три мотка самой прочной веревки, двадцать фунтов самой отборной пищи, одну самую точную карту Ущелья Восходящего Солнца…

— Конечно! — закричал Омигус.— Без всего этого нам в горах не обойтись! Вы что, хотите, чтобы мы померли там?! А с вашими запросами мы и до снега не дойдем!

— Всякая вещь чего-то да стоит,— спокойно повторил торговец,— За все надо платить. Вы получите, что попросили. За определенную плату.

— Какую же? — вставая, поинтересовался у него Конан.

— У тебя хороший меч,— тут же ответил тот, глядя на Конана снизу вверх.— Но в горах он не понадобится. Ты оставишь его нам. У тебя хорошие женщины. Но в горах обеим не выжить. Одну ты оставишь нам. У тебя хорошие лошади. Но через ущелье им не пройти. Ты оставишь нам всех. Такова наша цена.

— И мы голыми пойдем через это чертово ущелье! — взъярился Омигус.

— Такова наша цена,— сказал торговец.

Баррим с интересом наблюдал за перепалкой.

— Этот меч со мной уже не один год,— столь же бесстрастно возразил Конан.— Я не могу расстаться с ним. Женщины — наши верные спутницы и друзья. Я не могу предать их. До гор путь еще неблизкий. Нам понадобятся наши лошади. Поэтому будь добр, попроси что-нибудь другое. Или мне придется самому назначить разумную цену. Только, боюсь, вам она не очень понравится…— И он положил ладонь на рукоять меча.

— Вы собираетесь пересечь горы,— вдруг тихо проговорил Баррим.— Пожалуйста. Вы не хотите платить нам за помощь. Пожалуйста, можете отправляться налегке. Мы не задерживаем вас.

Он поднял руку. В воздухе раздался короткий свист, и в землю между ног Конана вонзилась длинная стрела. Варвар Резко вскинул голову — лучник прятался где-то в кронах деревьев и как на ладони видел всех путников, оставаясь совершенно неуязвимым… И, может быть, лучник был не один. Конан повернулся к вожаку — тот без издевки, но и без гнева смотрел на него.

— Умно, Баррим,— усмехнулся варвар, стараясь не выдать своего замешательства.— Но пойми нас…

— 'Товар выбран, цена определена. Да — да, нет — нет,— хладнокровно заключил вождь племени карликов.

Положение было безвыходным. Конан не мог ни заплатить за необходимые в горах вещи, ни уехать без них. Отнять у карл выбранное Луарой и Омигусом он тоже не мог — и не столько потому, что лучник, вполне вероятно, сумеет первым нанести удар, сколько потому, что не пристало воину вступать в схватку с простыми лавочниками… В конце концов, они всего лишь защищают свою собственность.

Вот тут-то киммериец и пожалел, что так неразумно поступил с золотом работорговца. Повисшую неловкую паузу внезапно прервал тот, о котором только что подумал Конан: безымянный пленник выступил вперед и выхватил из рук местного торговца первый попавшийся плащ.

Что его толкнуло на этот поступок, он и сам не смог бы объяснить. Возможно, взыграла в нем кровь прирожденного торговца, возмущенного бесцеремонностью скупердяев, а может, решил он таким образом вымолить жизнь у Конана и оскорбленных им женщин…

Как бы то ни было, он выхватил из рук безродного бродяги предназначенный для продажи плащ, высоко поднял его над головой и закричал — так, чтобы слышали и остальные кочевники:

— Кого ты обмануть хочешь?! По-твоему, это настоящий товар, да? — Бывший торговец женщинами ухватился за рукав и поднатужился. С громким треском рукав плаща лопнул.—

Гнилая материя! — торжествующе возвестил он и продемонстрировал испорченную вещь всем окружающим.— В таком, так сказать, одеянии никто и лиги не пройдет, враз голым останется!.. Что там у тебя еще? Еда? — Он выудил из вороха, что держал ошарашенный торговец, завернутый в материю кусок копченого мяса, мигом сорвал обертку и впился в него зубами. Сосредоточенно пожевал й Изрек: — Что ж, мясо недурно. Но отчего оно такое пресное? Даже последний нищий с голодухи не позарится на такое! А нам в горах уж точно кусок в горло не полезет. Вы что же, хотите, чтобы мы померли среди снегов и мерзлых скал? Цены, значит, такие запрашиваете, а как мы замерзать будем в ваших обносках, вам, значит, плевать?.. Обувь! Покажи-ка мне эти дырявые лапти, хозяин!..

Он попытался вырвать у торговца пару прочных кожаных ботинок, но тот вдруг рванулся в сторону и гневно закричал:

— Хватит! У нас отличный товар! Что ты нас позоришь?!.

Баррим вдруг оглушительно захохотал.

— Вот он — настоящий торговец…— простонал он сквозь смех.

*** * ***

После часа длительных и — для Конана, по крайней мере,— утомительных споров, переговоров и торгов, которые вел исключительно продавец женщин, неожиданно почувствовавший себя в своей тарелке, маленькому отряду пришлось расстаться с тремя лошадьми, богато инкрустированным кинжалом, найденным по дороге, и несколькими хитрыми сверточками из котомки Омигуса. Про чудодейственные свойства содержимого последних цирковой маг рассказывал местным жителям охотно и подробно и даже кое-что продемонстрировал. Высокие всполохи разноцветного пламени, грохочущие искрящие вспышки и огромные змеящиеся колеса огня, возникающие из совсем крошечных пузырьков и мешочков, впечатлили всех, даже Конана. После долгого молчания потрясенные кочевники, обрадовавшись дешевизне волшебного огня, позволили путешественникам забрать все выбранные ими товары. Единственным камнем преткновения чуть было не стал маршрут пути через горы, за который местные требовали хотя бы еще одного коня, объясняя высокую Цену высокой же точностью этого плана, но тут Конан неожиданно отказался от карты ущелья.

— Нам она не понадобится,— загадочно улыбнувшись, объяснил он. И, против ожидания и бродячих торговцев, и своих спутников, повел отряд не к Ущелью Восходящего Солнца, а к смертоносному, как утверждал Баррим, перевалу Топор Палача… Ведь он хорошо помнил слова Ливии: «Не бойся топора палача…» И теперь убедился, что, по меньшей мере, один из ориентиров мертвой принцессы оказался верным.

Глава одиннадцатая

Конан бодро шагал впереди, ведя под уздцы вьючную лошадь; на его плечах висела большая торба, нагруженная только что приобретенным товаром. Следом легким шагом брела вторая лошадь — ее оседлали Луара и Ки-шон. За ними двигался Омигус, а замыкал процессию пленный с таким же, как у Конана, мешком за спиной. Согнувшись под тяжестью груза, он в мыслях клял себя за глупую выходку с хитрыми торговцами: не встрянь он в переговоры, Конан, глядишь, не смог бы расплатиться с ними, и путешественникам пришлось бы повернуть обратно…

* * *

Воздух заметно похолодел; при каждом выдохе изо рта вырывалось легкое облачко пара; трава серебрилась от инея, а среди чахлых деревцев все чаще попадались островки снега, хотя солнце светило по-прежнему ярко и на небе не было ни единого облачка. Они продолжали подниматься в горы. Ровный уклон был совсем некрутым, почти неощутимым, и крошечный отряд продвигался вперед беспрепятственно.

Белоснежные вершины заметно приблизились. Конан Уже видел далекий перевал Топор Палача, похожий на гигантскую тарелку: ослепительно белая пустошь была слегка вогнута посередине, а края ее плавно поднимались к Двум головокружительно высоким пикам, немного наклоненным внутрь… В самом деле, издалека кусочек пронзительно синего неба, запертый между этими горными верша, нами и искривленной линией далекого перевала, очертаниями напоминал лезвие топора.

— Как красиво,— прошептала Луара, глядя вдаль.

Конан нахмурился, ибо она прочитала его мысли. Действительно, вопреки устрашающему названию, картина, открывшаяся взору путешественников, навевала думы об умиротворенности, величии и спокойствии, что доступны лишь богам, но уж никак не о смертельных опасностях, которые, по словам Баррима, ждут их в тех гиблых, зловещих местах. И, несмотря на ошеломляющее впечатление, Конан твердо верил в предостережения карлика, ибо часто сталкивался с тем, что под безобидной личиной скрывается кровожадный монстр…

Постепенно небольшие островки снега перешли в сплошной покров; растительность исчезла совсем, и только холодные серые скалы, похожие на обломки гнилых зубов, торчали тут и там посреди бескрайнего белого безмолвия. За путешественниками тянулась цепочка следов, кажущихся голубоватыми на ослепительно белом фоне снега. Тонкий наст легко выдерживал людей, но проламывался под конями, и те по самое брюхо проваливались в глубокий, никогда не тающий снег. Скорость продвижения резко замедлилась. Однако немного погодя наст стал толще, и отряд зашагал быстрее.

Во время короткого привала Конан распаковал тюки и раздал подбитые мехом плащи и высокие прочные сапоги. Теперь издали путешественники походили на огромных косматых медведей. Воздух был пронизан стужей. Поднялся колючий ветер. Омигус отморозил себе нос и, вполголоса ругаясь, с остервенением тер его перчаткой.

Они продолжали взбираться все выше и выше и к концу следующего дня достигли гребня перевала между двумя наклоненными друг к другу вершинами… В лучах заходящего солнца им открылась величественная панорама.

Повсюду, насколько хватало глаз, неприступные горные кручи возносили свои украшенные снежными шапками пики в сереющее вечернее небо. Изломанные тени причудливо тянулись через глубокую расселину, начинающуюся в пятистах локтях под ними, противоположный конец которой терялся в дымке у горизонта; умирающее светило окрасило снег кровью, горные склоны, все в трещинах и уступах, отливали медью. Игра света и тени завораживала.

— Туда,— коротко бросил Конан, откинув капюшон и указывая рукой вниз. С губ его сорвалось облачко пара. Его спутники без сил опустились прямо на снег.— Мы должны пересечь эту расселину. Где-то на той стороне лежит Гиль-Дорад.

— Пересечь расселину?! — вскинулся Омигус.— Да посмотри, Конан, она же тянется до самого горизонта! Нам и за год не дойти дотуда! Ты что, зимовать тут собрался? Да нам и не спуститься ни в жизнь!

— Кто не хочет идти со мной, может отправляться назад,— хмуро ответил Конан.— Я никого не неволил и не неволю. Даже тебя.— Он кивнул на пленника.— Уходи, если хочешь.

— Я? — испуганно переспросил Толстяк.— Я один назад не дойду. Я погибну… Замерзну… Пожалуйста, добрые господа, не гоните меня! Вы же видите, я вас слушаюсь и делаю все, что вы мне приказываете…

— А ты, Луара? — повернулся Конан к девушке.

— Я с тобой, Конан. До конца,— тихо ответила та.

Северянин вопросительно повернулся к Ки-шон. Кхитаянка твердо посмотрела ему прямо в глаза и медленно кивнула.

Омигус сплюнул от досады и сварливо поинтересовался:

— А чего мы потащились через этот чертов перевал?

Лавочник-недоросток ясно же говорил: идти надо Ущельем Восходящего Солнца…

— Я знаю дорогу. Мы идем верно, и если…

— Конан, смотри, там!..— вдруг воскликнула Луара, до этого момента зачарованно разглядывавшая горное царство, и вытянула руку в направлении ближайшего склона.

Киммериец резко обернулся.

В закатных лучах отчетливо была видна каждая трещинка в скале; ледяная корка на камнях блестела, как бриллиантовая.

— Мне показалось, что я видела…— неуверенно начала смущенная девушка.— Вон там, между тех булыжников.

— Что?

— Человек. В такой же шубе, как у нас. Он выглянул на секунду и тут же скрылся… Но, может быть, мне просто почудилось…

Конан еще раз внимательно оглядел скалистую поверхность. Если там и прятался кто, то обнаружить незнакомца сейчас было невозможно — пока киммериец поднимется по обледеневшему камню, пока обыщет изрытый трещинами и усыпанный валунами склон, совсем стемнеет…

— Ладно,— наконец сказал он,— Переночуем здесь, а завтра с утра двинемся дальше. Ночью будем дежурить по очереди — на случай, если пожалуют гости.

*** * ***

Ночь выдалась морозной, но, к счастью, безветренной. Огромные алмазы звезд загадочно и молчаливо сияли на черном бархате небес, а внизу, на заснеженном перевале, словно вторя им, то и дело вспыхивали крошечные ледяные искорки.

Конан и пленный работорговец поставили шатер, приобретенный у бродячего племени торговцев, Луара и Ки-шон развели неподалеку костер, вскипятили воду и разогрели мясо.

Они поужинали и некоторое время сидели молча. В душе каждого царили покой и умиротворенность. Они чувствовали, что обязательно дойдут до Гиль-Дорад.

Потом все отправились спать. Конан остался нести первую вахту.

*** * ***

Ки-шон, которая должна была дежурить последней, разбудила его под утро. Омигус и работорговец еще спали, тесно прижавшись друг к другу, чтобы было не так холодно; Луара, потревоженная поднявшимся киммерийцем, приоткрыла глаза, пробормотала что-то и снова погрузилась в забытье.

Вслед за кхитаянкой Конан вылез из шатра.

Над горизонтом серел тусклый рассвет, горы казались нарисованными блеклыми красками на бесцветном холсте неба. Лошади, стреноженные неподалеку, стояли бок о бок недовольно фыркали; их ноздри были белы от инея. Поежившись на морозе, киммериец умыл лицо снегом и сделал несколько упражнений, чтобы прогнать сон и размять затекшие члены. Только после этого он подошел к Ки-шон. Та указала рукой на север и что-то встревожено произнесла на своем отрывистом языке. Северянин посмотрел в том направлении.

Далекие горные вершины скрывала плотная сизая пелена, время от времени озаряемая изнутри зловещими сполохами. Темное облако казалось живым — оно беспрестанно клубилось, ворочалось, обтекало пики гор… и несомненно приближалось. Не было ни ветерка, воздух был тих и недвижим, и это затишье наполнило душу Конана предчувствием чего-то ужасного.

— Что это? — тихо спросил он.

Ки-шон вновь сказала что-то и сделала руками движение, будто отгоняет от лица мух. При этом губы ее вытянулись в трубочку, и она издала низкий, устрашающий звук, напоминающий стон ветерка в печной трубе.

— Плохо,— добавила она.

Конан еще раз взглянул на распухающее облако и сказал:

— Это буря, да? Снежная буря… И она идет на нас. Правильно?

Кхитаянка не поняла его, но по тому, как напряглось лицо варвара, как потемнели его глаза, она догадалась, что ее спутник уяснил грозящую им опасность, и часто закивала, продолжая лопотать на своем наречии.

Сердце Конана сжалось.

Они стояли на открытой ледяной площадке; прямо перед ними темнела расселина, спуск в которую обещал быть Долгим и опасным; по сторонам нависали укрытые снегом стены гор, ежечасно грозящие лавиной и камнепадом; позади осталось белое поле перевала Топор Палача… И нет ни скалы, ни пещеры, где бы путники могли укрыться от Урагана… Они попали в ловушку.

Конан растолкал друзей и, не тратя времени на подробные объяснения, приказал

сворачивать лагерь.

— Все вон к тому склону, живее! Там много трещин, может, укроемся! Да не копайтесь вы! Омигус, Кром тебя порази, лошадей отвязывай!..

Налетел порыв шквального ветра, в воздухе заплясал снежный вихрь. Палатка вздулась пузырем, с одной стороны вылетели колья, и спальные мешки, подобно раненым птицам, унесло в серую круговерть. Небо мигом потемнело. Ближайшие горные вершины уже скрылись в стремительно надвигавшейся мгле.

Поторапливая спутников гневными окриками, тут же терявшимися в свисте ветра, Конан лихорадочно набивал мешки всем, что попадалось под руку. Снег залеплял глаза, ветер трепал волосы, раздувал одежду и обжигал легкие. В двух шагах ничего не было видно — лишь смутные тени мелькали вокруг.

— Веревка! — прокричал киммериец.— Надо обвязаться веревкой, не то мы потеряемся в этом аду!..

Люди сгрудились в кучу и не гнущимися от мороза пальцами затянули вокруг талии прочные узлы.

— Давайте шевелитесь! — командовал Конан и сам не слышал своего голоса.

Сквозь вой ветра до него иногда долетали обрывки фраз.

— Мы погибли, погибли… я не хочу… — стонал Толстяк.

— Клянусь Зенитомулсом… никогда… больше никогда… — с отчаянием выкрикивал Омигус.

— Тъень лао пхо… Вун ду фо… вун ду фо… — лопотала Ки-шон.

— К скале, да быстрее вы!..— возопил Конан.

Согнувшись в три погибели под напором ветра, они

двинулись к темнеющему слева склону. Кони испуганно ржали и норовили вырваться, но киммериец крепко держал их за поводья. Наконец путешественники добрались до скалы и вцепились руками в едва заметные на обледеневшем камне впадины и выступы. Завывающая, как голодная дикая кошка, пурга пыталась оттеснить их, оглушить, запутать и навеки похоронить в обезумевшей снежной круговерти… Конан повел отряд вдоль склона — туда, где, насколько он помнил, находилась глубокая, как казалась издали, трещина.

Спасительная трещина обнаружилась совершенно неожиданно, когда полуослепший киммериец уже потерял всякую надежду найти укрытие. С трудом втиснувшись в скальный разлом, над которым угрожающе нависала гранитная плита, путники тесно прижались друг к другу. Снаружи неистовствовала стихия, в бессильной ярости налетая на скалу, швыряя им в лица пригоршни ледяного крошева, стараясь добраться до жалких людишек, осмелившихся проникнуть в ее владения.

— Все живы? — отдышавшись, поинтересовался варвар.

— Нет…— донесся сквозь темноту хриплый стон Омигуса.— Я, кажется, умер…

— Луара, как ты?

Молчание.

— Луара?.. Луара!

Девушка не отзывалась.

Конан в ужасе пошарил руками вокруг — вот Ки-шон, Омигус, бывший работорговец, чтоб ему пусто было… Луара исчезла.

— Кто из вас видел ее последним?! — заорал Конан.

Его спутники промолчали. Когда началась метель, никто не следил друг за другом, все были заняты спасением только своей собственной жизни.

— Омигус, зажги огонь! Скорее!

— Погоди, Конан,— испуганно заворочался фальшивый маг. — Тут не повернуться… и не видно ни зги… и пальцы онемели… Сейчас, сейчас…

— Проклятие, нет времени! Веревку! Снимайте с себя веревку, поживее!..— Конан надежно обвязал один конец веревки вокруг пояса, а другой сунул в ладони Ки-шон.— Ради всего святого, не выпускай ее. Иначе я… Дьявол, ты же не понимаешь…

Махнув рукой, северянин направился к выходу из укрытия.

— Стой, ты что?! — закричал ему в спину Омигус.— Ты куда?! А мы? Мы же погибнем здесь без тебя!.. Мы…

Но его вопли поглотил рев бури.

Едва киммериец вышел наружу, как налетевшая снежная волна чуть не сбила его с ног. Точно огненный вихрь, ледяная пыль, несомая шквальным ветром, обжигала лицо и руки, секла кожу.

— Луара! — изо всех сил прокричал Конан и прислушался. Ответом ему был лишь замогильный вой урагана. Ничего не видя в снеговерти, киммериец двинулся прочь от скалы. Воздух словно отвердел. Ветер, встав плотной стеной, не пускал его, лез в гортань морозным кулаком, норовил сорвать одежды, опрокинуть, унести в пропасть. Киммериец шел вслепую, наперекор стихии, изо всех сил вцепившись в единственную ниточку, связывавшую его с людьми, — прочную веревку, другой конец которой находился в руках кхитаянки Ки-шон, и выкрикивал имя девушки… Но лишь стенания шквала доносились до его слуха.

Но — что это? Показалось? Или буря решила сыграть с ним жестокую шутку? Или действительно он уловил едва слышный женский голос?

— Луара! — что было мочи заорал варвар и напряг слух, стараясь не обращать внимания на безумные стоны ветра. Да, никаких сомнений со стороны пропасти долетел отчаянный крик Луары.

— Держись, девочка, я иду!

Конан повернул в сторону расселины и осторожно двинулся вперед. Ветер бил ему в спину, словно подгоняя, но киммериец не радовался неожиданному союзнику: ураган смел с открытой площадки весь снег, обнажив ровную, как стол, ледяную поверхность; один неверный шаг — и он упадет, начнет скользить и неминуемо сорвется в бездонную пропасть. Пока лишь веревка помогала ему устоять на ногах.

Через десять шагов, давшихся Конану с превеликим трудом, он разглядел в белом хаосе темное пятно. Луара! Она шевелилась и слабо махала рукой.

— Я рядом! Я уже здесь! Держись, девочка.

Голос не слушался его, и вместо крика из горла киммерийца вылетало лишь хриплое карканье. До девушки оставалось всего лишь три шага. Уже два… Один…

Он поначалу не понял, что произошло. Что-то мешало ему идти дальше. Спустя миг Конан догадался: кончилась веревка.

Северянин замер. Если он выпустит конец, то наверняка не найдет обратной дороги…

— Конан!..

Сквозь бушующую снежную пелену киммериец увидел, как пальцы Луары соскользнули с намертво вмерзшего в площадку неприметного камешка, за который девушка цеплялась из последних сил, и она стала медленно, но неуклонно скользить в сторону пропасти…

— Луара!

Не раздумывая ни секунды, Конан отбросил веревку и прыгнул.

Ветер налетел на них с новой силой, будто радуясь беспомощности своих жертв, и поволок обоих к обрыву. Луара судорожно обхватила Конана и тихонько всхлипнула. Говорить она не могла — лишь счастливо улыбалась потрескавшимися, обмороженными губами.

Конан нащупал рукоять кинжала, вытащил его и вонзил в лед. Скольжение прекратилось. Но сколько они так продержатся? Минуту, две? Замерзшие пальцы не смогут долго держать кинжал… Он до боли сжал зубы и попытался подтянуться на одной руке, другой крепко держа Луару. Тщетно. Одеревеневшие мышцы не слушались, ветер и вес Луары влекли его к пропасти… Он почувствовал, как начинает гнуться лезвие кинжала.

Расплывчатая тень нависла над ними, и киммериец вдруг Услышал властный голос, заглушивший грохот бури:

— Руку, Конан! Дай руку, если хочешь жить!

Кто это? Омигус, Толстяк? Быть не может…

Незнакомец стоял над ними незыблемо, точно скала, как будто не бесновался вокруг шквальный ветер, как будто тучи ледяной пыли и снега не сбивали с ног. Лишь полы Длинного плаща таинственного спасителя трепетали, бились, метались у него за спиной, как крылья разъяренного демона.

— Конан, дай же руку!

Решившись, северянин отпустил рукоять кинжала и протянул раскрытую ладонь незнакомцу.

Ветер словно только и ждал этого момента. Едва Конан оставил кинжал, новый удар бури обрушился на него и отбросил вместе с Луарой на самый край пропасти. Однако каким-то непостижимым образом таинственный спаситель в развевающемся плаще оказался рядом и одним рывком поставил обоих на ноги. Удивительное дело, но возле него ветра не было и в помине, точно незнакомца окружала невидимая стена. Но у Конана даже не было сил удивляться.

— Спасибо,— просипел он.

Вконец обессиленная Луара повисла у него на шее и лишь тихонько постанывала.

— Кто ты, незнакомец? Откуда знаешь мое имя?

— После, воин из Киммерии. После поговорим. А сейчас давай найдем твоих друзей, пока буря не скинула нас в пропасть.

Конан пошатнулся, и незнакомец подхватил его под мышки.

Северянин не помнил, в какой стороне осталось укрытие, где спрятались его друзья. Но тут в клубящемся водовороте снега неожиданно вспыхнула яркая искорка — Омигус все же зажег сигнальный огонь.

Ветер, что, подобно добросовестному дворнику, очистил ледяную площадку над обрывом, возле скалы завихрялся, и перед входом в пещеру вырос целый сугроб. Непослушными руками Конан стал разгребать снег, потом кто-то помог ему… И вот он, Луара и незнакомец уже стоят внутри пещеры.

Омигус и Ки-шон выбились из сил, перетаскивая всех троих через снежный занос, и дрожали от лютого холода.

В свете шара синего пламени, который висел под сводом этой тесной пещерки, можно было разглядеть, что загадочный спаситель высок и очень худ. Орлиный нос нависал над тонкими бескровными губами, из-под кустистых седых бровей сверкали колючие серые глаза, окруженные плотной паутинкой морщин.

— Огня,— прохрипел северянин, обращаясь к фальшивому магу.— Ради всего святого, быстрее огня! Мы же все здесь замерзнем!..

— О Конан, Конан,— запричитал Омигус, стуча зубами.— Я не могу развести огонь! Чудодейственный порошок отсырел… да и места тут для огня нет! Это — холодное пламя, оно только светит! — И в подтверждение своих слов маг сунул дрожащие, посиневшие пальцы в самое сердце синего огненного шара.

Стужа пробирала до самых костей. Еще немного — и все живое здесь околеет, замерзнет, покроется инеем…

— Я сумею помочь,— вдруг прозвучал над ухом киммерийца тихий, спокойный голос незнакомца.— Но, увы, только одному. Моей волшебной силы на всех не хватит. Поверь мне, варвар. Я не враг тебе, как ты, надеюсь, уже убедился там, у обрыва. Зовут меня Ловар. Я тоже пилигрим, тоже ищу волшебную страну Гиль-Дорад. В таборе бродячих торговцев я узнал, что отряд под предводительством воина из Киммерии по имени Конан не так давно выступил к перевалу Топор Палача, и, спеша присоединиться к нему, бросился вслед. Вот и все. Надеюсь, я развеял твои сомнения. Я не враг тебе.

— Помочь — каким образом? — просипел северянин.

— Я могу сделать так, что никакой мороз, никакая стужа не проникнет за пределы моего защитного купола. Но, увы, купол действует только в пределах трех локтей. Поэтому только тебя я сумею спасти. Остальные просто не поместятся… Выбирай, Конан. Ты можешь замерзнуть, но спасти кого-нибудь. Но тогда ты никогда не доберешься до Гиль-Дорад. А без тебя и остальные не дойдут. Или ты можешь спастись сам.

Ловар протянул руки к стене, и из его пальцев заструилось марево, какое возникает над землей в жаркий полдень. На крошечном пятачке в углу пещеры образовалось пятно света; лед, покрывавший камень, начал таять, оттуда сразу потянуло теплом.

Конан беспомощно огляделся. Бывший работорговец лежал на ледяном полу, от холода он, похоже, впал в забытье. Ки-шон сидела у стены, закутавшись в шубу до самых глаз, и дрожала всем телом. Луара стояла, сняв рукавицы, и дышала на отмороженные пальцы, пытаясь согреть их. Лошади сгрудились у самого выхода из пещеры — мороз, по-видимому, лишил их даже инстинкта самосохранения; глаза животных были затянуты мутной пленкой, пар редкими тоненькими струйками, словно нехотя, выползал из ноздрей.

— Быстрее, Конан,— поторопил Ловар.— Я не смогу долго удерживать заклинание в бездействии. Делай свой выбор!

Лошади!..

Жители самых северных областей Киммерии в безвыходном положении спасались от холода именно так… Да и по предательскому спуску в расселину их все равно не провести…

— Значит, твой купол размером лишь три локтя? — хрипло спросил киммериец.

— Да…— кивнул гость, несколько смешавшись.— Все туда не поместятся. Только ты.

— А ты?..

— За меня не беспокойся, Конан. Мне холод не страшен.

— Ладно,— прошептал северянин.— Я сделал выбор… Строй свой купол, колдун…

Негнущимися пальцами Конан подобрал меч и, покачиваясь, приблизился к животным.

— Простите меня,— прошептал он,— Вы верно служили нам все это время. Послужите же в последний раз. Мне очень жаль…— И северянин, подняв меч, полоснул острием по горлу лошади.

Омигус в ужасе отпрянул, Луара сдавленно вскрикнула. Пенящаяся, дымящаяся кровь черным потоком хлынула из раны. Животное захрипело, ноги его подкосились, оно тяжело рухнуло на землю и забилось в судорогах. Второй конь лишь немного повернул свою крупную голову, но больше никак не отреагировал на происшедшее. Конан сделал таг к нему и вторично поднял окровавленное лезвие…

Мечом вспоров брюхо обеим лошадям, Конан повернулся к ошарашенным спутникам.

— Луара и Ки-шон вдвоем занимают не больше места, нежели я один. Поэтому женщины спрячутся под купол Ловара. Кровь лошадей горячее человеческой. Я, Омигус и Толстяк переждем бурю в их чреве… Давай, циркач, полезай внутрь.

От вываливающихся кишок, ярко-алых, маслянисто блестящих, поднимался пар.

— Я? — почему-то шепотом удивился Омигус.— Туда?! В кишки к этим тварям? Да я лучше замерзну…

— И замерзнешь, идиот! Это — наше единственное спасение! Повторяю: кровь лошадей горячее человеческой, в их утробе мы и отогреемся, и переждем бурю. Иного выхода нет, пойми!

Отбросив меч, киммериец подхватил заартачившегося Омигуса, сорвал с него плащ и головой вперед толкнул к разверстому нутру мертвого коня. Маг заверещал, будто зарезали не бедное животное, а убивают его самого, и стал изо всех сил упираться.

— Не надо, Конан! Почему я? Я не выношу запаха крови, не надо, пожалуйста! Меня сейчас вырвет!..

— Отпусти его, Конан,— вдруг едва слышно прошептала Луара и подняла на киммерийца полные отчаяния глаза,— Пусть он остается вместе с Ки-шон. А рядом с тобой буду я.

От неожиданности северянин выпустил циркача — тот упал на пол и проворно отполз в угол, под защиту волшебного купола.

— Ты?..— Он опустился перед ней на колени и взял в ладони ее тонкие, холодные, как ледышки, пальцы.

— Конан, ты же сам говорил, что наше путешествие будет не из легких… Я обещала во всем слушаться тебя и всегда быть рядом с тобой…— У нее зуб на зуб не попадал от холода, и все же она попыталась улыбнуться потрескавшимися губами.— Вот такой момент и наступил. Если нам суждено здесь погибнуть, то мы погибнем вместе. И… я очень боюсь этого человека.— Они кивнула на молча наблюдающего за ними колдуна.

— Он спас нам жизнь,— напомнил Конан.— И сейчас спасает опять… Но… Хорошо. Ты очень храбрая девочка, Луара. Я горжусь тобой.

— А я верю тебе, Конан. Ты не оставишь нас в беде. Я… Я сейчас… Дай собраться с силами…

Спустя две минуты она уже лежала внутри лошади. Не плакала, не кричала… лишь тихонечко всхлипывала.

— Ты умный, варвар. Теперь я уверен, что ты доберешься до Гиль-Дорад,— неожиданно подал голос таинственный незнакомец, по-прежнему неподвижно стоящий у самого выхода из пещеры. Глаза его мерцали странным холодным огнем.— Тебе надо торопиться — кровь остывает… и не только лошадиная, но и в твоих собственных жилах.

— Сейчас.— Ки-шон уже заняла место рядом с Омигусом. Они сидели, прижавшись друг к другу, и неотрывно смотрели на колдуна и северянина.

Конан склонился над Толстяком — тот едва дышал.

— Помоги мне засунуть его в другую лошадь,— обратился Конан к незнакомцу.

— Его? — удивился Ловар.— Зачем тебе эта обуза? Пусть себе замерзает — так будет лучше и для него, и для вас! Киммериец медленно выпрямился.

— Я очень благодарен тебе, незнакомец, за то, что ты спас мне жизнь. Но не в моих правилах бросать человека на верную гибель, когда есть возможность спасти его. Надеюсь, ты не будешь гневаться на меня за это.

Ловар учтиво улыбнулся.

— Извини, варвар. Я всего лишь проверял тебя. Хоть ты и молод, но благородства тебе не занимать.— Сказав так, он помог Конану погрузить в дымящиеся внутренности бесчувственное тело раба и выпрямился.— Я еще раз прошу прощения за столь дерзкое поведение. И постараюсь в силу моих слабых возможностей сделать все, чтобы ты и твои друзья пережили эту бурю. Верь мне, Конан.

Северянин пожал плечами.

— Я не говорил, что не доверяю тебе, Ловар. Давай-ка отложим разговор на потом. Если эта буря когда-нибудь стихнет…

Поначалу киммериец не чувствовал ничего, кроме тошнотворного запаха крови. Но постепенно горячая плоть лошади согрела его, и он ощутил тысячи иголочек, вонзившихся в его руки и ноги,— свидетельство того, что кровь вновь нормально побежала по жилам. Конан прислушался. Луара тихо посапывала рядом — сон сморил ее даже в таком жутком месте. Снаружи завывала, плакала и смеялась пурга, но силы ее явно были на исходе.

Северянин обнял липкую от крови девушку и мгновенно уснул, вымотанный тяготами путешествия. А ведь это — лишь начало пути…

Глава двенадцатая

Проснулся он от холода. Лошадиная туша остыла, кровь свернулась, и выбраться наружу было делом непростым. Киммериец тщательно смыл снегом кровь с тела и одежды. Судя по всему, буря давно прекратилась, и вновь стояла прекрасная погода. Снежный занос, преграждавший выход из пещеры, таинственным образом исчез — как заподозрил северянин, не без помощи странного гостя. Было утро. Неужели они целые сутки находились посреди бушующей стихии?..

На самом краю обрыва возвышалась неподвижная мрачная фигура; черный силуэт отчетливо выделялся на ослепительно белом фоне снегов. Закутавшись в длинный, до самых пят, плащ, Ловар задумчиво всматривался в уходящий до самого горизонта провал расселины; у ног его лежал небольшой, но туго набитый походный мешок. «Хорошо бы заглянуть в него»,— мелькнула у Конана мысль. Ведь, как говорили старики в Киммерии, подчас о человеке можно узнать гораздо больше по тому, что он носит с собой, нежели по его речам и поступкам.

Он подошел к колдуну и встал рядом, также устремив взгляд в даль. Поднималось солнце, сиянием нового дня озаряя горные пики; воздух был морозен, но ветер стих; голубая даль была светла и прозрачна.

*** * ***

— Хороший день, варвар,— не поворачивая головы, произнес Ловар.— В такой день умирается спокойно и радостно.

— Я пока не собираюсь умирать,— хмуро ответил киммериец.

— Кто может разгадать желания богов? — возразил Ловар.— Вчера, например, ты был на волосок от гибели. Если бы я не оказался в нужный момент в нужном месте, твой труп и труп девушки уже покоились бы на дне этой пропасти.— И он, словно в подтверждение своих слов, носком сапога скинул вниз кусочек льда. Ледышка запрыгала по уступам, спускающимся вниз наподобие великанской лестницы, и ее веселый звон долго дрожал в студеном воздухе.

— Это меня и настораживает,— честно признался Конан.— Я, конечно, благодарен тебе, но не понимаю, как ты умудрился оказаться в нужный момент в нужном месте.

Обветренные губы Ловара тронула усмешка.

— Ты еще очень молод, Конан из Киммерии. Боги частенько любят подшучивать таким образом над нами, смертными. А ты потом ломаешь голову: то ли простая случайность была причиной твоего чудесного спасения, то ли боги проявляют к тебе благорасположение… В данном случае я склонен придерживаться первой версии.

— Зачем же ты прятался среди камней, когда мы вышли на перевал? Почему не появился в открытую?

Ловар удивленно поднял брови и покачал головой.

— Я не прятался, Конан. Точнее, это был не я.

— Кто же тогда?

— Не знаю. Но тут кто-то есть. Кто-то еще кроме нас. Я чувствую, что за нами следят.

Следят с того самого момента, как мы достигли снегов… Не люди, мой друг. Я даже сомневаюсь, что давешняя буря была проявлением лишь слепых стихийных сил…

Конан тут же вспомнил предостережение принцессы Ливии: «Опасайся живого мороза». Возможно, ураган и есть тот самый «живой мороз» — очень уж неожиданно он начался и столь же неожиданно закончился… Если так, то первое препятствие на пути в Гиль-Дорад ими преодолено.

— В этих местах ощущается злая воля и мощь, с какой ни одному человеку не справиться,— продолжал меж тем Ловар.— Даже самому опытному колдуну.

— А ты — колдун? — напрямую спросил Конан, нисколько не удивившийся бы, если б так оно и оказалось.

— В каждом из нас заключена частичка волшебной силы — в одних больше, в других меньше,— поморщился Ловар, точно слова северянина были ему неприятны.— Я — странник и за годы странствий видел многое и научился многому…— Он вдруг резко повернулся и посмотрел прямо в глаза киммерийцу.— Ответь мне на один вопрос, варвар: если б во время пурги заблудилась не эта девочка, Луара, если б на краю пропасти оказалась не она, а, скажем, этот шарлатан, выдающий себя за мага, ты бы тоже бросился спасать его, рискуя собственной жизнью, зная, что без тебя остальные наверняка пропадут?

Вопрос застал Конана врасплох. Он никогда не размышлял о подобных вещах. Он делал так, как велело ему сердце, и после содеянного вовсе не думал о том, прав он был или нет.

— Мне кажется,— медленно начал он, тщательно подбирая слова,— что если какой-нибудь человек оказался в трудном положении, ты должен поступать так, как, по твоему разумению, он сам поступил бы с тобой, если бы в такое положение попал ты. Поэтому — да, я попытался бы спасти и Омигуса.

— Сказано несколько коряво, но в целом понятно,— холодно кивнул Ловар и, поскучнев, вновь отвернулся к застывшим в своем вековом величии горам, будто уже выяснил все, что его интересовало.

После некоторой паузы Конан сказал:

— Я не силен в загадках, колдун. В твоем вопросе был скрытый смысл?

Ловар пожал плечами и ответил, казалось бы, без всякой связи с предыдущим:

— Если вы поторопитесь, то к полудню достигнете дна расселины.

— А ты?..

Странник искоса взглянул на киммерийца и чуть заметно улыбнулся.

— Я бы почел за честь присоединиться к вам. Идти по горам в одиночку — дело, мягко говоря, непростое.

Конан помолчал, глубоко вдохнул морозный воздух, с выдохнул.

— Я не понимаю тебя, Ловар, и, наверное, поэтому боюсь. Однако ты прав: в горах небезопасно. И не только в одиночку. Так что я с радостью приглашаю тебя в наш маленький отряд. Сильные мужчины, да к тому же наделенные колдовскими силами, нам нужны.

Странник благодарно кивнул, но если он и обрадовался предложению киммерийца, то никак не выразил своих чувств. Взгляд его серых глаз был по-прежнему устремлен вдаль.

— Я полагаю, нам потребуется не больше недели, чтобы пересечь Кезанкийские горы,— задумчиво сказал он.— Если, конечно, по дороге с нами ничего не произойдет.

— С нами что-то может случиться? — быстро спросил Конан.— Тебе что-нибудь известно?

Ловар медленно покачал головой.

— Ничего определенного. Тем не менее, как я уже говорил, эта расселина буквально сочится нечеловеческой, но вполне осмысленной злобой. Не знаю, как мы переберемся на ту сторону… Полагаю, нам с тобой это по плечу, а вот с двумя женщинами и двумя неуклюжими

увальнями… Странную компанию ты подобрал…

— Вот что,— оборвал его Конан.— Я позволил тебе присоединиться к нам, но это не означает, что ты можешь…

Жуткий, нечеловеческий крик прорезал первозданную тишину царства гор. Полный ужаса и невыразимого страдания, он донесся из пещеры, где оставались спутники Кована. Предчувствуя беду, напрочь позабыв о Ловаре, киммериец метнулся к чернеющему входу. На пороге он резко остановился, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку, и сжал рукоять кинжала.

На ледяном полу возилась, взбрыкивала и издавала невнятные хрипы какая-то бесформенная куча.

— Конан, черт, чего стоишь?! — раздался откуда-то изнутри кучи сдавленный голос Омигуса.— Помоги — толстый взбесился!..

Только сейчас северянин разглядел, что происходит в пещере.

Луара лежала на спине, беспомощно отмахиваясь кулачками от работорговца, навалившегося на нее всей тушей а жирными пальцами тянувшегося к ее шее. Омигус изо всех сил пытался оттащить его, а Ки-шон, ухватив обезумевшего пленника за запястья, не давала ему вцепиться в горло девушке. На губах толстяка пенилась слюна, остекленевшие глаза бессмысленно вытаращились…

Шепотом выругавшись, киммериец подскочил к ним и опустил рукоять кинжала на затылок бывшего работорговца. Тот обмяк и повалился набок.

— Как ты? В порядке? — подскочил Конан к Луаре.

Девушка села, кашлянула, растирая горло, и слабо кивнула.

Конан повернулся к Омигусу:

— Что тут у вас стряслось?

Цирковой маг сбивчиво рассказал о случившемся.

*** * ***

Луара очнулась первой. Выбравшись из чрева мертвого животного, она брезгливо поморщилась и, с трудом сдерживая позывы к рвоте, стала счищать с себя засохшую кровь. Немного погодя проснулись Ки-шон и Омигус, всю ночь сладко дремавшие на плече друг у друга под защитой волшебного купола Ловара, а в брюхе другого коня заворочался Толстяк. Простонав что-то нечленораздельное, он на миг затих, а потом вдруг завизжал — страшно, надрывно, как будто сотни демонов тащили его в самое сердце Ада. Да и было отчего завизжать: прийти в себя и обнаружить, что ты с головой погружен в остывшие внутренности какого-то зверя,— тут и более мужественный человек может сойти с ума. Как бы то ни было, бывший работорговец, не переставая истошно кричать, с удивительной для своей комплекции скоростью, пятясь, выполз из распоротого лошадиного живота и в ужасе огляделся. Луара шагнула к нему, намереваясь успокоить и объяснить, как несчастный оказался в столь кошмарном месте, но она совершенно не учла, что сама выглядит ничуть не лучше адских демонов: заскорузлая одежда в багровых пятнах, лицо перепачкано запекшейся кровью, в слипшихся волосах ошметки каких-то низких волокон… Увидев надвигающегося на него монстра, работорговец впал в еще большее неистовство, затмившее даже инстинкт самосохранения, и с ревом набросился на мерзкое чудовище…

* * *

Спустя полчаса Толстяк пришел в себя. Поначалу он не понимал, кто он и где оказался, но память вскоре вернулась к нему — в глазах его зажегся огонек безумия, рот распахнулся, грозя опять извергнуть оглушительный вопль, однако спутники Конана, уже умывшиеся снегом, почистившие одежду и приведшие себя и работорговца в более-менее нормальный вид, были рядом: они удержали его на холодном полу пещеры, а киммериец быстро проговорил:

— Все в порядке, дружок, все в порядке. Это был просто кошмарный сон. Теперь ты очнулся, мы рядом, снова светит солнце…

— Ох, это наказание за мои грехи,— простонал бедняга, тщетно пытаясь высвободиться из объятий северянина.— Я видел демонов… Они хотели затащить меня в Ад… Я до сих пор чую их отвратительный запах — запах крови… Отпустите меня, пожалуйста, отпустите меня домой… Или убейте… Только не надо больше… Не надо…

Постепенно он успокоился, убежденный товарищами, что кошмар ему только привиделся. С помощью Конана, который всячески старался загородить от пленника распотрошенные трупы лошадей, уже покрытые толстым слоем инея, Толстяк выбрался на солнечный свет и с удивлением оглядел горные вершины.

На площадке перед обрывом путники развели костер и плотно закусили. Ураган унес два спальных мешка, одеяло и, что самое неприятное, один из пакетов с вяленым мясом. Оставшейся еды должно было хватить от силы на три дня, во голод оказался сильнее разума, подсказывавшего, что продукты нужно экономить. Еще раз уверив себя, что давешний буран и есть тот самый «живой мороз», о котором предупреждала принцесса Ливия, киммериец разрешил друзьям допить остатки крепкой браги торговцев.

Последствия ночной бури оказались не столь плачевными, как опасался Конан. Хотя холод ощутимо подорвал силы путешественников, однако ни признаков простуды, ни отмороженных конечностей, ни зловещих белых пятен на коже, свидетельствующих о том, что стужа уже проникла в плоть, ни у кого не обнаружилось, а травяной настой и особая мазь, выменянные у тех же хитрых торговцев, позволили быстро забыть о том, что совсем недавно им грозила участь замерзнуть насмерть среди снегов и равнодушных горных вершин.

Киммериец с облегчением вздохнул, однако на душе у него было тревожно: он так и не мог толком объяснить, почему они невредимыми вышли из схватки со стихией, а все непонятное его пугало. Впрочем, более всего Конана сейчас беспокоило не физическое здоровье спутников, а их моральный дух. Он искоса наблюдал за друзьями.

Все были измотаны ночными приключениями, но весьма решительно собирались продолжить путь. Смерть, едва не коснувшаяся их своим холодным дыханием, сплотила крошечный отряд. Омигус и Ки-шон, тесно прижавшись, сидели на одеялах, предлагая друг другу лучшие кусочки копченого мяса. На изможденном лице циркового фокусника вновь заиграл румянец. Кхитаянка была, как обычно, собранна и невозмутима. Хотя, когда Омигус предложил Ловару отхлебнуть браги из глиняной бутыли и колдун в плаще с достоинством принял его предложение, во взоре Ки-шон вдруг загорелся зловещий свет и она даже привстала, словно намереваясь помешать этому дружескому жесту. Конан обратил внимание, что злоба и страх сквозят в каждом взгляде молодой кхитаянки, обращенном на нового пилигрима, и недоуменно нахмурился.

Впрочем, и Луара наблюдала за Ловаром с опаской, исподлобья, поэтому киммериец отнес поведение девушек на счет извечной женской мнительности и думать забыл об этом. Сам же

колдун сидел отчужденно, говорил и ел мало, на вопросы дотошного Омигуса отвечал кратко, но учтиво и любезно; когда же любопытство циркача надоело он мягко перевел разговор на магию, в которой тот ничего не понимал, и Омигус, насупившись, умолк. Конан ухмыльнулся.

Однако больше других северянина тревожил несчастный работорговец. Бесспорно, свирепая пурга и близость смерти сильно повлияли на его разум. Подобные тяготы ему еще никогда не доводилось испытывать, и, как говорили на родине Конана, «в голове его появилась дырка». Киммериец в который раз пожалел, что потащил за собой этого беспомощного толстяка — ведь можно же было оставить его у бродячих торговцев. Он бы там обжился, торговался бы с проходящими искателями страны Гиль-Дорад и заслужил бы уважение хозяев… Что ж, сделанного не воротишь. Когда трапеза закончилась, Конан сказал:

— Мы должны двигаться дальше. Повторю: если кто-нибудь решил повернуть назад и возвратиться в цивилизованный мир — пожалуйста. Еще не поздно. Путь через перевал нетрудный; я выделю уходящим достаточно пищи и одежды, чтобы спуститься в долину. Тот же, кто решится пойти со мной, должен крепко-накрепко запомнить: обратной дороги нет. Или мы доберемся до Гиль-Дорад, или погибнем по дороге. Что бы ни ждало нас впереди, мы не повернем.

Некоторое время все молчали, лишь Толстяк с тоской оглянулся на оставшийся позади перевал Топор Палача.

— Я иду дальше,— наконец тихо произнесла Луара.

— Будь ты проклят, Конан, со своей волшебной страной,— вздохнул Омигус,— но я тоже с тобой. Мне это даже начинает нравиться…— Он хихикнул и посмотрел на Ки-шон. Кхитаянка ответила ему теплым взглядом, потом повернулась к Конану и изрекла:

— Вперед.

— Нет, обратно я не пойду. Меня поймают демоны и утащат в Ад,— затравленно прошептал работорговец.— Хуже все равно уже не будет. Не гоните меня, пожалуйста. Я с вами.

— Если благородные путешественники позволят Мне присоединиться к ним,— сказал Ловар,— я почту за честь отправиться на поиски чудесной страны вместе с такими смельчаками, как вы…

*** * ***

Вопреки опасениям, спуск в расселину не занял много времени: уступы были широкими, удобными и нескользкими. Природа, словно в награду за пережитый путниками буран, предоставила им лестницу. Но с лошадьми Конану наверняка спуститься бы не удалось…

Двигаться по дну глубокой расселины оказалось тоже нетрудно. Дно было ровное, чуть припорошенное легким снежком. Заметно потеплело, солнце вновь ярко сияло. Не верилось, что совсем недавно здесь бушевал свирепый ураган — таким миром веяло от этих гор, от этого снега, от этих неба и солнца.

Несколько раз на пути им попадались полузасыпанные снегом кострища, свидетельствующие о том, что тут проходили люди. Кроме того, они нашли сломанный посох, стоптанный башмак и связку неиспользованных факелов, которые, разумеется, забрали с собой. И Конан окончательно уверился, что они идут верной дорогой.

Одно лишь беспокоило киммерийца: поведение Толстяка и Ки-шон. Первый, плетясь сзади, что-то беспрерывно бормотал себе под нос, иногда еле слышно хихикал, а то вдруг начинал

испуганно оглядываться, будто проверяя, не крадется ли кто за ними. Впрочем, вел он себя тихо и особых хлопот не доставлял. Ки-шон же явно невзлюбила Ловара: она опасливо наблюдала за ним, старалась держаться подальше, и лицо ее нередко искажалось от страха.

На второй день их путешествия через расселину, ближе к вечеру, когда пора уже было подумать о месте для ночлега, Конан догнал девушку и незаметно потянул ее за рукав, вынудив отстать от остальных. Кхитаянка недоуменно подняла брови.

Киммериец кивнул на шедшего впереди колдуна и шепотом спросил:

— Плохой?

Девушка закусила губу, словно не решаясь вслух выразить свои подозрения, и так же тихо сказала:

— Нет знать.

Потом неуверенно указала назад, туда, где, зажатый склонами расселины, белел снег оставленного ими перевала, и пояснила:

— Там. Когда буря. Ты спать. Омигус спать. Все спать. Я спать — но не спать.

Она замолчала, пытаясь помочь себе мимикой, и украдкой посмотрела на Конана из-под прикрытых век.

— То есть дремала? — попытался прийти ей на выручку киммериец, зная, как скуден ее запас слов.— Или притворялась спящей?

Кхитаянка беспомощно пожала плечами и продолжала:

— Он думать — я спать. И делать так…— Но лице Ки-шон появилось выражение сосредоточенности, в глазах зажглась холодная решимость, и она направила на северянина растопыренную пятерню. Пальцы ее дрожали от деланного напряжения.— Потом…— Она вдруг расслабилась, опустила руку, в сомнении посмотрела на Конана и, презрительно ухмыльнувшись, отвела взгляд.— Так он делать,— прошептала она.— Я нет понимать. Но страшиться.

— Бояться,— машинально поправил Конан и задумчиво добавил, глядя в спину ничего не подозревающего Ловара: — Я тоже нет понимать…

Ночью в палатке он тихо спросил Омигуса:

— Тогда, в пещере, когда наш новый друг накрыл вас защитным колпаком, ты не заметил ничего странного?

— Странного? — лениво зевнул цирковой маг и накрылся шкурой.— Не-а, Я спал как убитый. А что?

— Да так…

Желание заглянуть в мешок Ловара не оставляло Конана но колдун постоянно держал котомку под рукой, а ночью клал под голову. Киммерийцу удалось лишь ощупать содержимое через материю, пока хозяин спал. Он обнаружил нечто шарообразное, что-то наподобие большого кольца с выступами и четырьмя длинными отростками, и еще какие-то непонятные предметы. Недоумение северянина ничуть не развеялось.

*** * ***

На шестой день путникам крупно повезло: они увидели на дне расселины судорожно дергающегося в тщетных попытках подняться горного козла. Животное, очевидно сорвалось со скалы и сломало передние ноги. Глаза его в ужасе смотрели на приближающихся людей.

Киммериец вонзил кинжал прямо козлу в сердце. Теперь у них было вдосталь мяса.

*** * ***

На шестой день путешественники почти достигли конца расселины — уже отчетливо был виден гигантский, припорошенный снегом оползень, взобравшись по которому они сумели бы наконец высвободиться из плена гор и снегов. Но тут на их пути встало новое препятствие: огромная трещина пересекала расселину от стены до стены. Дна видно не было, лишь холод и мрак струились из ее глубин. Конан кинул вниз камушек, и меньше чем через секунду люди услышали, как он ударился о ледяное дно.

— Неглубоко,— сообщил он.— Надо спускаться. По-другому нам на ту сторону не переправиться.

— Не надо спускаться! — в ужасе воскликнул Толстяк.— Там нас ждут демоны, они заберут меня в Ад, они нас всех заберут!..

— Омигус, давай веревку,— не обращая внимания на работорговца, приказал Конан.— Я спущусь первым и посмотрю, что там и как, и если все спокойно, вы — следом.— Он чиркнул кресалом, запалил факел и еще раз заглянул в мрачный провал. Света факела не хватало, но внизу явственно сверкали искорки льда.— Совсем неглубоко. Только держите крепче.

— Конан, будь осторожнее,— обеспокоено сказала Луара.

— Пустяки,— ободряюще улыбнулся он.— Мы уже почти дошли. Осталось совсем немного.

— Совсем-совсем немного,— захихикал, приплясывая на месте, Толстяк.— Демоны поджидают тебя там!

Никто и не подозревал, насколько прав был этот полубезумный бедняга…

*** * ***

Киммериец обвязался веревкой, и друзья медленно опустили его в трещину.

Действительно, она оказалась неглубокой — в три человеческих роста. Конан поднял факел над головой, и все вокруг засияло, засверкало, вспыхнуло мириадами искр холодного огня…

Он стоял около входа в обширную полукруглую пещеру; с потолка свисало множество неохватных сталактитов, похожих на хрустальные колонны в цитадели сказочной Повелительницы Зимы. Намертво вмороженные в пол, тут и там стояли ледяные скульптуры в человеческий рост: вот старик поднял руку, словно защищаясь от кого-то, вот маленький мальчик указывает пожилой женщине куда-то вдаль, а вот — поверженный воин, бессильно склонивший голову на плечо…

Всего было фигур двенадцать. Но откуда тут? И кто — или что — их скульптор?.. Конан обошел изваяния, вглядываясь в их лица и поражаясь их удивительному сходству с живыми людьми. Ледяные скульптуры, ледяной пол, ледяные стены, ледяной потолок мерцали и переливались всеми цветами радуги, стоило Конану пошевелить факелом. Он прислушался, округ стояла мертвая тишина, и, хотя неведомо каким образовавшиеся здесь ледяные люди настораживали киммерийца, он не почувствовал никаких признаков опасности. Здесь было

гораздо холоднее, чем снаружи, воздух обитал горло, но в боковой стене пещеры находился неровный разлом, и в нем — нет никаких сомнений! — ярко светило жаркое солнце.

Поскальзываясь на каждом шагу, киммериец приблизился к пролому, выглянул.

Пологий склон вел вниз, теряясь в туманной дымке, а дальше расстилалось целое море песка…

Пустыня.

Они все-таки дошли! Горы не убили их! Сердце киммерийца переполнилось восторгом, и он мигом забыл о зловещих скульптурах.

— Конан! — вдруг раздался сверху гулкий голос Ловара, и эхо заметалось под ледяными сводами: «Ко-нан! …ааа…нан! …нан!»

— Я здесь! — закричал он в ответ.— Сюда, я выход нашел!

Северянин вернулся к веревке и помог друзьям спуститься.

— Туда,— указал он.— Там выход. Там конец нашим мытарствам. Мы перешли через горы, а?!

И, не в силах сдержать восторг, Конан громко расхохотался. Спустя мгновение смеялись уже все… Лишь Толстяк не разделял общей радости.

Но горы не собирались так просто отпускать людей, дерзнувших проникнуть в их владения.

— Смотрите! — крикнула Луара, разом посерьезнев.

Толстяк тоненько заверещал.

Раздался тихий треск, шорох… Одна за другой ледяные фигуры поворачивали к ним свои белые головы, смотрели I на людей незрячими глазами. По полу потекли струи белесого тумана.

Конан отбросил в сторону факел и выхватил меч.

Протягивая к ним несгибающиеся руки, медленно, с трудом переставляя ноги, с которых при каждом шаге сыпалась ледяная крошка, скульптуры неотвратимо надвигались. Две из них — юная девушка в шубе до пят и худощавый мальчик в сшитом из шкур плаще — уже загораживали выход. Остальные сжимали людей в смертоносное кольцо Стояла полная тишина.

Неожиданно дохнуло такой стужей, по сравнению с которой холод всех горных вершин мира казался лишь прохладой летнего вечера.

— Что это? — испуганно спросила Луара.

— Это,— медленно проговорил Конан, не отводя глаз от приближающихся фигур,— это «живой мороз»…

Стражи гор теснили людей к противоположной от выхода стене…

— Что же делать, Конан? — в панике закричал Омигус.— Нас же всех сейчас сожрут!..

— Ловар, ты говорил, что холод тебе не страшен…— торопливо проговорил киммериец.

Колдун беспомощно покачал головой:

— Нет, варвар, боюсь, против этого моя сила не поможет…

Вдруг одна из фигур быстро метнулась к Ки-шон. Вскрикнув, цирковой маг оттолкнул девушку в сторону — и вовремя: статуя лишь задела левую руку кхитаянки… Впрочем, и этого оказалось достаточно.

То место, где к плоти прикоснулся «живой мороз», тут же вспыхнуло пушистой белизной, стремительно распространившейся до самого локтя, будто кхитаянка окунула руку в ведро с белой краской. Когда Омигус толкнул ее, Ки-шон неловко упала прямо на эту руку…

Такого Конану еще не приходилось видеть: рука вдруг разбилась на тысячи звонких льдистых осколков, от нее осталась лишь безобразная культя…

Ки-шон зашипела, как дикая кошка, и, не поднимаясь с пола, выхватила кинжал. Омигус быстро оттащил ее за ближайший сталагмит; морозное создание промахнулось.

«Они замораживают заживо! — как молния, пронзила Конана ужасная мысль.— Это

никакие не скульптуры — это те, кто прошел здесь до нас!»

— Конан!

Крик Луары вывел его из оцепенения. Он быстро оглянулся.

Кольцо замороженной плоти медленно сжимались вокруг него. Киммериец взмахнул мечом и обрушил закаленную сталь на одного из порождений холода. Ледяная голова слетела с плеч, но скульптуру это не остановило: даже обезглавленная, она наступала, протягивая к Конану руки, несущие вечный покой. Прикоснуться к живому человеку, в котором течет горячая кровь, обнять его, погрузить в сладкое забвение — вот чего желали, к чему стремились ледяные люди.

Конан рубил их, кромсал, отсекал конечности, но фигуры с тупой медлительностью, движимые одной только целью, наступали. Против стужи металл оказался бессилен…

Он увидел, как Ловар, пригибаясь и петляя между скульптурами, добежал до факела, схватил его и швырнул Конану. Тот поймал его на лету свободной рукой, взмахнул им, как мечом, и фигуры отпрянули.

— Огонь, они боятся огня! — едва ворочая языком, прохрипел он.— Кром всесильный, зажгите же хоть что-нибудь!..

Из пальцев колдуна неожиданно полыхнула яркая зеленая вспышка, и рассыпались еще три скульптуры. Однако их руки, отсеченные магической силой, упорно ползли к людям, а ноги продолжали шагать в их сторону; даже расчлененные тела пытались перекатываться, чтобы дотронуться до людей. Мелькнула еще одна вспышка, на этот раз со стороны Омигуса, «повелителя огня», и очередной противник отшатнулся назад, потеряв половину туловища. Но силы были неравные. Ледяные существа теснили живых к стене.

Холод разъедал Конану глаза. Киммерийцу казалось, что кровь его превратилась в зимнюю реку. Тысячи игл пронзали его пальцы, мозг; слюна замерзала на губах, пот превратился в иней.

Он упал на пол, продолжая размахивать факелом. Тела своего он уже не ощущал…

*** * ***

И тут дырка в голове позабытого всеми Толстяка превратилась в бездну, и демоны проникли в его мозг.

С диким хохотом несчастный работорговец выскочил из-за ледяного столба.

Вид его был ужасен: всклокоченные волосы, как змеи, опутывали голову, темный провал рта истекал мутной, тут же превращающейся в лед слюной, в глазах отражался мрак Ада…

Завопив: «Демоны! Демоны! Демоны!», он бросился с кулаками на «живой мороз».

Скульптуры, очевидно не ожидавшие этого, на миг замерли. Потом собрались в кружок вокруг него и нежно обняли Толстяка. Снизу вверх по его телу поползло сияние, окрашивая в белое плоть и одежду. Вот оказались обездвижены ноги, вот несчастный превратился в лед уже по пояс. Но из его груди по-прежнему несся жуткий, визгливый хохот.

Это была единственная и последняя возможность для спасения.

Конан с трудом поднялся на негнущихся ногах, подхватил Луару (ее одежда зашуршала под его пальцами, как солома) и, собрав все силы, поспешил к выходу.

Ловар, тоже сообразивший, что другого случая не представится, молча двигался рядом. Омигус, который так и не выпускал из объятий покалеченную Ки-шон, находился ближе всех к выходу, поэтому он оказался снаружи раньше остальных.

Когда все выбрались из пещеры на солнечный свет, крики Толстяка прекратились, точно ему

с размаху заткнули рот. На пороге Конан обернулся.

Толстяка не было. Вместо него на полу возвышалась еще одна ледяная скульптура, а ее создатели, вновь целые и невредимые, будто это не их тела только что терзали огонь циркача, магия колдуна и меч киммерийца, не спеша возвращались на прежние места… чтобы ждать прихода новых людей, с которыми, возможно, им больше повезет.

Луара спрятала лицо на груди Конана; плечи ее сотрясались от беззвучных рыданий.

— Как хоть его звали? — тихо спросил Омигус.

Киммериец пожал плечами: никто из них этого не знал…

Глава тринадцатая

Спустившись по склону, путники остановились: перед ними расстилалось море песка. Только что они находились во власти холода, и вдруг, словно кто-то распахнул дверцы гигантской топки, на них дохнуло волной живительного тепла.

— Стоп,— сказал Конан и без сил опустился на холодный камень,— Не знаю, почему снег не тает в такой жаре, да и узнавать не хочу. Хватит с меня загадок. Луара, набери снега как можно больше. Нам понадобится вода. Много воды. Чует мое сердце, эта пустыня нам тоже крови попортит. Омигус, займись Ки-шон. Промой и перевяжи ей рану. Как бы не было заражения. Ловар… В общем, спасибо, Ловар. Ты здорово помог нам с этим треклятым «морозом»… (Ловар с достоинством поклонился.) Подождем до ночи здесь. Когда солнце сядет, пойдем дальше. При такой жаре нам и двух лиг не одолеть…

* * *

Омигус и Луара осматривали покалеченную руку кхита-янки, мужественно переносившей свои страдания. Ледяная корка, оковывавшая культю, растаяла. И хотя рана еще чуть-чуть кровоточила, но, ко всеобщему удивлению, она почти затянулась; кожа вокруг раны не воспалилась и даже не покраснела.

Они не могли, да и не имели сил, найти объяснения ни этой, ни многим другим странностям.

Часов через пять, перекусив, отдохнув и набрав воды, путники двинулись дальше. Солнце уже коснулась желтого горизонта, над которым клубилось жаркое марево.

* * *

От проклятого песка не было спасения. Ноги утопали по колено. Каждый шаг отнимал силы и надежду хоть когда-нибудь увидеть что-то, кроме режущей глаза бескрайней желтизны барханов. Песок, поднятый встречным ветром, атаковал путников, проникал под одежду и налипал на потное тело, забирался в рот, нос и уши, несмотря на то что головы паломников были тщательно обмотаны белой материей и незакрытыми оставались лишь глаза, постоянно слезившиеся от попадающего в них песка.

Некуда было спрятаться и от солнца: слепящий, раскаленный, как сама песчаная равнина, диск на небе, казалось, стремился сжечь, изжарить, иссушить все живое, попавшее в эти пустынные земли.

«Если бы мы вошли в это адово пекло не ночью и не при безветрии… если бы, когда начался этот кошмар, еще можно было вернуться… то никто — ни Конан, ни Митра, ни Вседержители Печатей земных — не затащил бы меня сюда, на верную смерть… не заставил бы

окунуться в кромешный ужас из песка и солнца… Великие боги, я бы сейчас убил кого-нибудь за глоточек светлого охлажденного…» — бились беспокойно и неугомонно, как рыба в сетке, мысли в голове циркового мага Омигуса. И он верил, что поступил бы именно так, хотя ночью вместе со всеми, без колебаний и раздумий, пересек границу холода и жары, границу, за которой расстилалась безжизненная пустыня…

Но вхождение во владения песка не было тягостным: над спящими под звездным небом барханами висел неподвижный прохладный воздух, ни один настораживающий звук не тревожил слух, ноги ощущали легкое тепло, поднимавшееся от земли, и это ощущение, после жуткого холода снежных вершин, казалось самым сладостным, самым желанным, оно превосходило даже радость, испытанную им, когда смертоносные ловушки гор остались позади.

— Ночью надо пройти как можно больше,— сказал им у границы пустыни Конан.— Идти днем будет гораздо труднее.

Прошагать всю ночь напролет не получилось — часа через два усталость предыдущего дня лишила путников последних сил, и решено было пожертвовать остатками ночи для сна.

Когда солнце прошло уже полпути от горизонта к зениту, когда искатели Гиль-Дорад, проснувшись и перекусив, снова двинулись в путь, вдруг налетел сухой беспощадный ветер. Пустыня скинула ночное покрывало и открыла свое истинное лицо.

Никто из путников не смог бы сказать, сколько бушевала слепящая, удушающая буря. Казалось, вечность. И как долго они шли, преодолевая противодействие воздушной стихии, стремящейся отбросить их назад, сбить с ног. Казалось, бесконечность. И откуда взялись силы не упасть в изнеможении, выстоять под палящими лучами солнца-убийцы, не потерять друг друга в этом море беснующегося песка…

Ветер стих в одно мгновение, будто кто-то произнес заклинание. Путники попадали на землю.

— Воды… Пить…— шептали их опаленные губы.

— Понемногу. Воду надо беречь. По глотку.— Видно было, что и несгибаемый Конан порядком измотан отбушевавшим вихрем.

Нагревшаяся во флягах вода казалась сказочным даром, угощением богов. Она возвращала к жизни.

— Хватит, Омигус, довольно! — Только властный окрик киммерийца заставил циркового мага оторваться от горлышка фляги.

— Как мне все надоело! — захныкал артист.— Будь проклята твоя чертова Гиль-Дорад вместе с горами и пустынями. Пусть провалится в преисподнюю твоя волшеб… Что?

Это кхитаянка выкрикнула что-то резкое и непонятное.

— Помолчи… коллега,— прозвучал усталый голос Ловара.— Не позорься. Женщины — и те не стонут.

— А что ты мне указываешь? — попытался крикнуть Омигус» но от сухости в горле закашлялся.— Тебе-то что за дело?

— Я хочу дойти до Гиль-Дорад,— хрипло ответил колдун.— И собираюсь дойти…

Циркач пробурчал что-то себе под нос и отвернулся.

— Долго отдыхать не придется. Потом. Вечером. Когда будет не так жарко,— бесстрастно продолжал Ловар, будто забыв об Омигусе, и мельком глянул, где, в какой части небосвода пребывает светило, по которому они держали направление,— Как полагаешь, Конан?

— Согласен,— ответил тот, в который раз поражаясь выносливости колдуна. Отсутствие воды и тени истощило даже силы киммерийца.— Ты как, Луара?

Та попыталась улыбнуться в ответ.

* * *

Шли они медленно, но шли. И по пути не встречали никаких признаков жизни. Кроме песка — вообще ничего. И так до самого горизонта. Они просто двигались навстречу желанному вечеру, сулящему хоть какое-то отдохновение.

* * *

Конан, возглавлявший отряд путников, вдруг застыл на месте и резко вскинул правую руку, призывая идущих следом замереть. Мускулы на теле варвара напряглись, глаза тревожно обшаривали окружающие их пески.

Путешественники не двигались, но недоуменно переглядывались: что могло встревожить их предводителя, когда кругом лишь безжизненные барханы, перетекающие один в Другой, отчетливо просматривающиеся, придавленные жарой и тишиной?

— Движение,— вдруг прошептал Ловар, но так тихо, что даже сам себя не услышал.

Именно движение и почувствовал Конан, почувствовал где-то рядом, совсем близко от них. Но он не мог дать название тому, на что отреагировало его обостренное чутье, что пронзило его тело и мозг, предупреждая об опасности. И что не увидели глаза…

Омигус повернул голову к остановившемуся рядом Ловару, собираясь сообщить, что варвара, мол, хватил-таки солнечный удар, но слова застряли в горле, потому что взгляд его, скользнувший поверх плеча колдуна, наткнулся на это.

— Там! Глядите! — указывая рукой направление, истошно закричал он.

Все обернулись. Конан, поворачиваясь, успел выдернуть из ножен меч.

— Всесильный Митра! — вырвалось у Луары.

Над одним из ближайших барханов покачивался цветок.

Он поднимался все выше и выше, укрупняясь на глазах. И он был из песка. Песчаные струйки взбегали от земли вверх по желтоватому, колеблющемуся стеблю, утолщая его, и устремлялись к вершине, где образовывали лепестки, венчики, тычинки.

— Что еще за фокусы?..— возмущенно воскликнул Омигус.

— Боюсь, не фокусы,— пробормотал в ответ Ловар.

Вокруг невероятного цветка вдруг взметнулось множество песчаных фонтанчиков. Они двигались, окружали цветок и, наконец, слились с ним, образовав один большой, набирающий мощь фонтан. Путники ошеломленно смотрели на безмолвное, но гипнотизирующее и пугающее своей непонятной природой представление.

Внутри фонтана тем временем началось смерчеобразное верчение, и — за одно неуловимое мгновение, непонятно как — он приобрел новую, узнаваемую форму.

Шестипалая рука в тридцать локтей высотой, каждый палец которой был длиной в человеческий рост, зависла над пустыней, покачиваясь из стороны в сторону. Затем медленно поползла туда, где застыли пораженные паломники. Чудовищные пальцы шевелились, сгибались и разгибались.

— Драгиус матрах оландайя! — громко и грозно произнес Ловар, протянув навстречу песчаному порождению открытую ладонь в останавливающем жесте. Гигантская рука на миг

замерла, даже как бы отшатнулась, однако тут же опять возобновила движение.

Омигус не выдержал и, оглашая пустыню нечленораздельными воплями, понесся прочь от кошмарного создания. Бежать ему было трудно, ноги тонули в песке, он то и дело падал, но вскакивал и продолжал бег не оглядываясь.

Остальные пока лишь пятились, но и им, похоже, ничего не оставалось, как последовать примеру мага и уносить ноги прочь от проклятого места.

— А-а-а-а! — Жуткий крик за спинами отступающих людей заставил их молниеносно обернуться.

На пути Омигуса вырастала стена из песка. Высокая, плотная, необозримой толщины, она копировала форму крепостной стены, с зубцами по верхней кромке, бойницами и башенками. Вставая преградой перед улепетывающим циркачом, она разрасталась и вширь, окружая небольшой отряд непреодолимым препятствием. Несколько секунд — и кольцо сомкнулось.

— Ох! — Ноги Луары подкосились, она опустилась на колени и обхватила голову руками.

Омигус кинулся к покинутым им товарищам.

Отвратительная шестипалая рука надвигалась. Еще немного — и она накроет их.

Конан понимал, что перед ним — порождение черного колдовства и верный меч бессилен против движимого чьей-то злой волей песка. Лезвие будет проходить сквозь лишенное уязвимой плоти чудовище, бессмысленно тупиться, не принося ему вреда. Над ними нависла угроза быть заживо похороненными в песке. «Сколько барханов, по которым мы прошли, хранят кости таких вот бедолаг…» — промелькнуло в его голове.

— Колдун, что нам теперь делать?..— обратился он к Ловару, но тут вдруг заметил, что исполинская рука подобралась к ним совсем близко.— За мной! — крикнул он, подхватил Луару с земли и увлек остальных в сторону от песочного монстра, который тут же повернул за людьми, возобновляя преследование.

— Стены сжимаются! — истерично заверещал Омигус. Его губы и руки дрожали, в глазах, вылезших из орбит, билось сумасшествие. Маг вот-вот мог потерять рассудок от страха.

А стены действительно надвигались, сужая кольцо.

После произнесенного и не подействовавшего заклинания Ловар погрузился в оцепенение. То ли впал в транс, то ли сосредоточенно искал выход из передряги.

Конану еще раз пришлось обратиться к нему, сильно сжав при этом хрупкое плечо чародея, чтобы заставить его ответить.

— Варвар…— разлепил губы Ловар.— Против нас действует сила, мощь которой так велика, что… Мы можем погибнуть, варвар…

— И погибнем, если будем сидеть сложа руки! — рявкнул Конан.— Слушайте все! Сейчас мы обматываем лица платками и пробиваемся через эту чертову стену. Это всего-навсего песок, Кром вас забери! Песок!

Не теряя времени на уговоры, киммериец натянул на лицо материю, прикрывавшую его голову, дабы упрятать под ней от песка нос, рот, уши и глаза. Его примеру тут же последовала Ки-шон, достаточно ловко управляясь одной рукой. Затем Луара и Омигус. Ловар лишь скептически ухмыльнулся, глядя на жалкие потуги людей противостоять той огромной колдовской энергии, которую он почувствовал, мысленно попытавшись прикоснуться к неведомому источнику, наславшему на них песчаный ужас… Такое могло быть под силу лишь немногим из колдунов мироздания.

Все, исключая чародея, сплотились вокруг Конана и, взявшись за руки, двинулись навстречу стене. Ловар устало опустился на песок. Ведь ему доподлинно было известно, что противодействие магической мощи повлечет за собой, в лучшем случае, отторжение, а в худшем… страшно подумать… Любое его движение может вызвать вспышку активности

магических сил, последствия которой невозможно себе представить. Вероятно, меч совладает с нею. Меч, но не волшебство.

И он оставил всякие попытки сопротивляться неведомой силе.

Стена и люди сближались. Луара брела, крепко и надежно обхваченная левой рукой Конана (другая его рука держала вытянутый перед собой меч), вжавшись в тело любимого. Девичьи ладошки лежали на талии киммерийца, ощущая ее каменную твердость. Ки-шон шла по другую сторону от северянина, пригнувшись почти до земли. Омигус прятался за спиной варвара.

Песок надвигался. Еще несколько шагов, и люди узнают, так ли крепка на деле стена, как кажется.

И вдруг Луара поняла, что ей совсем не страшно, что ей совершенно все равно, что произойдет. Ибо сейчас, в это мгновение, она была счастлива — рядом с возлюбленным, под его защитой, почти слившись с ним воедино… И если ее с ним не разлучат, то остальное значения не имеет. Даже смерть.

Сквозь спасающие от песка, но делающие их незрячими платки они не видели жуткую стену, но ощущали падающую на них и все более сгущающуюся тень от нее и слышали нарастающее шуршание песчинок внутри этой громады.

Люди и песок сошлись.

Меч Конана вошел в толщу лжекрепостной стены, не встретив никакого сопротивления. Его рука прикоснулась к колышущейся поверхности преграды…

Играючи, но жестоко — так бросают щенков в воду, так забавляются великаны с карликами — могучая неосязаемая сила отбросила людей от стены к тому месту, где по-прежнему сидел понурив голову Ловар.

Если бы не песок, не обошлось бы без ушибов и переломов. Конан оказался на ногах, когда другие еще приходили в себя. При падении платок слетел с его головы… с мечом же он расстался бы, только лишившись руки.

Сразу — взгляд по сторонам. Ни шестипалого отростка, ни стены. Вместо них, и всего в десяти шагах от людей, окружая их плотным кольцом, нет, не горел — гореть он не Мог,— а почти беззвучно, с едва уловимым шелестом колыхался гигантский, рвущийся к небу песочный костер. Языки фальшивого пламени отплясывали дикий, торжествующий танец.

Конан метнулся к пытающейся встать Луаре.

— Ну как ты? Все в порядке?

Девушка кивнула.

Ки-шон тем временем помогала подняться Омигусу.

— Слышишь ты, мразь! — неистово выкрикнул варвар вращая над головой высоко поднятый меч. Глаза его были налиты бешенством.— Тебе не победить нас! Я тебя изничтожу! Клянусь Кромом!

В ответ лепестки песчаного костра взметнулись и сомкнулись над кучкой людей, образовав непроницаемый купол. Сверху на путников посыпался, набирая силу, песчаный «дождь».

Конан увидел безнадежность в обращенных на него взглядах и понял, что люди совсем упали духом.

— Вперед! — крикнул он.— Пробиваемся еще раз! За мной, сучьи дети!

— Бесполезно, варвар,— откликнулся Ловар.— Это не просто песок… Это песок, управляемый высшей силой…

Ладонь северянина сжала рукоять меча с такой силой, что будь она не из стали, то была бы смята в лепешку. Варвар едва удержался, чтобы не раскроить голову этому чертовому слабаку.

И вдруг в глазах Конана на миг потемнело. Он будто наяву услышал вкрадчивый голос, отодвинувший все прочие звуки этого мира: «Вода всегда сильнее песка…»

Свободным от безумствующего монстра оставался лишь небольшой пятачок, засыпаемый сверху тем же проклятым песком.

Киммериец вспомнил, чей голос только что звучал в его мозгу.

Он убрал меч в ножны, вытащил из дорожной сумки флягу с водой, выдернул пробку, налил на свою огромную, сложенную горстью ладонь драгоценной жидкости и плеснул ее на беснующийся в двух шагах песок.

Раздался звук, похожий на шипение углей, заливаемых водой, и на шкворчение жира на сковороде, и непроницаемая толща песка, казавшаяся непробиваемой, разверзлась в месте, где на нее попали капли влаги, и открылся сквозной проход, в конце которого люди увидели голубую ленту горизонта. Правда, всего на миг. Спасительное отверстие стало быстро, на глазах, затягиваться. Конан вновь заслонил горлышко фляги над ладонью.

— Поняли, что делать? Достать фляги. Вытащить затычки. Воду беречь! Но и не жалеть. Идем! Не отставать!

И варвар выбросил вперед руку, выплескивая воду из ладони. Песчаная масса вновь с шипением отпрянула и разошлась в стороны. Конан сделал шаг к образовавшемуся проходу, увлекая за собой остальных.

И в самом деле, вода оказалась сильнее песка. Она пробивала людям дорогу. Капли сберегаемой до этого, как бесценный клад, влаги прокладывали путь вперед, отбивали атаки песка с боков и сверху, песка, который снова и снова стремился перекрыть людям доступ воздуха и задушить, насыпав над ними могильный холм. Однако сбылись слова принцессы Ливии — таинственные силы пустыни никак не могли справиться с чудодейственной силой, заключенной в простой воде.

Но вот опустела фляга Луары, за ней — Конана и Омигуса. Вода у Ки-шон и Ловара тоже заканчивалась. Проход по-прежнему неумолимо сужался. Ки-шон передала свою емкость с остатками жидкости идущему впереди Конану, чтобы тот пробил последнюю препону перед выходом из адского песочного мешка. Оставалось сделать всего несколько шагов. Из фляги кхитаянки выкатилась последняя капля.

— И у меня все! Пусто,— раздался голос Ловара.

Теперь воды не было ни у кого.

Отверстие в толще пляшущего вокруг них песка снова затягивалось. Неотвратимо.

И тут с пронзительным криком Ки-шон зубами сорвала повязку с покалеченной руки. Следом за тем ее зубы впились в едва зажившую плоть…

И сразу же обильно хлынула ярко-красная кровь. И Песчаная стена окроплялась уже не водой, но кровью. Окроплялась еще и еще…

Песочный огонь отпрянул от людей так, будто алая жил кость из человеческого тела несла ему окончательную по! гибель. Конан, а за ним и все остальные бросились вперед в образовавшуюся брешь и вырвались на свободу.

В бессильной злобе беснующийся песочный костер кружил по пятачку, который только что покинули люди и от которого стремительно удалялись. Путники бежали, то и дело оглядываясь. Им трудно было поверить, что они все-таки спаслись.

*** * ***

Два часа они шли без остановки, на пределе человеческих возможностей. Наконец решили

сделать привал. Воды больше не было, но пока это не пугало путников. Счастье избавления от жуткой смерти наполнило их сердца ликованием. О воде они подумают потом, позже…

Глава четырнадцатая

Минуло два дня. Еду из сумок они даже не доставали. Есть всухомятку было невозможно. Да и голода не ощущалось. Голод забивала жажда. Ужасная, сжигающая все внутри жажда.

Они шли днем. Полночи тоже шли, полночи спали. Так же нестерпимо, как пить, им хотелось увидеть что-нибудь еще, кроме ненавистной желтой равнины. Где же конец их мукам?

Они почти не разговаривали друг с другом. Молчал даже Омигус. После спасения от песчаной смерти с ним произошла странная перемена. Он перестал жаловаться, стенать, хныкать, настаивать на частых привалах. Сжав зубы, безмолвно и упорно шел из последних сил, не отставая от спутников. Во время отдыха лежал, погрузившись в глубокие раздумья.

Однажды на одном из привалов Омигус почувствовал чье-то прикосновение. К нему подсела кхитаянка. Она улыбалась, глядя на него, и гладила его по голове. Он улыбнулся в ответ, взял в свои руки девичью ладошку. И — слеза покатилась по морщинистому лицу немолодого циркача. — Знаешь,— прошептал он,— я всегда хотел иметь жену, дом, детей. Но всю жизнь скитаюсь по чужим городам… И никто… никогда… Эх, жаль, что ты не понимаешь…

Кхитаянка поняла его. Наклонившись, она прикоснулась губами к его губам.

После этого они держались вместе. Шли рядом, взявшись за руки. Он говорил ей что-то на своем языке, она –. на своем. И им казалось, они прекрасно понимают друг друга…

* * *

Если б были силы бежать, они бы бежали. Но — хоть и зажглись их потухающие взоры, хоть восприяли они духом и пригибающий к земле гнет безнадежности свалился с их плеч — усталость давала себя знать. На бег их не хватало, как ни хотелось им припустить со всех ног и в мгновение ока оказаться у той сперва просто точки на горизонте, а затем ясно видимой группы деревьев. Трех-четырех пальм, которые могли расти посреди пустыни лишь в одном случае. Если там пробивалась сквозь песчаные наслоения вода. Вода…

Вода и только вода стояла сейчас перед глазами старающихся как можно быстрее переставлять ноги людей. Холодная, журчащая, убивающая пожар в горле и во всем теле. Спасающая… Пусть будет теплая, отвратительная на вкус, но — вода…

Оазис! Да, он! В этом уже не оставалось сомнений. Тень и вода. Прохлада и жизнь. О боги, как медленно он приближается!..

Оказавшийся первым у желанной цели Конан, на бегу доставший флягу, замер, так и не ступив под сень четырех невысоких пальм. Остальные поравнялись с ним и — тоже застыли. Под деревьями, обложенный белыми камушками, бил родник. Накопившаяся в этом бассейнчике вода была кристально прозрачна. А около источника лежало множество человеческих скелетов, и некоторые из них уже рассыпались в пыль.

Внезапное открытие остановило людей. Но вода продолжала манить. Луара сделала шаг к роднику.

— Стой! — Властный окрик Ловара пригвоздил девушку к месту и заставил повернуться к нему.— Скелеты. И… Здесь вообще нечисто… я чувствую. Этой воды нельзя касаться.

— Я не могу больше! — истерично завопила Луара.— Я пять хочу!

И ринулась к ключу.

— Варвар,— быстро проговорил Ловар,— останови ее. Иначе дальше мы пойдем вчетвером.

Киммериец колебался — уж больно притягательно выглядел безмятежно журчащий родник, — но всего секунду. «Остерегайся живительной влаги, ибо она сожжет тебя, как огонь»,— говорила Ливия…

— Не сметь, дура! — Его страшный голос остановил девушку на полпути к источнику. Девушка испуганно сжалась, и слова, готовые сорваться с ее губ, застряли у нее в горле.— Потерпи немного,— добавил северянин уже спокойнее,— давай сперва разберемся.— Он повернулся к Ловару.— Как понимать твои слова, колдун?

— Не могу объяснить,— медленно сказал тот, пристально вглядываясь в воду.— Но чувствую… Я уже говорил, что против нас действуют могущественные силы зла; они препятствуют моим способностям… Но все же я попробую доказать свою правоту. Уйдите все. Подальше…— Он с трудом шевелил пересохшими губами.

Спутники повиновались. Они отошли шагов на десять от деревьев, оставив Ловара одного у странного источника.

—Пожалуй, он прав,— задумчиво пробормотал Конан.— Рядом с водой люди просто так не умирают…

Ловар вытащил из одежд маленький, чуть больше ладони, кинжал. Уколол палец. Дал крови натечь на лезвие. Он сидел вполоборота к людям, с надеждой смотрящим на него.

Выло видно, как губы его что-то шепчут. Ловар занес Я родником кинжал, наклонил. Ярко-алые капли покатились вниз, упали в воду.

Густой желтоватый пар взметнулся над источником, укутал мага. Конан бросился на помощь, но не добежал до ключа — навстречу, из ставших темно-коричневыми клубов пошатываясь, с кинжалом в опущенной руке вышел Ловар.

— Яд…— выдавил чародей, и ноги его подкосились.

*** * ***

Омигус, Луара, Ки-шон и пришедший в себя Ловар наблюдали, как киммериец — неистово, выкрикивая злобны проклятия, с неведомо откуда появившейся силой — разбросал камни родника, выхватил меч и взялся за порожденные чьей-то злой волей деревья, выросшие на ядовитой почве и питающиеся отравленной водой. Из срубленных стволов вытекала зеленая желеобразная жижа с резкой вонью, напоминающей запах разложившегося трупа. Стволы и сучья, падая на землю, тут же иссыхали и сворачивались, как горящая кора.

Наконец оазис-убийца был уничтожен. Конан вернулся к своему маленькому отряду.

— Спасибо, колдун,— просто сказал он и хлопнул Ловара по плечу: более откровенно варвар не умел, да и стеснялся выражать свою благодарность.— Ты спас нам жизнь… Надо идти,— обратился киммериец к людям, которые идти были уже не в состоянии…

*** * ***

Ни о каком посменном карауле не могло быть и речи. Измотанные, умирающие от жажды, они вповалку спали на песке. Ночи давали передышку от солнца и от проклятой желтизны, хотя обычно выдавались холодными, и земля сильно остывала к ненавистному рассвету…

*** * ***

— Гиль-Дорад! Гиль-Дорад! — разбудили северянина радостные крики и смех, сопровождаемые поцелуями. Кто-то тряс его за плечо. Разомкнув веки, он разинул от изумления рот и решил: «Сон».

— Господин Конан! К нам! — звенел веселый голос Омигуса; ему вторил смех кхитаянки.

— Конан, милый, мы нашли Гиль-Дорад! Она существует на самом деле! Смотри, как здорово! — Сидевшая рядом на корточках Луара обнимала приподнимающегося на локтях киммерийца за шею и целовала в щеку.— Вода, милый, сколько хочешь воды! Никакой не яд, вкуснятина!

Конан увидел вокруг себя город. Площадь с мраморным круглым бассейном; в бассейне прямо в одежде плещутся Омигус и Ки-шон. Убегающие от площади улицы. Белые глиняные дома с плоскими крышами, с разбитыми возле них тенистыми садами. Сочные плоды свисают с ветвей. Вдали возвышается нечто наподобие дворца. Совсем близко от дворца — внушительных размеров беседка с витыми колоннами, поддерживающими крышу, маленьким фонтанчиком внутри, столом, уставленным кувшинами, блюдами с яствами… Она так и манит… Но нигде не видно горожан. И киммериец понял, что пора ущипнуть себя. И ущипнул.

— Это правда, это все взаправду! Мы нашли Гиль-Дорад! — смеялась рядом Луара.— Я тоже щипала себя… Дергала за волосы… Боги, какое счастье! Конан вскочил на ноги.

— Воду пили?

— Конечно! Я решилась, хотя и страшно было. Это не отрава! Вода! Хочешь, хоть весь бассейн выпей. Хочешь — в беседке вино. Еще еда, фрукты, сладости.

Счастливая Луара схватила гиганта за руку и потащила к беседке. Обалдевший Конан послушно взошел по ступенькам, сел на одну из подушек, разбросанных вокруг стола, и взял протянутый девушкой серебряный кубок с вином, которое та налила из бронзового кувшина с тонким горлышком.

— А где Ловар? — спросил варвар, все-таки не решаясь выпить.

— Спит. Вон там, видишь? Мы его будили. Никак не просыпается. Храпит, мычит что-то. Умаялся. Мы и тебя-то не сразу растолкали.

«Так, надо привести мысли в порядок.— Конан отрешился от возбужденно-радостного девичьего щебетания и попытался сосредоточиться.— Воду они пили. И живы. Так что будем считать, это не сон. Но как мы могли попасть в Гиль-Дорад? Ведь, по рассказам, до нее идти и идти. Правда, рассказы рассказами… Но ведь Ливия предупреждала о чем-то еще… Не помню. И откуда здесь взялось это великолепие? И где все люди? Дьявольщина какая-то…»

— Вы видели кого-нибудь? Людей или… что-то такое? — Он сделал неопределенный жест.

— Нет. Никого. А разве им обязательно быть? Может, в Гиль-Дорад каждому вошедшему дарят по городу. Да разве может быть по-другому?!

— Не знаю… Погоди-ка.

Северянин отставил нетронутый бокал, сбежал по ступеням беседки, подошел к лежащему

на спине Ловару. Склонился над ним.

Мерное дыхание. Жив. Действительно, спит.

Конан взял мага на руки и понес к беседке. Положил на подушки.

— Дай воды. Вода есть в этих кувшинах?

— Есть.— Луара протянула ему кувшин.

Киммериец принялся лить воду на голову спящему.

Никакой реакции.

— Крепко уснул наш скиталец.— Конан попробовал хорошенько потрясти чародея.

В ответ тот что-то мычал и стонал, но в себя не приходил. Варвар похлопал его по щекам. Не помогло.

— Это ж как уснуть надо! — в сердцах сплюнул Конан.

К беседке шли, держась за руки, кхитаянка и циркач; последний крепко сжимал в свободной руке горлышко кувшина.

— Ты великий человек, Конан! — заорал Омигус, к которому, похоже, опять вернулась жизнерадостность.— Я готов поделиться с тобой даже самыми страшными секретами, к коим допущены лишь избранные из избранных во всем мироздании. Скажем, как добыть огонь из пальца…

— Ты лучше попробуй с помощью своего магического искусства растормошить Ловара,— усмехнулся Конан. Ему смертельно хотелось пить… Ему хотелось упасть на подушки в тени… но он не мог позволить себе быть таким легкомысленным.

— Пробовал,— Омигус и Ки-шон поднялись по ступеням и уселись на подушках.— Магия тут бессильна. Крайне тяжелый случай.

Конан возобновил попытки разбудить их странного спутника.

— А чего ты стараешься? — Омигус отхлебнул — и судя по всему уже не в первый раз — прямо из горлышка.— Проснется сам когда-нибудь… Чтоб меня демоны съели, отменное вино!

— А Конан вот боится пить. Даже воду. Поэтому и хочет добудиться Ловара,— улыбнулась Луара.

— Да мы выпили столько, что будь оно отравлено, то давно бы уже объяснялись с богами! И как это у тебя выдержки хватает?

Ки-шон, нахмурившись, внимательно наблюдала за бесплодными стараниями киммерийца. Потом она поднялась с подушки и жестом показала, что хочет попытать счастья. Конан пожал плечами, отодвинулся.

Кхитаянка села на колени рядом с Ловаром, бережно прижимая покалеченную руку к груди. Большим и указательным пальцами здоровой руки зажала мочку левого уха спящего и принялась растирать ее, то усиливая, то ослабевая нажим. Потом положила ладонь на ушную раковину и стала производить круговые движения. Потом принялась за другое ухо. Потом растерла виски. И вот маленькие проворные пальцы скользнули в волосы Ловара, прошлись, совершая втирательные движения и задерживаясь на каких-то определенных точках, от макушки до затылка. При этом девушка отрывисто, как заклинания, произносила странные слова: «тай-ян», «хэ-гу», «юй-яо».

Конан подумал, что, пожалуй, никуда ему не деться от колдунов, чародеев и волшебников…

Довольно долго пришлось «колдовать» Ки-шон над головой волшебника. Но усилия не пропали даром — тот открыл глаза. Тотчас кхитаянка нагнулась и припала своим ртом ко рту просыпающегося Ловара, отдавая ему свое дыхание. Наконец их загадочный спутник окончательно пришел в себя.

— Голова болит,— хрипло пожаловался он.— С мыслями трудно собраться… Где мы?

— В одной пивнушке за углом мне шепнули, что это Гиль-Дорад,— серьезно ответил

киммериец.

— Гиль-Дорад? Это — Гиль-Дорад?! — Колдун резко сел, в изумлении огляделся… и вдруг рассмеялся; оказывается, он умел смеяться.— Великие боги, неужели мы дошли? Неужели получилось?! Гиль-Дорад!.. Что ж, тогда остался последний шаг…

— Лучше проверь воду, как ты это делал раньше,— спокойно попросил Конан.— Хоть в чем-то одном разберемся.

Колдун вдруг замолчал, будто ему с размаху заткнули рот, и внимательно посмотрел в глаза киммерийцу.

— Ты умен, варвар. Прости, я не смог сдержать радости. Конечно, надо удостовериться, что… Ладно. Выйдите из беседки.

Вновь появился миниатюрный кинжал. Укол пальца, заклинание. Капли крови падают в бокал с вином, из которого так и не выпил Конан…

И ничего не произошло — если не считать того, что капли, пройдя сквозь дно бокала и стол, долетели до пола беседки и исчезли в нем.

Брови чародея удивленно поползли вверх. Он задумчиво почесал переносицу, нахмурился… и неожиданно зашелся в припадке истерического, сухого, похожего на кашель хохота, ничуть не напоминающего смех радости, что доносился из его уст минуту назад.

— Что там? Вино? Яд? — допытывался Конан.

— Вино? Яд?! — с трудом сквозь смех переспросил чародей.— Ой, не могу… Яд! Вино!

— Он спятил. От счастья,— констатировал Омигус.

Варвар не стал дожидаться конца припадка. И, подойдя, влепил Ловару пощечину. Помогло: тот сразу успокоился.

— Говори давай.

Чародей отдышался и уже спокойным голосом произнес:

— Прости меня за этот срыв, варвар… Просто я думал, что цель уже столь близка… В общем, так. Я читал в древних свитках, слышал, что такое возможно. Но подобное могущество встречалось лишь в давно прошедшие, великие времена. Вот уж не думал, что на свете по-прежнему существует сила, способная сотворить такое. Какая энергия! Какая мощь! Она может подарить ее повелителю мировое господство, власть над всем сущим…

— Что ты мелешь? — Конан с беспокойством заглянул в зажегшиеся сумасшедшим блеском глаза чародея.— Ты в себе? Ты можешь сказать, яд это или вино?

— Яд? Вино? Это ничего, варвар, ничего. Не знаю, поймешь ли ты и поймете ли вы все… Это пустота, воздух, мираж. Ясно? Этого ничего нет. Ни воды, ни беседки, ни города.

— Ну точно спятил! — воскликнул Омигус.

— Ты, жалкий актеришка, клоун! — В циркового мага впился полный презрения взгляд.— Занимайся своими фокусами, твое понимание дальше них не идет!

— А обо мне что скажешь? — без улыбки поинтересовался киммериец.

— Мы, варвар, связались с силой, против которой людям не устоять,— столь же гневно ответствовал чародей.— Человек против нее как сухой лист против ветра. Сила, которая по одной своей прихоти создает целый город из ничего, город, ничем не являющийся. Все, что вы вокруг видите, внушается вам извне. Этого бокала нет — вам кажется, что он есть. Этого вина тоже нет — вам внушают, что оно есть. Вы не пьете — вам кажется, что пьете. Не утоляете жажду и голод — вам кажется, что утоляете. И все должно кончиться тем, что вы умрете — в счастливом заблуждении. Уснете — и не хватит сил проснуться… Что ж, не самая плохая смерть! Так люди, выпив отвар черного лотоса, погружаются в мир прекрасных грез и не возвращаются оттуда, умирая со счастливой улыбкой на лице.

Повисла гнетущая тишина; все молчали, потрясенные словами чародея.

— Неправда,— наконец тихо сказала Луара.— Мы же не спим.

— Не спите. Но ничего вокруг на самом деле нет. На самом деле мы все еще в пустыне, среди барханов.

— Но мы же пьем, отдыхаем в тени, трогаем предметы, сидим на мягких подушках… Как так получается?

— Женщина, я не могу объяснить тебе как. Поверь, человек в руках этой Силы — игрушка, с которой она может сделать все, что хочет.

— Нам верить тебе на слово, колдун? — Конан стал зол и угрюм.

«Не доверяй тому, чего нет…»

— Я знаю, варвар, ты мне не веришь, хоть я и неоднократно… Ладно, не будем мелочиться. Я подумаю, как убедить вас. Как доказать. Подождите, посидите минутку тихо.— Ловар закрыл глаза и погрузился в раздумья.

Остальным ничего не оставалось, как только выжидать. Тем более что каждому было над чем поразмыслить.

Действительно, несмотря на то что без помощи Ловара они вряд ли добрались бы до этих мест, Конан по-прежнему не мог довериться ему полностью…

— Варвар,— чародей открыл глаза,— в тебе живет сильный дух. Ты сумеешь сделать то, что я скажу. Подойди, скажем, к колонне. Рукой или мечом ударь по ней со всей силы. Но прежде убеди себя, что ее нет. Поверь в это хотя бы на миг. Поверь, что твоя рука или меч не встретят сопротивления, пальцы не почувствуют боль от удара. Уверуй хотя бы на мгновение, что я сказал правду и вокруг один воздух. И, как вспыхнет в тебе эта вера, наноси удар. Но только тогда. И так убедишься…

— А ты сам? Не можешь?

— Я…— Ловар печально усмехнулся. Конан задал самый правильный вопрос, и он не мог ему соврать.— Моя воля в параличе. Поэтому я долго не мог проснуться. И не проснулся бы. Спасибо Ки-шон, знакомой с целительным искусством своей далекой родины, которое поистине сродни колдовству. Действующие на нас чары убийственнее всего для меня, чародея. Если сейчас я что-либо противопоставлю Силе, то сразу погружусь в забытье. Возможно, навечно.

— Опять это колдовское дерьмо! Когда умрет последний колдун, это будет самый счастливый день в моей жизни!..— взорвался Конан.— Ладно. Сделаю, как говоришь.

— Только не наноси удара без веры. Только когда увидишь перед собой — повторяю, хоть на полмига! — пустоту. Только тогда…

Киммериец поднялся с подушек, вытащил меч. Провел по лезвию пальцем. Подошел к колонне. Отвел меч назад. Замер. Спутники наблюдали за ним, боясь даже вздохнуть. Конан зажмурился. Открыл глаза. Черты лица его будто заострились. Затуманились небесного цвета глаза. Что он сейчас видел перед собой?

Конан был неподвижен, как изваяние. Изваяние полубога, готовящегося нанести удар.

Но вот в воздухе сверкнул металл. И меч оказался по ту сторону оставшейся невредимой колонны.

— Уф-ф…— Ловар обмяк и устало откинулся назад.— Ты все-таки сумел…

Варвар удивленно осматривал меч и колонну.

— Силы небесные! Кром! Обман!

Меч Конана снова взлетел вверх и обрушился на стол, но прошел сквозь него так же, как сквозь колонну, затем просвистел совсем низко над столом, но блюда и кувшины даже не звякнули. Луара заплакала в голос. Омигус подавленно молчал, Ки-шон сидела, прижавшись к нему, устремив незрячий взгляд в никуда.

— Придется уходить отсюда,— спокойно, будто ничего не случилось, продолжал Ловар.—

Хоть и тяжело. Но ты знаешь, варвар, я бы посоветовал тебе попить этой водички. Да и сам напьюсь. Пусть лучше обманное утоление жажды, чем никакого. На какое-то время это принесет успокоение. Хоть и фальшивое….

— Что ж, тогда я охотнее выпью фальшивого вина, колдун… Скажи, кто создал все это, кто управляет, как ты говоришь, Силой?

— Не знаю, варвар. Если б знал…

*** * ***

Когда они, пройдя по пустым улицам, мимо домов, дворцов и храмов, мимо садов и фонтанов, вышли за открытые настежь ворота и, удалившись шагов на сто, оглянулись, то увидели, как, дрожа, тают в воздухе очертания городских стен, пропадают башни, делаются прозрачными и растворяются в колеблющемся мареве шпили и крыши. И скоро города-призрака не стало.

Глава пятнадцатая

Они все шли и шли. Конан нес Луару на руках. Пройдя шагов пятьсот, он бессильно опускался на песок. Ждал, пока их догонят Омигус и Ки-шон, помогающие друг другу, и то и дело падающий, но снова поднимающийся на ноги Ловар. Время перестало существовать.

Оставалось лишь ощущение последних выбираемых остатков жизни. Перед слепнущими глазами плыли желтые и красные круги. Рот и горло раздирала такая сухость, что даже было больно дышать. А главное, убывало желание сопротивляться, бороться за жизнь…

Темно-зеленая полоса вошла в их желто-красный кошмар, и они не сразу поняли, что она означает. А когда поняли, то не сразу поверили, что это не новое наваждение, подстерегающее их. А когда добрались, уже почти ползком, и припали, тогда только и осознали: ужасы пустыни остались позади.

* * *

Ибо пустыня обрывалась болотом, тянущимся в обе стороны насколько хватало глаз. За ним, лигах в двух, за грядой невысоких холмов угадывалась морская синева.

Пресная болотная жижа, несмотря на запах гнили и зеленоватый цвет, была для них вкуснее всех вин на свете. Омовение ею казалось несравненно блаженнее купания в мраморных бассейнах или горных реках. Жизнь возвращалась в их тела, а вера и надежда — в их души.

Захотелось есть. Выпотрошив сумки, путешественники обнаружили засохшие остатки мяса. Собрались в кружок, ели, размачивая пищу в воде. Еды едва хватило, чтобы притупить проснувшийся голод.

— Что дальше? — спросил Ловар у Конана.

— Непроходимых болот нет,— ответил киммериец.— Но сперва вволю отдохнем.

* * *

Они шли вдоль болота, растянувшись цепочкой, в поисках подходящего для перехода места, где полоса, разделяющая море и пустыню, была бы поуже.

День клонился к вечеру.

— Подождите! — вдруг призвал путников Ловар.

Те выжидающе повернули головы.

— Мне кажется,— сказал чародей,— в этом месте действие Силы немного слабее. Силу я чувствую постоянно. Сейчас вроде бы давление стало меньше.

— Вроде бы? — недоверчиво переспросил Конан.

— Мне надо сосредоточиться. Если все действительно так, как я говорю, то переходить болото надо здесь.

— Ну, сосредоточивайся. Ки-шон, Луара, Омигус, отдыхайте.

Ловар отошел в сторонку, сел на колени, обратившись лицом к морю. Ки-шон бродила по краю болота, отыскивая какую-то траву. Луара легла рядом с Конаном, положив голову ему на плечо. Омигус сидел, положив подбородок на скрещенные руки.

— Ты веришь, что мы все же найдем Гиль-Дорад? — спросила Луара.

— Обязательно найдем…

Подошла кхитаянка, выложила перед Луарой, Конаном и Омигусом собранную траву. Взяла в руку одно растение с длинным толстым стеблем и дланевидными листьями. Зубами оторвав лист, принялась жевать его. Перевязанная чистой материей культя беспомощно висела.

— Еда,— произнесла она.

— Ей знакома эта трава,— понял Омигус.— Наверное, у нее на родине растет такая — они ее едят. Конан, ты не боишься отравиться?

— Боюсь, циркач…

— Но уж больно есть хочется, да?

— Именно.

Конан протянул руку к траве. Листья оказались горькими и едкими, но голод перебили.

— Болото мы должны переходить здесь.— Над ними возвышалась мрачная фигура чародея.— Я вышел в магический астрал… Впрочем, вам не понять. В этом месте влияние противодействующей нам Силы несколько ослаблено. Она почти пропадает, образуя нечто вроде коридора. А по сторонам снова возрастает. Пересекать болото надо здесь.

— Завтра я приму решение,— помолчав, сообщил Конан.— А пока заночуем здесь.

Страх перед этой темной, поросшей травой жижей был велик: в болотных глубинах могло затаиться невесть что. Да и сами глубины, насколько они велики? Но как бы то ни было, надо идти в проклятые болота…

*** * ***

Очевидно, давным-давно море отступило вглубь, и оголившаяся, пропитанная влагой почва превратилась в зеленовато-коричневую кашу.

Болото оказалось неглубоким, как и полагал Конан — ведь до моря было рукой подать,— однако каждый шаг Давался путникам с превеликим трудом. Проваливаясь по пояс в зловонную жижу, они медленно, но упорно продвигались к ослепительно синей и такой манящей полоске моря. Полужидкая чавкающая масса упорно пыталась не пустить их, держала за ноги, стаскивала сапоги. Тучи мелких, отвратительно жужжащих насекомых кружили над ними, норовили залезть в глаза, в ноздри, в рот… и не было от них спасения, сколько люди ни размахивали руками, тщетно отгоняя назойливую мелкоту.

— Тут, должно быть, пиявок полно,— брезгливо проговорил цирковой маг, заметив, как, потревоженная людским вторжением, в чахлую траву, покрывающую редкие кочки стремительно уползает змейка.

— Спасибо, Омигус,— с отвращением откликнулась Луара.— Ты всегда найдешь, как поддержать друзей!

— Ничего-ничего,— попытался успокоить ее Конан.— Осталось совсем немного. Через часик будем у моря… искупаемся…

И, словно разбуженная неосторожными словами циркача, появилась пиявка — но вовсе не

такая, какую они предполагали увидеть.

В пятидесяти шагах от них болотная жижа вдруг всколыхнулась — так закипает вода в гигантском котле, затем разошлась в стороны, словно раздвигаемая руками великана, и из образовавшейся бреши с оглушительным чмоканьем вылетело оно — исполинских размеров, серо-зеленое лоснящееся создание, шагов двадцать длиной, толщиной в два обхвата.

Ни конечностей, ни головы, ни глаз, ни носа у него было — просто уродливая, изломанная в трех суставах колбаса, увенчанная круглой розовой склизкой пастью с тремя частоколами мелких, но очень острых зубов. И пасть эта жадно открывалась и закрывалась.

Бьется ли в чудище жизнь, стало ясно, когда оно сделало глубокий, явственно слышимый вдох и из его прожорливой пасти вырвалась мощная струя смрадного воздуха.

Бестия покачивалась над ними и, казалось, выбирала, с кого начать завтрак. Над болотом поднялся доселе невидимый хрящеватый хвост с шипом на конце. Блестели на солнце зубы-иглы.

— Бежим! — крикнул киммериец.— Обратно к пустыне! Разбегайтесь в стороны!..

Но было поздно.

Вытянув себя из болота на всю свою длину, тварь метнулась вперед и с шумом, подняв тучу брызг, шлепнулась в грязь. Людей спасло только чудо — она промахнулась на несколько локтей. На убегающих путников обрушился дождь грязи. Однако чудовище тут же поднялось и вновь бросилось в атаку. Предательская жижа сковывала движение, каждый шаг давался ценой неимоверных усилий.

— Давай, колдуй! Где же твоя магия?! — крикнул на ходу Конан.

— Это опять… та сила… варвар… Огромная мощь…— ответил уже вконец запыхавшийся чародей.

— Быстрее! Шевелитесь! В пустыню! Там она нас не достанет! — Киммериец остановился, вытаскивая из ножен меч. «Жаль, наточить не успел»,— подумал он и двинулся навстречу скользкой уродине.

Конан прикинул длину прыжка этой дряни и, когда та оказалась от него в одном броске, резко отпрыгнул.

Тварь пролетела мимо, но — этого Конан не предвидел — выбросила в его сторону хрящеватый шипастый хвост.

Северянин стоял не очень удачно, и единственное, что смог сделать, это отбить летящий в грудь, похожий на коготь хищной птицы шип, но избежать удара хвоста он все же не сумел.

Варвара отбросило в отвратительную жижу. До крови ободрало кожу. Он попытался вскочить на ноги… однако твердой почвы под собой не обнаружил. Он угодил в яму, до краев наполненную грязью, и его неудержимо тянуло вниз, ко дну. Конан бессильно застонал, положил меч поперек краев ямы и попытался вытянуть себя из ловушки. Ничего не получилось: болото не намеревалось выпускать человека из своих объятий. Вот зеленая жижа уже скрыла его по грудь, вот достигла горла, подобралась к носу…

Болотная тварь не напала на него, а продолжила преследование оставленных Конаном людей.

Почти никто из них не заметил, что их предводитель попал в западню.

*** * ***

Никто не заметил, что отстал и Омигус. Вернее, он остановился. Повернулся лицом к надвигающейся твари. Рванул с плеча сумку.

Во все стороны полетели всевозможные вещи, ее наполнявшие. Наконец фальшивый маг нашел, что искал — небольшой поцарапанный пузырек, заткнутый деревянной пробкой, и выцветший мешочек. Он боялся, что пробка глубоко засела в горлышке и он провозится с ней непозволительно долго, или же что пробка окажется с изъяном, а внутрь мешка попала влага… Но боги, которым он когда-то поклонялся, в этот день и час, как видно, снизошли к своему запутавшемуся чаду. Затычка без труда выскочила из пузырька, а порошок в мешочке сохранил свой резкий сладковатый запах, что говорило о его полной пригодности. Теперь достаточно лишь насыпать его в пузырек, добавить немного воды, любой, пусть даже грязной, и — дело сделано.

До этого момента Омигус не отрывал глаз от флакончика — боялся испугаться жуткой твари. Но не выдержал, поднял голову. Огромная, заслоняющая полнеба громада была шагах в пятнадцати от него.

«Эх, сейчас бы глоточек холодного осветленного»,— подумал он. Руки его предательски дрожали, перехватило дыхание… Пронзительный крик кхитаянки «Оми! Оми!» остановил Луару и Ки-шон. Оглянувшись, они увидели мага и налетающую на него пиявку. Циркача поглотила гигантская пасть.

— А-а-а! — вырвалось из груди Ки-шон, и, доселе почти невозмутимая, кхитаянка без чувств упала в грязь.

*** * ***

Конан тоже увидел, как чудовище догнало Омигуса, но ничего не мог поделать. Выругавшись вполголоса, он яростно завозился в оковах трясины, но стало только хуже: густая, с отвратительным запахом гуща накрыла его с головой.

*** * ***

Порошок просыпался мимо, но и внутрь какая-то его часть все же попала. «Хватит, должно быть»,— как заклинание пробормотал Омигус. Он зачерпнул пригоршню мутной водицы и вдруг почувствовал, как все вокруг потемнело. Его подхватило с земли, он обо что-то ударился, над головой пронеслись какие-то желтоватые зубья. Рука с водой сама по себе накрыла горлышко пузырька. «Успел,— мелькнуло у него в голове, когда он услышал знакомое шипение: во флакончике пробуждалась адская смесь. Теперь он мог умереть спокойно.— Жаль, что я так не добрался до тамошних кабачков… Пропустите, ребята, по стаканчику за мое здоровье в Гиль…» И тьма поглотила его.

*** * ***

Почувствовав, как некая могущественная сила ухватила его за ворот и резко рванула вверх, Конан решил было, что это Кром пришел за ним, дабы отвести в свою Долину Теней — в царство мертвых. Таинственная сила тянула и тянула его, и вот наконец Конан, жадно хватая ртом воздух, вылетел на поверхность и навзничь рухнул в жухлую траву.

С ног до головы перепачканный зеленой болотной жижей, со всклокоченными волосами, но довольно улыбающийся, над ним стоял чародей Ловар.

— Смотри-ка, варвар,— радостно сообщил он.— Я во второй раз буквально за волосы вытаскиваю тебя из лап смерти!

* * *

То, что произошло, заставило людей содрогнуться от омерзения. Заглотившая Омигуса тварь разинула пасть, изготовившись к очередному прыжку, но так и застыла. Из отверстия, утыканного сверкающими кинжалообразными зубами, повалил дым. Звук, похожий на писк щенка, Которому сжали пальцами горло, но усиленный тысячекратно, вынудил всех заткнуть уши. Чудовище задрожало, его телу пошли волдыри. Потом они лопнули, и в спине бестии образовалась огромная дыра, из которой ударил столб огня.

Пламя пожирало тварь теперь не только изнутри, но и снаружи. Тошнотворный запах, перекрывающий даже зловоние болот, ударил в ноздри. Луару вырвало, а пришедшая в себя Кишон чуть было вновь не потеряла сознание.

Вскоре все было кончено. Болотного монстра не стало. Он сгорел.

Конан и Ловар добрались до девушек.

Никем не замеченная ухмылка исказила на секунду лицо чародея.

— Циркачу и впрямь удавались фокусы с огнем,— пробурчал он себе под нос.

Но северянин услышал. Резко развернулся, сгреб Ловара за грудки, притянул к себе:

— А почему тебе, колдунишка, ничего не удается? Может, ты в сговоре с кем-то, кто насылает на нас всякую дрянь? Отвечай, сын шлюхи, или я удавлю тебя!..

Северянина охватил гнев. Чтобы вышибить дух из чародея, хватит всего одного удара, и Конан с трудом сдерживался, чтобы не стукнуть его. Однако волшебник без испуга и волнения, даже чуть насмешливо смотрел киммерийцу в глаза.

— Конечно, варвар. Конечно, я в сговоре с теми силами, что препятствуют нам. И конечно, не я вытаскивал тебя и девушку из пропасти, не я бок о бок с вами дрался с «живым морозом», не я только что в очередной раз спас тебе жизнь. Поэтому можешь смело удавить меня, а потом со спокойной душой отправляться дальше. Давай же, варвар, будь мужественным! Убей злого чародея!..

Конан, подумав, нехотя разжал ладонь. Ловар оправил на себе одежду и столь же невозмутимо продолжал:

— И все же я отвечу тебе. Я — маг. Я могу многое, но не все. Например, я не могу противостоять силе, в сотни раз превышающей мою. И чем ближе мы к источнику этой силы, тем беспомощнее я перед ней. Хуже того. Если я попытаюсь противодействовать Силе и ее порождениям на магическом уровне, то мои чары, я знаю, обернутся против меня же самого. И против вас.

— Да будьте вы прокляты, мерзкие колдовские отродья! — с горечью прокричал

киммериец.— Сила, мощь, энергия — только и умеете, что долдонить про эту дрянь! Омигус оказался лучшим магом, чем ты…

Ловар только пожал плечами.

А Конан склонился над рыдающей кхитаянкой, возле которой сидела, обняв ее за плечи, заплаканная Луара.

— Ки-шон,— тихо проговорил он, нимало не заботясь, поймет ли его девушка,— нам надо идти. Омигус был славным малым… но его уже не вернуть. Нужно идти дальше. Море совсем рядом. Там мы отдохнем…

Глава шестнадцатая

От моря болото отделяла узкая цепь холмов. Скалистый берег покрывал отторгнутый морем хлам: рыбьи кости, тростник и водоросли, плывун и белые от соли какие-то обломки. Со стороны болота росли странные деревья — со стелющимися меж камнями, стремящимися к вершине гряды стволами.

Путники смотрели сверху на раскинувшийся перед ними величественный простор. Волны рассыпались на мириады бирюзовых брызг, ударяясь о протянувшуюся насколько хватает глаз преграду, взбивали у подножий скал и валунов желтую пену. Соленый ветер играл и спутанными волосами путников.

— Море…— произнесла шепотом Луара.— Я о нем раньше только слышала… Вот оно какое!

— Нам ничего не остается,— задумчиво проговорил Ловар,— как обойти его слева или справа. Если верить составителям карт мира, то, скорее всего, мы видим перед собой море Вилайет. Значит, нужно идти налево, ибо, двигаясь берегом направо, мы будем приближаться к цивилизованным землям. Где страны Гиль-Дорад быть не может. А по левую руку лежат нехоженые земли. Вот там…

— Мы идем направо,— твердо сказал Конан.

— Почему? — удивился колдун.

— Нюх варвара мне подсказывает. Кто против — пускай идет налево, вперед, назад… куда хочет.— И, пресекая дальнейшие разговоры, киммериец двинулся в путь.— Луара, Ки-шон, после отдохнем. Не отставайте!

Ловар пожал плечами и последовал за остальными.

В памяти Конана, когда они только взобрались на вершину каменистой гряды и попали под свежий ветер и чарующее великолепие открывшейся панорамы моря, сами собой всплыли слова принцессы Ливии: «И у кораблей бывают кладбища». Корабли… Значит, она говорила о море, размышлял Конан, о том, что надо плыть через него, а не огибать по берегу. А прежде — отыскать корабль. Что разумнее делать ближе к обитаемым землям, ближе к водам, где ходят мореплаватели. То есть надо идти направо.

* * *

Они еще не успели устать от лавирования между камнями, от их острых граней, причиняющих боль ступням, и от ходьбы без привала, когда перед ними внезапно открылась укромно спрятавшаяся за надежными скалистыми стенами небольшая бухта. Широкая песчаная отмель между морем и грядой, в этом месте отступившей, как бы изогнувшись в сторону от воды, была усеяна обломками кораблей, выброшенных стихией на этот пустынный берег… Выброшенных на бесславное гниение…

— И у кораблей бывают кладбища…

— Что? — переспросил Ловар.

— Я спускаюсь вниз, колдун, вот что. Поищем, где это легче сделать.

Спуск по отвесной каменистой стене не представлял большого труда для Конана, чье детство прошло в горах Киммерии. Пальцы рук и ног сами отыскивали упоры, тело прилипало к скале, будто срастаясь с ней. И вот он уже спрыгнул на песок и машет рукой оставшимся наверху.

*** * ***

Киммериец задумчиво бродил среди уже истлевших и еще не тронутых гниением остовов кораблей, среди совсем разбитых и имеющих всего одну-две пробоины морских судов. Он разглядывал обломки мачт и весел, порванные паруса, останки корабельной утвари и товаров, что перевозили в трюмах.

Он нашел несколько обрывков канатов, связал их и захватив с собой, полез вверх по тому же склону.

Наблюдение за спуском, потом за подъемом Конана стоило Луаре искусанных до крови губ, исцарапанных в волнении ладоней и истерзанного сердца, переставшего бешено колотиться только тогда, когда ее возлюбленный вновь оказался рядом.

— Насколько я понимаю,— сказал варвар, присаживаясь на скинутую с плеча бухту каната, — до этих мест еще никто и никогда не доплывал, и до вод, по которым ходят хоть какие-нибудь суда, весьма не близко. Из какого же далека нагнало сюда эту рухлядь?

— Какая разница? — пробормотал Ловар.

— Да, в общем, никакой. Похоже, с тех пор как люди научились плавать по воде, все разбитые корабли приносит только сюда. Кстати, есть почти целые посудины. Одна-две пробоины, не больше. Заделал — и у тебя целый корабль. Хотите, у каждого из нас будет по собственной галере?

— Неужели ты собираешься починить корабль, варвар?

— Можно. Но у нас не хватит сил спихнуть его в воду. Мы сделаем по-другому. Я приметил большую лодку. Почти целую. Так, одна ерундовая дыра. Вот на ней мы и поплывем.

— В море? На лодке? — изумился Ловар.— Как? Куда? Это же мальчишество!

— Повторяю: можешь оставаться. Я знаю, нам надо поступать именно так. Луара, ты мне веришь?

— Да, Конан, я тебе верю. И больше меня об этом не спрашивай. И Ки-шон не спрашивай — она, как и я, пойдет с тобой до конца. Куда скажешь.

— Тогда спускаемся.

Киммериец легко вскочил на ноги, поднял бухту. Спустившись по пологому склону, ведущему к болоту, выбрал одно из стелющихся меж камней деревьев, наиболее близко подобравшееся к вершине, привязал к нему конец каната.

Другой конец сбросил со стороны склона, смотрящего на море. По длине хватило как раз — упавший вниз канат не доставал до берегового песка лишь на половину человеческого роста.

Варвар спустился первым, упираясь ногами в скалу, одной рукой скользя по обжигающей ладонь толстой корабельной веревке, другой крепко прижимая к себе покалеченную кхитаянку. Следом за ними самостоятельно спустились Луара и Ловар.

Выбранная киммерийцем для морского путешествия лодка была шагов пятнадцать в длину и два в ширину, с высокими бортами, с небольшой мачтой и двумя деревянными уключинами (хотя весел поблизости не наблюдалось); в днище ее зияла дыра размером с ладонь.

Но сначала они выкупались и очистили одежду от засохшей, но по-прежнему вонючей

грязи. Луара осторожно сняла повязку с изуродованной руки Ки-шон. Присев около девушек, Конан внимательно осмотрел шрам, с внутренним содроганием ожидая увидеть отвратительные черные пятна, означающие, что болотная грязь попала на незажившую рану и началось заражение крови. Однако рана уже затянулось розовой здоровой кожей; варвар осторожно коснулся ее пальцами и вопросительно взглянул на кхитаянку.

— Больно?

— Очень чесаться.

Он вздохнул, поднялся с колен и сообщил:

— Ну, будем считать, обошлось. Хотя я и не понимаю… Ладно. Пора превращаться в моряков.

*** * ***

Они взялись за дело: Конан приступил к починке лодки, Луара и Ки-шон отправились на розыски или целого паруса, если таковой найдется, или обрывков парусов, которые можно будет сшить в большое полотнище, смастерив иглы из острых рыбьих костей и надергав нитей из неистлевшей материи; Ловар был отряжен собирать яйца гнездившихся в корабельных останках птиц, встревожено круживших над головами людей. Волшебнику также поручили наполнить фляги пресной водой, которая сочилась по скалам, собираясь в иных местах в тонкие струи.

Близился вечер. Конан заделал пробоину. Походив по корабельному кладбищу, подобрал два одинаковых весла и отнес их к месту предстоящего отплытия. Еще он отыскал в нагромождениях мертвого дерева длинное, толстое, упру, гое бревно, верно служившее некогда мачтой большого корабля. И, действуя им как рычагом, попробовал сдвинуть лодку к воде. Мышцы рук, ног и живота вздувались в неимоверном напряжении, бревно-рычаг угрожающе трещало, но тяжелая и такая неподатливая на суше морская посудина сдавалась и, скрипя днищем по песку, медленно продвигалась к набегающим на берег волнам.

Конан устал от поединка с лодкой, но выиграл его: их небольшой корабль лежал наполовину в воде; утренний прилив поможет оторвать его от суши.

Был готов и парус, сшитый из разномастных кусков. Сверху и снизу к нему прикрепили брусья — они послужат реями.

Роясь в корабельном мусоре, девушки наткнулись на пустой бочонок и вместе с Ловаром наполнили его пресной водой. Чародей набрал птичьих яиц, наловил крабов и ближе к вечеру, разведя костер, взялся за приготовление пищи. Последним к ярко полыхающему костру подсел киммериец.

— На этом погосте встречается не только труха.— Варвар бросил на песок большие круглые монеты.— Там целый сундук этого добра.

Увидев деньги, Ки-шон лишь брезгливо передернула плечами, а Луара и Ловар взяли по одному кругляшку с отчеканенным на них профилем.

— Золото,— определил чародей.— Надпись на монете указывает, что они туранские.

И тут в Луаре проснулась дочь трактирщика.

— Слушайте, ведь если монет много, значит, это целое состояние! — с жаром произнесла она.— Кто знает, что нас ждет дальше? Может быть, потребуется опять что-нибудь покупать у дикарей… А может, мы попадем в цивилизованную страну, где нам опять-таки понадобятся деньги, чтобы заплатить за ночлег, за пищу… Давайте заберем этот сундучок с собой, а?

— Нет,— ответил Конан.— Нам неизвестна судьба этого золота. Оно могло послужить причиной гибели людей, перевозивших его. А погубив один раз, оно может погубить и во второй. На золоте часто лежит проклятие.

Ты прав, варвар.— Ловар кинул монету обратно на песок.— Если нам что и нужно, так это побольше воды, еды — хотя бы этих чертовых яиц и крабов — да снисхождение богов и сил, повелевающих ветрами и морскими волнами. Киммериец потянулся.

— Спать хочу, мочи нет. Видать, стар я уже для таких передряг. Поесть бы да сразу упасть…

— Так в чем же дело?

— Место хоть и кажется спокойным, но дежурить будем. Мало ли что…

— Ложись. Я первым подежурю.

Ки-шон метнула на Ловара полный недоверия взгляд; Конан заметил это и усмехнулся подозрительности кхитаянки.

— Хорошо,— сказал он.— Так и сделаем. Разбуди меня часика через четыре.

— Мне эта бухта кажется обителью тишины и безопасности.— Луара перебрасывала из ладошки в ладошку испекшееся яйцо.— По-моему, мы первые, кто вспугнул здешних птиц.

— Хотелось бы верить,— произнес киммериец.

Так и оказалось. Ночь прошла без происшествий.

С первыми лучами рассвета начался прилив. Дежурившая в этот час Ки-шон растолкала Конана, тот поднял остальных. В лодку, уже качавшуюся на волнах, путники перенесли пожитки, еду и бочонок с водой. Установили весла. Подняли парус.

— Что ж… Пора,— возвестил киммериец.

Он оттолкнул маленькое судно на более глубокое место, помог девушкам и Ловару перебраться через его высокие борта. Затем сам подтянулся на руках и перебросил могучее тело в лодку.

Большими, резкими гребками Конан погнал кораблик в открытое море.

И вот позади — узкие ворота бухты, образованные забравшимися в море скалами, и уже едва различимая кромка берега странной гавани. Впереди — неизвестность. А под ними — пучина, неведомо что таящая в своих глубинах…

Немного погодя Конан убрал весла, ибо ветер наполнил парус, и их судно самостоятельно заскользило по волнам.

— Пока северо-восточный, попутный,— заметил киммериец.— И море спокойное.

— И вообще,— кривая ухмылка исказила лицо колдуна,— что-то чересчур удачно начинается наше морское путешествие.

— Все в руках богов, колдун.

— Твоя правда, варвар.— Он открыл было рот, намереваясь спросить, надеется ли Конан с помощью одного лишь переменчивого ветра достичь другого берега, но промолчал. Ловар верно подметил — все складывалось наилучшим образом: дул желанный ветер, водную гладь нарушала лишь легкая рябь, солнце украшало чистое, не предвещающее штормовых бед небо. Путешественникам оставалось только наслаждаться морской прогулкой. Солнце прошло зенит, начало медленный, неуклонный путь к закату.

— Мне нравится плавать по морям,— веселился киммериец.— Вот брошу все и уйду в пираты…

Луара, сидевшая на корме, провожала взглядом пенящийся след, оставляемый лодкой. Она улыбалась, слушая Конана. Ловар, закутавшись, хоть было тепло, даже жарко, в свой мрачный плащ, глядел вдаль и предавался глубоким раздумьям. Ки-шон спала, свернувшись клубком на носовой банке. То и дело она вздрагивала во сне.

Вдруг Конан приподнялся со своего места у мачты, вперил пристальный взгляд в какую-то

точку на горизонте. Огляделся по сторонам. И в изумлении вновь опустился на скамью.

То, что стало происходить дальше, не просто удивило киммерийца и его спутников, которые тоже не могли не увидеть совершающихся вокруг них перемен, а отняло дар речи. То, что стало происходить дальше, оставило им толь-, возможность бездейственного созерцания. Море переставало быть морем, а небеса — небесами. Солнце сперва превратилось в узкую оранжевую полоску, потом и вовсе пропало. Теперь их лодка, казалось, рассекала черную бурлящую смолу, а со всех сторон на них надвигалось само пространство. Горизонт сжимался, небесный свод опускался, воздух напоминал переливающуюся всеми цветами радуги прозрачную поверхность кристалла. И путешественники оказались внутри него. Размытая линия горизонта совсем исчезла. Вокруг буйствовало режущее глаза многоцветное сияние; черное смоляное бурление под лодкой уступило место чему-то напоминающему лед, по которому их судно скользило так же ровно и быстро, как и по воде. Конан почувствовал, что они приближаются к рубежу, за которым их ждет либо окончательная победа, либо смерть. Третьего не дано. И все препятствия, что они уже преодолели на пути в Гиль-Дорад, были лишь подготовкой, лишь жалким подобием того, с чем им придется столкнуться сейчас…

— Я чувствую здесь огромное средоточие Силы,— словно в подтверждение его мыслям раздался голос, в котором с трудом узнавался голос чародея.— Она обрушилась на нас… всей мощью…

Окружающий мир вновь преобразился. Сейчас лодка двигалась по узкому круглому тоннелю, стены которого, казалось, были сотворены из мерцающего внутренним светом мрамора, а киль рассекал рубинового цвета жидкость, напоминающую кровь.

После этого некоторое время ничего не происходило.

— Что скажешь? — успел спросить киммериец Ловара.

— Сила, варвар, Сила. От нас ничего, увы, уже не зависит,— успел ответить чародей…

…И их окутала беспросветная мгла. Она держалась считанные секунды, но за это время каждый из путешественников мысленно попрощался с жизнью.

И вот стало разгораться свечение, рассеивающее леденящую душу темень. Они увидели, что по-прежнему находятся в лодке, неподвижной, покачивающейся на спокойной воде. У самой кормы проступали очертания железной решетки, закрывающей выход-вход в просматривающийся за ней тоннель. Нос лодки почти касался обширного каменного причала — его ограждали каменные стены, плавно переходящие в высокий свод. Сами стены, казалось, излучали свечение, позволяющее разглядеть все вокруг.

Причал был пуст.

— Куда это мы приплыли? — Сильный бас киммерийца, эхом отражаясь от стен, гулко прокатился по пещере.

Луара тихо-тихо бормотала слова молитвы. Ловар сидел на банке, обхватив голову руками, и глухо стонал — видимо, его мучила сильная головная боль.

Звук, напоминающий сильный удар в стену, сотряс воздух. За ним — еще один. Часть стены напротив лодки задрожала и рухнула внутрь, образовав огромную, с неровными краями дыру. Внутри бреши что-то зашевелилось. И стало выползать наружу. Что-то огромное, темное, как и сами стены, выбралось из отверстия и шагнуло на освещенную магическим синеватым светом площадку. Увидев, что это, путешественники ахнули.

Глава семнадцатая

Подобное могло явиться в этот мир лишь из глубин Преисподней. Подобное могло быть вызвано только злобной колдовской волей.

Это было существо. Оно упиралось в камни пола двумя напоминающими стволы столетних дубов ногами, покрытыми пупырчатой, как у жаб, кожей. Ноги поддерживали громадное шарообразное туловище, густо обросшее шерстью. Головы не было. Ее замещал возвышающийся над туловищем острый, длинный, корявый рог. Каждая из двух бугрящихся мускулами рук имела по три сустава, что позволяло ей гнуться как угодно. Одна трехпалая когтистая ладонь сжимала шипастую дубину, по длине и обхвату сравнимую с человеком, другая держала круглый металлический щит с острыми, как бритва, краями.

Выпавшая часть стены сама собой поднялась и стала на место, восстановив цельность стены.

— Путники! — загромыхало по всей пещере. Люди не произвольно завертели головами.— Вам удалось зайти очень далеко, и потому вы заслуживаете жизни. Но вы зашли слишком далеко, и потому — уходите. Вас никто не ждет здесь.

Со стороны кормы раздался скрип поднимающейся решетки.

— Скоро решетка вновь опустится. И тогда вы умрете. Дороги вперед нет. Дорога назад открыта. Торопитесь.

Гулкий голос умолк, и наступила невероятная, давящая тишина.

— Нам предлагают спасение,— нарушил молчание Ловар.— В противном случае это чудовище растерзает нас.

— Конан,— прошептала Луара,— я боюсь.

— Что ж, против такого пугала не попрешь. Делать нечего.— Киммериец оттолкнулся веслом от причала. Три гребка — и лодка оказалась по ту сторону решетки.

— Мой меч,— северянин указал себе за спину,— для этого уродца страшен не больше, чем для меня швейная игла.

Железная решетка, как и предупреждал страж причала, стала опускаться, закрывая вход в мрачную пещеру.

— Но, как говорят у нас в Киммерии,— продолжал Конан,— если гору не обойти — отодвинь ее в сторону.

Раздался всплеск, на сидящих в лодке полетели брызги. Путешественникам потребовалось несколько мгновений, дабы осознать, что произошло. За эти мгновения решетка погрузилась в воду, отсекая лодку и людей в ней от пещеры, демона и варвара, прыгнувшего за борт и проплывшего под водой туда, откуда они только что убрались.

— Конан! Зачем?! — прорезал пещерную тишь отчаянный крик Луары.

Киммериец уже доплыл до причала и теперь взбирался на него, подтягиваясь на руках. Первым делом он вытащил меч и только потом оглянулся на спутников.

— Я не для того прошел полмира, чтобы показать спину какому-то рогатому недоноску и вернуться ни с чем. Вернее, с позором… А, дружок, идешь!

Последние слова варвар выкрикнул, услышав тяжелую поступь и обернувшись. Демон-великан сдвинулся с места и не спеша пошел на человека.

— Митра,— прошептала Луара,— мне ничего больше не надо, только сделай так, чтобы он остался жив…

Ладонь кхитаянки ободряюще легла на ее плечо. Ки-шон произнесла что-то ласковое на своем языке.

Ловар вытянулся вперед и словно окаменел в напряжении. В своем черном плаще он напоминал грифа, ожидающего исхода схватки хищников, труп одного из которых достанется ему на поживу.

Конан, сжав в правой ладони рукоять верного меча, на краю причала поджидал неторопливо приближающегося великана. «Как и чем он смотрит, дышит, слышит?» — недоумевал киммериец.

Монстр почти приблизился на удобное для удара расстояние, но варвар вдруг сорвался с места и отбежал в сторону, направо, поближе к стене. Прежде чем вступать в противоборство, он намеревался выяснить, что именно представляет из себя ужасный с виду противник, насколько он быстр и поворотлив, и наметить наиболее подходящие для атаки места на теле чудовища. «Достойно погибнуть я всегда успею»,— усмехнулся про себя Конан.

Безголовый рогач сразу повернул за человеком, и темп его передвижений ускорился. Подпустив демона на предельно безопасную дистанцию, воин из Киммерии опять совершил прежний маневр. Теперь он был вынужден отступить вплотную к стене и отойти от границы тверди и воды. Чудовище продолжало преследование, дубоподобные ноги переносили тело-шар на удивление легко. Рогач, как бы теряя терпение, двигался все проворнее.

«Ай-ай-ай, да он шустрый»,— с сожалением отметил варвар, отступая вглубь полукруглой площадки.

Безмолвный танец продолжался, и демон оказывался все ближе к человеку. Конан почувствовал, что устает от бестолкового бега по кругу, и понял: пришла пора самой схватки.

Когда рогач в очередной раз подступил к нему почти вплотную, киммериец остался недвижимо стоять на месте. На душе у него было спокойно, потому что Луара и остальные его спутники находились вне опасности, а за себя переживать — пустое занятие. Нет лучшей участи для воина, чем погибнуть в честном бою. Не испытывая волнения, северянин целиком подчинился боевому азарту. Его тело, его чувства, его рефлексы находились в состоянии наивысшего напряжения.

Стоило взметнувшейся вверх дубине начать свое падение, как варвар нырнул под наносящую удар руку существа и, вложив всю силу, размашисто рубанул по сочленению ноги и тела урода. И сразу — прыжок в сторону. Пришлось упасть, перевернуться и тут же вскочить на ноги.

— Мерзкое отродье,— выругался он, увидев, что его меч оставил всего лишь царапину на коже монстра. Мало того что ее, твари, шкура не уступала в прочности лучшей из кольчуг, но даже ни капли крови не выступило из пореза. Киммерийца охватила злость: «Ты, сволочь, и твой создатель думаете, что непобедимы. А я вот непобедимых не встречал!»

На этот раз вновь приблизившийся рогач попробовал достать человека ударом дубины сбоку. Конан успел вовремя подпрыгнуть, пропуская оружие под собой. Но едва он снова коснулся ногами каменной площадки, как другая рука демона метнулась вперед. Варвар отреагировал на блеск металла и упал на спину, смягчив падение ладонями и локтями. Над ним, со скоростью только что сорвавшейся с тетивы стрелы, просвистел в воздухе щит чудовища с бритвенно острыми краями. Раздался звук ударившегося о камень металла. Киммериец, мгновенно вернувшись в вертикальное положение, бросился на врага как молния, чтобы завладеть его оружием.

Если б демон мог смеяться, он бы расхохотался, наблюдая, как человечишка пытается поднять его щит. Не слишком большого размера диск оказался неимоверно тяжелым. Конану, которого мало кто из встречавшихся ему людей превосходил в силе, удалось лишь на мгновение оторвать от пола сделанную из неизвестного металла штуковину, упавшую — и то хорошо! —

кверху скобой.

Демон неспешно направлялся к своему оружию и склонившемуся над ним человеку. Конан осмотрелся: вода была шагах в пяти от него. Мысленно обратившись за поддержкой к Крому и вернув меч в ножны, он обеими руками ухватился за скобу, сосредоточился, напружил мышцы, рванул диск на себя, поднял и бросил вперед. Болью отозвались суставы, свело мышцы живота и спины.

Диск не долетел до края причала всего полшага. Северянин метнулся к нему, намереваясь спихнуть опасное оружие в воду. За две секунды, что занял у варвара бросок, на него снизошло озарение. Конан понял, что надо делать.

Неимоверным усилием воли заставив напрячься надорванные мышцы, киммериец сдвинул диск на самый край площадки, так что часть его нависла над водой, и молниеносно отпрянул вбок. Он успел отбежать лишь на несколько шагов, как рогач уже оказался у своего оружия. В тот самый момент, когда монстр нагибался, Конан зашел сзади и с разбегу, в последний миг подпрыгнув, обрушился своим тяжелым, по человеческим меркам, телом на наклонившееся чудовище. Удар пришелся как раз в сочленение ног с туловищем.

Монстр закачался, замахал руками, пытаясь удержать равновесие. Последовавшие один за другим удары ногами и мечом решили дело. Молча и плавно — так, должно быть, в море рушатся скалы — рогатый противник Конана свалился в воду.

Оставшийся лежать на прежнем месте диск киммериец, под дождем поднятых демоном брызг, отодвинул подальше от края причала.

Варвар не слишком-то верил в то, что победа уже состоялась. С отведенным назад мечом молодой воин ждал, что будет дальше: утонет враг или выплывет?

Около причала оказалось недостаточно глубоко, чтобы исполинский противник утонул. Демон не пошел ко дну, а встал на ноги, и воды ему было по грудь. Увесистую шипастую дубину из трехпалой лапы он не выпустил. Подняв оружие над головой, он некоторое время оставался недвижим.

Сквозь переплетение решетки за спиной рогача Конан видел очертания лодки и людей в ней.

— Ну что ж,— вслух подумал воин, насмешливо глядя на подбирающееся к каменной площадке безголовое создание,— так все же лучше. Теперь я выше тебя.

Когда демон оказался у самого края причала, Конан отошел на недосягаемое для удара дубиной расстояние, заняв позицию напротив свободной руки чудовища. Чтобы продолжить схватку, рогачу требовалось забраться на площадку. Существо положило левую — свободную — руку на причал. Царапнули о камень когти. Этого варвар и ждал.

Молниеносный бросок вперед, мелькнувший в воздухе меч — и сталь впилась в один из трех пальцев кисти рогача Беззвучно взметнулась пораженная конечность. Часть пальца с когтем, схожим с клювом хищной птицы, осталась на камне, а обрубок на поднятой вверх руке толчками выбрасывал из себя густую темную жидкость. Киммериец, добившись своего, без малейшей задержки вернулся в безопасную зону.

— Ага, значит, в тебе есть кровь,— обрадовался варвар,— И она вытечет. Теперь-то ты точно подохнешь, сын подземной шлюхи!

Дальнейшее напоминало зрителям одну из детских игр, в которой Конан мальчиком любил участвовать: один из играющих вставал с деревянной палкой в очерченный на песке круг, а остальные — безоружные — пытались проникнуть за черту, уворачиваясь от его ударов. Водящему выходить из круга запрещалось. Проникновение игрока внутрь считалось концом забавы. Конан обычно побеждал — неважно, стоял ли он с палкой в руке или пытался попасть за заветную линию.

Раненый демон предпринимал отчаянные попытки выбраться из ловушки. Для этого ему нужно было опереться о камень. Но киммериец, державшийся поближе к свободной руке рогача, совершал выпады всякий раз, как только его враг касался причала. Конану не удавалось достать мечом вовремя реагирующего противника, но теперь главным было не это. Главное — удерживать врага в капкане, пока тот не истечет кровью.

Эта смертельная игра тянулась долго. Но северянин не ослаблял внимания ни на секунду, и потому потуги монстра застать человека врасплох ударом дубины пропадали втуне.

Наконец Конан заметил, что рогач устает. Движения чудовища стали замедленными, и вскоре он пропустил второй выпад. Еще один палец превратился в обрубок. Предчувствуя скорое наступление агонии, существо предприняло последнюю попытку расправиться с человеком. Оно метнуло единственное оставшееся у него оружие — дубину.

И человеку опять удалось увернуться.

Тогда рогач положил обе руки на причал и начал вытягивать себя из воды, не обращая внимания, что его безжалостно и безнаказанно кромсает враг-человек.

Конан неистово размахивал мечом — летели в разные стороны клочья кожи, куски мяса, кровь заливала камни. Рогачу почти удалось забраться на причал, когда тело его сотрясла смертельная судорога, и он стал медленно сползать в воду… уже навсегда.

Поверженная громада заполнила все водное пространство от каменной кладки до решетки. Крик радости донесся до Конана, и киммериец победоносно поднял меч над головой.

Неожиданно наступила темнота, столь же непроницаемая, как и перед появлением их в этой пещере.

Конан почувствовал, что пол под ним становится вязким и ноги погружаются в него. Что-нибудь предпринять не представлялось возможным; он осознал, что сейчас полностью находится во власти некоего магического могущества.

Вдруг непроницаемость тьмы нарушилась. Образовались участки света, кожа ощутила усиливающийся ветер. И этот ветер сдувал тьму, уносил ее, как пух с тополей, как пепел сгоревшего пергамента. Сильный, быстротечный, почти ураганный порыв разом уничтожил остатки мрака.

Ничего, никаких следов не осталось ни от пещеры, ни от туннеля, ни от демона.

Конан увидел вблизи себя лодку и своих спутников. Изумление на их лицах сменилось восторгом.

Северянин стоял по колено в воде. Перед ним расстилалось море невероятной прозрачности, а позади, совсем рядом, за полосой прибрежных валунов виднелись берег и лес — земля!

Конан, ступая по песчаному дну, направился к лодке. – Конан, Конан, милый! — кричала ему Луара.— Ты жив, жив, жив!

— Конь-ян! Конь-ян! — вторила ей Ки-шон.

Около лодки вода доходила киммерийцу уже до пояса.

— Киньте канат! Ловар, брось мне канат! Кром вас всех побери! — Ему пришлось перекрикивать обезумевших от радости девушек.

— Это Гиль-Дорад, варвар! Гиль-Дорад! Мы дошли! — затараторил Ловар, кинув ему канат. — Действие злой Силы исчезло! Ее нет совсем! Путь свободен!

— Ладно-ладно,— проговорил Конан и, перебросив канат через плечо, потащил сослужившее свою службу судно меж прибрежных валунов. В трех шагах от полосы прибоя киль вошел в песок.

Киммериец помог девушкам спрыгнуть с высокого борта. Луара тут же бросилась Конану на шею.

— Это Гиль-Дорад, Конан, милый! Гиль-Дорад! Ловар говорит, что уже не чувствует противодействия этой противной магической Силы. Наоборот, Сила действует сейчас по-доброму. Да ты только посмотри, Конан!

Девушка схватила воина за иссеченное шрамами запястье и потащила из воды, в которой они все еще стояли по щиколотку, на береговой пляж.

— Смотри, Конан, какой красивый, сказочный лес! Где ты такой видел?

— Ну…— хотел было он возразить, но ему не дали.

— Посмотри, сколько птиц над ним! Какое чудо! А воздух! Кажется, вдыхаешь не просто воздух, а саму жизнь! Чувствуешь?

— Да,— кивнул киммериец.

Луара подпрыгнула и поцеловала его в щеку.

Они стояли на берегу неведомой земли. Вдали уходил в облака исполинский конус горы, густо поросшей лесом; лишь кое-где среди зеленого покрывала виднелись черные пятна скал. Склоны далекой горы усеивали белые точки, расположенные в строгом порядке: чем ближе к вершине, тем их было больше.

Строения, решил Конан. А на самой верхушке возвышалось сияющее величественное здание, даже с такого расстояния поражающее своими размерами. На его крыше бился и трепетал яркий даже в такой солнечный день огонек. Что это, киммериец понять не мог.

— Ой, погляди! — продолжала восторгаться Луара, вытянув руку в направлении буйноцветных, наполненных птичьим щебетанием райских кущ неизвестной земли. Из зарослей на песок выбрался олененок и, заметив людей, склонил голову набок, без тени испуга, внимательно изучая их.— Какая прелесть, Конан! — Луара глядела снизу вверх на своего возлюбленного.

— Да, Луара. Я ду…

— Конь-ян! Конь-ян!

Оборачиваясь на тревожный крик, Конан забросил руку за спину, вцепился в рукоять меча. Мгновение — и оружие выдернуто из ножен и готово к бою,

Варвар взревел, как дикий зверь.

Глава восемнадцатая

Неожиданно объявившегося на их пути чародея по имени Ловар кхитаянка невзлюбила с первого взгляда. В его глазах, казалось ей, мерцало затаенное зло и жестокое коварство. Ей мерещились темные, не ведающие пощады силы, стоящие за спиной незнакомца. Поведение колдуна в ночь снежной бури укрепило интуитивную неприязнь. Ки-шон была уверена, что человек в черном плаще хотел убить ее, но в последний момент передумал. Как объясняла сама себе девушка, он боялся вызвать подозрения у спутников, в доверие к которым хотел непременно втереться. На следующий день в горах она попыталась поделиться своими наблюдениями с Большим Человеком, как она про себя называла Конана, но ее язык жестов больше, конечно, смешил, чем заставлял отнестись серьезно к тому, что она увидела и почувствовала. Тогда Ки-шон решила сама неотступно следить за каждым шагом колдуна, чтобы утвердиться или разувериться в сомнениях. И если понадобится — поднять тревогу.

Странностей в поведении колдуна она находила много, но страшного — ничего. А странности, как известно, свойственны, в конце концов, всем магам. Тем не менее сомнения ее не развеялись, а лишь ослабли.

Но чувство неприязни и страха перед этим человеком с прежней остротой вспыхнуло в Ки-шон, когда она увидела, как он наблюдает за схваткой в морской пещере. В тот миг колдун показался ей воплощением зла. Нет, не просто зла, направленного на рогатого исполина, который стремился убить их Конана, а Зла как такового. Больше Ки-шон не сомневалась: цель Ловара неизвестна, но этот человек — служитель противостоящих Добру сил, жрец черного колдовства, для которого люди — лишь жертвы на алтаре подчинения хозяевам Преисподней. С этой минуты кхитаянка ни на миг не отводила взгляда от фигуры в черном плаще.

Когда Конан и Луара вышли на берег, Ловар, спрыгнув с борта, остался стоять в воде возле лодки. Ки-шон находилась чуть ближе к берегу, чем он. Повернувшись к чародею вполоборота, она вдруг увидела, как лицо мага посерело, на глаза набежала странная дымка, губы зашептали неслышные слова.

Кхитаянка напряглась.

Медленно поднялась, высвободившись из рукава черного плаща, правая рука, разогнулся указательный палец и нацелился в спину Конана, заслушавшегося восторгами Луары. Из пальца вылетел тонкий голубой луч и, ускоряясь, потянулся к киммерийцу. Ки-шон не раздумывала, как ей поступить. Она — раба Большого Человека по своей доброй воле — живет сначала для него, потом для себя.

— Конь-ян! Конь-ян! — закричала она, бросаясь наперерез лучу.

Голубая игла вошла в ее тело, зажгла внутри огонь.

* * *

Конан взревел, как дикий зверь. Тонкий голубой луч протянулся из пальца чародея в его сторону, но путь ему преградила Ки-шон. От луча, пронзившего тело кхитаянки, кожа ее засветилась голубым сиянием. Девушка кричала от боли.

Конан сорвался с места.

— Убью! — Крик варвара поднял стаи птиц над зелеными кущами.

С глаз колдуна слетела застилавшая их пелена.

— Агорах абрайя! — тяжело, словно он ворочал языком камни, выдохнул Ловар. Голубой луч тут же вернулся в вытянутый палец, однако мгновение спустя ударил вновь оттуда, но уже поперек прежнего направления и в разные стороны.

Стена огня выросла между Конаном и Ловаром. Она полыхала, уходя далеко влево и вправо по валунам, по песку, напрочь скрывая мага от киммерийца и его меча.

Северянина обдало невыносимым жаром. Он отпрянул. Потом кинулся к Ки-шон, нагнулся, взял ее на руки и отбежал в сторону. Положил девушку на песок. И ощутил сильную боль в ладонях — они были обожжены. Ибо тело, которое он нес на руках, источало жар, подобно раскаленным углям.

Кхитаянка горела изнутри. Ее душа уже летела в царство мертвых, а тело исчезало на земле. Кожа сморщивалась, обугливалась. То, что некогда было Ки-шон, уменьшалось на глазах.

— Не смотри, Луара,— глухо произнес Конан. Девушка отвернулась, закрыв лицо руками, и упала на песок.

Стена огня вдруг спала. В мгновение ока варвар пересек ее границу. Он метался по огромным камням, разбросанным природой вдоль моря. Его взгляд искал колдуна… Искал и не находил. Убийца Ки-шон скрылся. Киммерийца обуревала жажда преследования, он верил, что может напасть на след, настичь и уничтожить предателя, но… Но нельзя было оставлять Луару одну на берегу неизвестной земли. Гнев переполнял его.

— Я убью тебя, отродье!

Казалось, его крик разнесся по всему миру…

От храброй кхитайской девушки осталась лишь горстка пепла на песке.

Конан сел рядом с Луарой, обнял ее за плечи. В полном молчании они долго сидели на морском берегу.

*** * ***

Конан вел Луару берегом моря. Он не хотел рисковать и приближаться к лесу, тем более входить в него. Если проклятый колдун задумал — непонятно зачем и во имя чего — убить его или их обоих, то он мог выслеживать их, скрываясь в густых зарослях. Быть может, им в конце концов придется вступить в неведомые дебри, где таится столько опасностей… Но — пока рано, решил киммериец. Он не был уверен, что это именно та местность, которую называют Гиль-Дорад, он не знал, на острове они или на материке, живут поблизости люди или нет. Пока это будет возможно, надо идти хорошо просматривающимся берегом, не теряя надежды набрести на какое-нибудь поселение.

*** * ***

Боль утраты жгла их сердца. Ярость клокотала в груди северянина; если б можно было

оставить Луару в безопасном месте, он догнал бы мерзавца по следам, по запаху. Пусть на это уйдут дни, недели, месяцы… На куски изрезать ублюдка!

Луара выплакала все глаза. Даже если они в Гиль-Дорад, возвращалась она к одной и той же мысли, стоит ли чудесная страна таких потерь? И смогут ли они быть когда-нибудь счастливы после всего пережитого?

— Луара,— услышала она приглушенный голос Конана,— подними голову.

Она посмотрела вперед: совсем невдалеке от них уходила в море шагов на сто широкая насыпь, оканчивающаяся невысокой круглой башенкой; возле нее качались на волнах несколько легких парусных лодок.

На берегу, откуда брала начало дорожка, идущая по верху насыпи, был сооружен навес. Под белым полотнищем в плетеных креслах сидели два человека. Они поочередно что-то переставляли на стоящем между ними столике и были всецело погружены в свое занятие. Поэтому подходящих к ним берегом людей заметили не сразу, а когда заметили — вскочили на ноги. Вышли навстречу.

Рука Конана по привычке метнулась к рукояти меча, но, увидев, что у незнакомцев нет никакого оружия, киммериец опустил ее.

Эти мужчины совсем не походили на воинов: невысокие, нешироких в плечах. Оба в голубых просторных одеждах, небогатых, но из хорошей тонкой ткани. Они склонились в почтительном поклоне перед гостями. Луара, а за ней и Конан ответили поклоном на поклон.

— Гиль-Дорад? — спросил киммериец, обводя вокруг рукой.

— Гиль-Дорад, Гиль-Дорад! — закивали незнакомцы.

— Пришли,— устало и безразлично сказал Конан. Луара безмолвствовала. Радости она не чувствовала.— Вот что, ребята. У меня есть слово к вашему владыке… как его… Кильтабу.

Незнакомцы недоуменно переглянулись.

Выяснилось, что встретившие их обитатели Гиль-Дорад не говорят ни на одном известном юноше и Луаре языке. Они переглянулись и молча повели гостей за собой.

По дорожке из гранитных плит проводили они Конана и Луару до леса. Пройдя немного по лесной тропе, вышли на поляну, где паслась лошадь рыжей масти. Пересекая поляну, один из провожатых свистнул, и животное послушно направилось за ними. Сразу за кустами, окружающими поляну, проходила широкая — по ней одновременно могли ехать в ряд три повозки — дорога. У обочины стояла то ли арба, то ли колесница, формой напоминающая раковину, с двумя огромными колесами, длинными оглоблями. Почему-то возникала уверенность, что эта повозка должна быть легка и быстра.

Один из провожатых запряг лошадь и, взяв в руки вожжи, устроился на передке. Другой помог Конану и Луаре взобраться на колесницу. Сам он оставался. Улыбаясь, махал рукой отъезжающим.

Дорога удивила киммерийца не только своей шириной. Она была покрыта темным, почти черным, твердым, судя по звуку, которые издавали ободья колес, веществом, делавшим ее необычайно ровной. При езде не чувствовалось никаких ямок и ухабов.

По обочинам росли толстоствольные деревья-великаны, их кроны нависали над дорогой, образуя свод, укрывающий ее от солнца и дождя. Расположение их и строго одинаковое расстояние меж ними наводило на мысль, что они появились здесь не по прихоти природы, а благодаря человеческому разуму.

По обе стороны дороги по-прежнему тянулся лес. Как Конан заметил еще раньше, здесь соседствовали кусты и деревья, которые он никогда не встречал в одной и той же местности: северные сосны уживались с южными пальма-ми, бамбуковая роща переходила в заросли ивняка, буки и тополя были опутаны лианами. Среди этой растительной пестроты ощущалось

кипение жизни: до седоков доносились птичий гомон и щебет, звериные голоса, хлопанье крыльев и треск сучьев…

Конан и Луара с самого начала почему-то не испытывали недоверия к незнакомцам. И хотя оставалось неясно, куда и с какой конечной целью их везут, ни осторожный варвар, ни много испытавшая за последние недели девушка ни разу не подумали о том, что их могли заманивать в какую-нибудь ловушку… Слишком уж сложный и громоздкий способ разделаться с бедными путниками.

И — странное дело: с каждой минутой боль недавней утраты исчезала, в душе нарастало ощущение счастливого покоя и умиротворения; с каждым глотком воздуха усталость покидала измученные тела, переставали ныть и болеть раны. А на смену тупому безразличию приходило любопытство к тому, что их окружало.

Город начался неожиданно. Не было ни привычной городской стены с охраняемыми воротами, ни привычного пустого пространства между лесом и селением. Просто среди шумящей зелени Конан вдруг увидел дом, за ним другой, третий… Вскоре от главной дороги стали ответвляться улицы и проулки.

Конана вновь поразило процветающее в этой стране несказанное разнообразие всего: дома не походили один на другой ни размерами, ни архитектурным стилем; люди были одеты совершенно по-разному и явно не принадлежали К какой-нибудь одной национальности; в садах, окружающих дома, росли плодовые деревья, кусты и цветы, которые никак не могли произрастать рядом.

— Какие красивые здесь женщины и мужчины,— вдруг впервые за всю дорогу заговорила Луара.

— Да? — непроизвольно вырвалось у Конана.

— Да. У них у всех счастливые лица… а это любого делает красивым.

Конан вдруг осознал, что их костюмы превратились в лохмотья, провонявшие потом и дымом… и почувствовал досаду.

Колесница выехала на площадь и остановилась перед фасадом утопающего в зелени невысокого здания с колоннами, к дверям которого вела недлинная, но широкая лестница розового камня. Над его крышей, как и над многими другими зданиями, возвышались длинные шесты, на которых с тихим шелестом вращались странные устройства, напоминающие Конану два скрещенных меча; их назначение он понять не мог. Возница спрыгнул с передка, подбежал к одной из колонн и что-то проговорил на своем певучем языке в небольшое отверстие в колонне. Конан разобрал только одно слово: «Замора».

Спустя некоторое время в дверях показалась совсем юная девушка в свободном сером одеянии. В сопровождении возницы она быстро подошла к экипажу, положила обе ладони на поручень и улыбнулась, вовсе не обращая внимания на потрепанный вид гостей. Возница же занял свое прежнее место.

— Вы из Заморы? — спросила она на чистом заморийском.

— Оттуда,— почему-то мрачно ответил Конан.

— Ты понимаешь наш язык? — добавила Луара.

Улыбка девушки стала еще шире. У нее были крупные, очень белые зубы, черные волосы и смуглая кожа.

— Я говорю на восьми языках, если мне будет позволено столь нескромное уточнение… Нижайше прошу прощения за то, что мы не встретили вас должным образом, однако ваше прибытие явилось для нас достаточной неожиданностью, ибо очередная группа Призванных прибыла без малого месяц назад. Хорошо, что вы повстречали наш дозор… Тем не менее от имени всего народа Гиль-Дорад я приветствую вас на этой земле и уверена, что вы станете

достойными гражданами нашей страны.

Речь эта, из которой киммериец почти ничего не понял, показалась ему заранее отрепетированной. Луара восторженно озиралась вокруг. Конан ощущал лишь зверскую усталость.

— Меня зовут Чандра,— продолжала между тем их новая знакомая.— Моя родина лежит очень далеко на востоке; я была призвана полгода назад. Позвольте узнать, кто вы и с кем мне выпала честь беседовать, дабы соответственно выбрать для вас жилища.— И Чандра сначала — в знак уважения к женщине — вопросительно взглянула на Луару.

— Я — Луара, дочь трактирщика Хорга из города Шадизар,— ответно улыбнулась та.

— Конан,— кратко сообщил варвар и приветственно приподнял меч, лежавший у него на коленях.— Воин, родом из Киммерии.— О своей профессии вора он пока решил не распространяться.— И у меня есть послание к владыке Кильтабу.

— Владыке Кильтабу? — удивилась Чандра.— Я не знаю никого с таким именем. Здесь только один владыка — Джезар, правитель всего острова.

Девушка казалась слегка сбитой с толку. Несколько секунд она в замешательстве переводила взгляд с одного на другого, однако быстро справилась со смущением, и в ее огромных черных глазах вновь вспыхнули искорки. Она повернулась к безмолвно ожидавшему конца беседы соотечественнику и обменялась с ним парой коротких фраз. Возница спрыгнул с облучка, поклонился Конану и Луаре и не торопясь зашагал обратно в сторону побережья; его место заняла Чандра.

— Я отвезу вас туда, где вы сможете отдохнуть, помыться, переодеться и перекусить,— объяснила она ничего не понимающим в происходящем седокам.— Вижу, дорога в Гиль-Дорад была для вас несколько утомительной.

— Несколько утомительной?! — Конану вдруг захотелось рассказать этой с виду беззаботной, как невинный младенец, девчонке о том, как они не единожды чудом избежали смерти, о том, как погибли Омигус и Ки-шон, о чародее-предателе Ловаре… Но киммериец лишь сжал рукоять меча и процедил сквозь зубы: — Пожалуй, да. Утомительной.

Луара успокаивающе положила ладонь ему на запястье.

Чандра щелкнула поводьями, цокнула лошадке, и та неторопливо двинулась вверх по склону.

— А завтра владыка Джезар примет вас и расскажет о Гиль-Дорад. Наберитесь терпения,— сообщила Чандра, глядя на дорогу.— Поверьте мне, более удивительной истории вам еще не доводилось слышать.

«Что ж, подождем до завтра,— подумал Конан,— Мне тоже есть что поведать вашему владыке. И, думаю, мой рассказ будет позаковыристее его истории».

*** * ***

— За той дверью — погреб. В нем вы найдете запасы еды и вина. Вот кухня, следующая дверь ведет в обеденный зал. Спальни на втором этаже. Там же находятся две комнаты для уединения, где вы можете общаться с вашими богами и которые вы можете обставить согласно вашим обычаям и вере ваших стран. Теперь же разрешите показать вам то, что, я полагаю, вам понадобится прямо сейчас.— И Чандра жестом увлекла их за собой.

Они спустились по ступенькам, повернули за угол, прошли небольшим коридором и, открыв дверь, оказались в просторном помещении, в центре которого размещался бассейн.

— Комната для купания. Смотрите, из двух труб в бассейн течет вода — из одной холодная, из другой горячая. У нас здесь много источников, где бьет горячая, будто согретая на огне, вода. С помощью этих вот заслонок, видите, вот так и так, вы можете управлять силой струй, делая себе воду погорячее или похолоднее.

Пожалуйста, столик с мазями и благовониями. А за маленькой дверцей в другом конце комнаты — еще один вход в погреб. Это на тот случай, если вам захочется усладить свой отдых вином и яствами.

Позвольте пожелать вам отдохнуть так, чтобы смылись водой и забылись все невзгоды вашей прежней жизни и трудности, которые вам пришлось претерпеть на пути в нашу страну… Не смею больше надоедать. Надеюсь на скорую встречу.

Они распрощались. Конан и Луара остались одни.

— Я и забыла, что на свете существует горячая вода,— улыбнулась девушка.

— Заживем, как дворцовая знать. Бассейн, свой винный погреб. Ладно, Луара,— киммериец шагнул к двери, ведущей в коридор,— мойся. Я приду позже.

— Конан…— вдруг позвала девушка.

Он обернулся.

*** * ***

У края бассейна, сложенного из гладких мраморных плит, дно которого украшала разноцветная мозаика, стояла Луара, заморийка, дочь хозяина трактира «Пьяный вепрь», прошедшая бок о бок с киммерийцем сквозь огонь, воду и холод… Одежды упали с ее тела.

Девушка нисколько не стеснялась своей наготы, и Конан впервые с удивлением заметил, что из взбалмошного, наивного угловатого подростка она превратилась в почти зрелую женщину. Многочисленные испытания и трудности, выпавшие на ее долю за время путешествия, укрепили ее тело, закалили дух, отточили и без того острый ум. Перед киммерийцем стояла умная, красивая, стройная женщина.

— Мне не нужна Гиль-Дорад,— произнесла Луара, твердо глядя Конану в глаза.— Мне нужен ты…

Она отвернулась и, медленно спустившись по ступенькам, ведущим в купальную чашу, вошла в воду.

Конан замер в замешательстве. Потом скинул изорванную, выношенную до дыр одежду и прыгнул в бассейн, подняв фонтан сверкающих брызг.

Вода смыла с них пот, грязь и усталость.

Луара не смущалась ни своей наготы, ни наготы мужчины. Они плескались, как дети.

Потом Конан приблизился к девушке. Ее прекрасное молодое тело, лишенное одежд, манило свежестью и соразмерностью форм. Сердце варвара учащенно забилось. По-девичьи небольшие крепкие грудки с коричневыми ягодками сосков так и звали коснуться их, алый цветок губ ожидал поцелуя, крутые бедра и изящные маленькие ступни желали, чтобы до них дотронулась дрожащая от страсти рука мужчины.

— Луара,— прошептал киммериец,— ты очень красивая…

— Я люблю тебя, Конан…— Она прильнула к его широкой груди.

— Я хочу, чтобы ты стала моей…

— Я хочу этого уже давно…

Их губы слились в разжигающем пламя любви поцелуе. Ласки становились все неистовее. Конан подхватил Луару и на руках вынес из бассейна. Оставляя на полу мокрые следы, он вышел из купального зала.

— Надо же вытереться,— тихо засмеялась девушка.

— Необязательно…

Он взлетел на второй этаж, наугад распахнул ногой одну из дверей и оказался в спальной комнате, посреди которой стояла огромная кровать с балдахином.

Вода стекала с их тел на шелковое покрывало. Они продолжали шептать друг другу слова любви и нежности.

Потом Конан вошел в нее, и Луара громко вскрикнула. Потом крик ее перешел в стоны блаженства и страсти.

С каждым толчком из Конана выходила частичка пережитых ужасов, горечи невосполнимых потерь, мрачных воспоминаний, ощущения угрозы, что таил в себе Ловар.

Едва успокоившись, они начинали снова и снова. Они доводили друг друга до безумия. Они утопали в наслаждении. Кроме них и их любви, на свете более ничего не существовало — так им казалось.

Наконец, утомленные своим счастьем, они уснули.

Глава девятнадцатая

На следующий день они проснулись очень поздно, когда солнце уже перевалило через зенит. Потянувшись так, что хрустнули суставы, Конан быстро вскочил с постели. Чувствовал он себя великолепно. Мягчайшие перины, свежий теплый воздух, струившийся из окна, тот факт, что цель их путешествия наконец-таки достигнута, вселили в него бодрость и веселье.

Не одеваясь, он схватил меч и сделал несколько стремительных выпадов в воздух. Сверкающее лезвие со свистом выписывало восьмерки и замысловатые фигуры; окажись перед киммерийцем в этот момент самый свирепый демон Ада, он был бы в мгновение ока изрублен в мелкую капусту.

Улыбающаяся Луара наблюдала за своим возлюбленным, все еще нежась в постели. Потом Конан вложил меч в ножны и, решив все же одеться, повернулся к креслу, куда он (уже под утро, когда Луара безмятежно спала) кинул их одежду, забрав ее из купальни.

Одежда была не их. Не его.

Истрепанный, провонявший потом, испачканный в крови и грязи костюм киммерийца оказался волшебным образом подменен.

Теперь на кресле были аккуратно сложены новенькие кожаные штаны с широким поясом и массивной металлической пряжкой и коричневая рубаха из плотной ткани, простроченная серебряной нитью; под креслом стояли высокие прочные сапоги, а на спинке висела кожаная безрукавка, отороченная мехом.

Быстро одевшись, северянин повернулся к огромному, в человеческий рост, листу бронзы на стене, отполированному с таким тщанием, что он отразился в нем, как в водной глади.

Несколько секунд поразглядывав себя, становясь и так и эдак, киммериец наконец пришел к выводу, что может потягаться не только с самым свирепым демоном Ада, но и с первым красавцем при дворе.

Луаре взамен мешковатого костюма кочевника, который она почти не снимала со времени похищения в степи, был предоставлен новый наряд — короткое розовое платье из тонкой, почти невесомой материи с пряжкой на левом плече и с изящным серебряным пояском.

Когда они облачились в новые одежды, послышался стук в дверь и в комнату заглянул белокурый молодой человек. Он улыбнулся и проговорил с легким акцентом:

— Владыка Джезар хочет принять вас немедленно. Прошу за мной.

— Вот наконец мы все и узнаем,— тихо сказал Конан Луаре.

Он заколебался, брать ли с собой меч, но потом решил взять: все же он воин, а воину не пристало ходить с пустыми руками.

И вслед за провожатым покинули гостеприимный дом.

* * *

Дворец Джезара, построенный из розового камня, походил на огромную морскую раковину — плавно заворачиваясь вокруг вертикальной оси, он стройным длинным конусом смотрел в небо.

К единственному с фасада полукруглому входу вела легкая прозрачная лестница, поддерживаемая колоннами из белого мрамора и какого-то зеленого полупрозрачного материала.

Они вошли в прохладу внутренних помещений, миновали несколько длинных светлых коридоров с высокими потолками, задрапированными материей пастельных тонов, Конан полагал, что их ведут в тронный зал (или где тут у них власти принимают гостей) — огромный, торжественный, с почетным караулом… Ничуть не бывало.

Провожатый открыл тяжелую дверь, и Конан и Луара оказались на просторной террасе, огороженной изящными резными перилами. Внизу, в зеленеющем саду, весело перекликались пичуги, ветерок играл в зеленой листве. Посредине террасы стоял небольшой, накрытый на три персоны стол.

Блюда с дымящимся мясом, украшенным зеленью и печеными фруктами, тарелки с тонко нарезанным сыром, краюхи свежего хлеба, фаршированная рыба, кувшины с вином и прохладительными напитками. У Конана даже слюнки потекли при виде такого изобилия, ведь с момента их появления в Гиль-Дорад у них во рту не было и маковой росинки.

— Прошу вас, располагайтесь,— сказал проводник.— Владыка Джезар будет с минуты на минуту. Садитесь, отдыхайте, завтракайте. Да хранит вас Талисман.

И, сдержанно поклонившись, он оставил гостей наедине друг с другом и с уставленным яствами столом. Конан озадаченно посмотрел на Луару.

— Ну? Что скажешь?

— Не знаю…— пожала плечами девушка.— Это, конечно, Гиль-Дорад, я не сомневаюсь, но… я как-то иначе представляла себе наше прибытие…

— Как бы то ни было, я голоден, точно стая шакалов.— Он уселся за стол и придвинул к себе самое вместительное блюдо и кувшин с широким горлышком.— Присоединяйся, Луара. Что-что, а кормят здесь недурно.

— Подожди, Конан… Неудобно без хозяина…

— Неудобно опаздывать на встречу с гостями, которую сам же и назначил,— возразил киммериец уже с набитым ртом.— К тому же наш безымянный проводник сам сказал: «Завтракайте»… Надеюсь, еда не отравлена. Это было бы просто свинством со стороны местных жителей!

Луара колебалась недолго: видя, с каким аппетитом ее возлюбленный вгрызается в нежное мясо, и подталкиваемая настойчивыми напоминаниями о себе пустого желудка она присоединилась к киммерийцу.

*** * ***

Владыка Джезар, правитель страны Гиль-Дорад, появился, когда, сытые и умиротворенные, Конан и Луара откинулись на спинки кресел. Появился он без фанфар, без свиты и почетного караула. Просто дверь распахнулась, и на террасу быстро вышел невысокий, но крепко сбитый человек лет сорока на вид, с окладистой рыжей бородой, в белой тунике с красной каймой. Длинные, такие же рыжие, как борода, волосы были перехвачены металлическим обручем с большим красным камнем надо лбом. «Символ власти»,— догадался Конан.

— Нижайше прошу извинить меня за столь негостеприимное поведение,— произнес он глубоким басом,— неотложные дела задержали меня в городе. У одного из моих приближенных

пропала дочка — совсем еще девочка. Я должен был организовать поиски… О, я вижу, вы уже позавтракали! Молодцы…— Он сел напротив гостей и не глядя взял из вазы красное яблоко. Покрутил в руке, положил обратно. Приветливо взглянул на Конана и Луару, но заметно было, что мысли его все еще заняты пропавшей девочкой.— Что ж, я рад приветствовать новых жителей нашей страны. Надеюсь, ваше путешествие в Гиль-Дорад не было излишне трудным. Меня, как вы, полагаю, уже знаете, зовут Джезар, и я готов ответить на все ваши вопросы. Хотя, признаться, и у меня к вам есть множество вопросов. Не сочтите неуважительными мои слова, но более странных гостей мне еще не доводилось встречать…

Конан замялся. Он не знал, что сказать. Происходящее сбивало его с толку. По всему выходило, что появление в здешних местах новых людей ни у кого не вызывает удивления — будто каждый день сюда являются толпы паломников, будто дорога в Гиль-Дорад вымощена не хуже главной улицы Аренджуна и на каждом повороте путника кидают недорогие трактиры и постоялые дворы… Быть может, в эту страну есть другой путь, короткий и удобный, а они потащились в обход, точно слепцы, продирающиеся сквозь придорожные колючие заросли и не ведающие, что совсем рядом лежит ровный, прямой, утрамбованный сотнями ног и копыт тракт?.. Да, но как же тогда объяснить слова Ливии?..

— Мы здесь потому,— медленно сообщил киммериец,— что хотели встретиться с владыкой Кильтабом. У меня есть сообщение для него от его дочери, принцессы Ливии… умершей дочери.

Брови Джезара удивленно поползли вверх.

— Владыка Кильтаб… Он мертв уже без малого семьдесят лет… Пожалуй, будет лучше,— сказал он, немного помолчав,— если вы расскажете все по порядку. Кажется, мы с вами не понимаем друг друга.

— Мне тоже так кажется,— хмуро подтвердил Конан.— Хорошо, владыка. Я расскажу все с самого начала. Надеюсь, наша история тебе не наскучит… Короче, так. Некий волшебник по имени Даргорд однажды решил похитить мое тело, чтобы…

*** * ***

Киммериец говорил и говорил, и по ходу рассказа черты его лица словно заострялись, взгляд туманился — он заново переживал все, что случилось с ними за время долгого пути в Гиль-Дорад. Поначалу Луара изредка вставляла некоторые уточнения, но потом слезы выступили у нее на глазах, и она умолкла. А Конан все говорил. Битва с кочевниками, Толстяк, Ловар, горы, пустыня, гибель непутевого Омигуса, гибель храброй Ки-шон…

—…И вот мы здесь,— наконец закончил он и влил в себя целый бокал легкого вина, чтобы заглушить чувство усталости — не тела, но души. Ничего, кроме ощущения бессмысленности всего происходящего, он не испытывал.

Джезар долго молчал, глядя на сад, где беззаботно горланили птицы.

— Не знаю, что и сказать, Конан,— наконец вздохнул он.— Более удивительной, более страшной истории мне еще не доводилось слышать. Воин-варвар и дочь трактирщика… Только теперь я понимаю, почему вы… Впрочем, наверное, настала моя очередь поведать вам о законах, по которым мы живем и которым подчиняются все жители острова…

— Острова? — удивленно переспросила Луара.— Так Гиль-Дорад — остров?

— А вы не знали? — в свою очередь удивился владыка, но тут же спохватился: — Конечно, не знали… Значит, вы не слышали Зова… Кхм… Что ж, если вы уже насытились и не

возражаете, то я бы хотел предложить вам спуститься в сад — там не так жарко, да и мне легче говорить, когда я хожу…

Он встал, за ним безмолвно поднялись Конан и Луара. Меч варвара громко ударился о край стола. Джезар неодобрительно посмотрел на грозное оружие, но ничего не сказал.

По ступеням, которые издавали тихие мелодичные звуки, когда их касалась нога человека, они спустились с террасы в сад и не торопясь двинулись по песчаной дорожке, что петляла между деревьями. Редкие встречные почтительно кланялись владыке и незнакомым чужеземцам, с плохо скрываемым изумлением косились на меч киммерийца, улыбались Луаре. Конан наконец понял, что казалось ему непривычным в этих людях: ни у кого из них не было при себе оружия.

— Думаю, мне надо начать с Талисмана,— сказал Джезар.— От этого магического кристалла зависит вся наша жизнь, он управляет нашими судьбами, определяет наши законы, оберегает остров… Без него ничего бы этого не было.

Он указал туда, где над кронами деревьев, в лучах склоняющегося к западу солнца сияло на вершине горы величественное белое строение.

— Там, в Храме Талисмана, в Зале Ста Светильников, на Алтаре Победы хранится, может быть, самая большая драгоценность, которая когда-либо попадала в руки человека. Ее нетленным светом пронизано все вокруг — скалы, почва, деревья, тела животных, души людей.

Никто не знает, откуда на Земле появился этот камень. В старинном свитке, который привез с собой и сумел расшифровать один из первых Призванных, написано, что миллионы лет назад за право владеть нашим тогда совсем юным миром сражались Древние Боги; их имена, как и сами Боги, исчезли в бездне веков. Один из Богов, сражавшихся на стороне Добра, был ослеплен противниками, лишился глаз.

Глаза эти упали на Землю: правый — где-то далеко на востоке, в пустыне, которую тамошние жители именуют Чан'ри Ла. А левый оказался на крошечном безымянном острове в море Вилайет… Частичка божества, он сохранил силу своего умершего обладателя, но некому было разбудить дремлющую в нем мощь… Правда это или нет, я не знаю. Но испокон века кристалл так и зовется: талисман Глаз Бога.

Ты сказал, что шел к Кильтабу. О, Кильтаб был великий человек. Великий волшебник. Я горжусь тем, что являюсь его праправнуком. По обрывкам разрозненных сведений, по легендам и слухам, двести пятьдесят лет назад он сумел отыскать камень. Сумел восстановить его могущество. И с его помощью заглянул в будущее… Все, что вы видите вокруг, это плоды деяний Кильтаба и Талисмана. Пользуясь силой магии, они превратили безжизненный, пустынный остров в цветущий сад, возвели прекрасные здания… и отгородили Гиль-Дорад от остального мира цепью преград и ловушек, которую мало кому удается преодолеть. Вам, однако, удалось…

— Но зачем? — тихо спросила Луара.— Ради чего все это?

— Таков был план Кильтаба. План, который он разработал двести пятьдесят лет назад и который до сих пор претворяется в жизнь… Глаз Бога — это один из элементов вселенской структуры, поддерживающей Равновесие в Мироздании, частичка силы, стремящейся к упорядочению Хаоса. Разработав и применив необходимые заклинания Кильтаб направил его мощь на то, чтобы искать по всей Земле людей, которые обогнали свое время,— тех, кто посвятил свою жизнь раскрытию тайн природы и изучению устройства всего сущего, тех, кто неустанно пытается заставить стихии служить человеку… Талисман отыскивает гениальных художников, скульпторов, сочинителей музыки, по красоте превосходящей мелодии небесных сфер, и призывает их к себе. Мне трудно объяснить, как это происходит, ведь я родился здесь, на острове, но со всех уголков света сюда стекаются самые светлые умы, самые мудрые личности, изобретатели и поэты, маги и исследователи…

— И большинство из них гибнет в ловушках, которые расставил ваш Талисман,— без улыбки добавил Конан.

Джезар покачал головой.

— Чем ближе Призванный к Гиль-Дорад, тем безопаснее его дорога. Талисман помогает ему беспрепятственно добраться до потаенного острова… Однако рано или поздно все тайное становится явным, и среди народов Земли уже поползли слухи о стране Гиль-Дорад, якобы рае для человека, где не надо работать, где можно только развлекаться, ни о чем не заботясь и ни о чем не думая. И на поиски этой-де благословенной страны ринулись толпы людей, разочарованных своей жизнью, уставших от каждодневной суеты, от необходимости добывать своим трудом хлеб насущный… Но Гиль-Дорад не в состоянии вместить всех тех, кто ищет счастья и спокойствия лишь в существовании подобно скоту, которого кормит и о котором заботится трудолюбивый хозяин. И на пути таких людей Глаз Бога возводит непреодолимые стены — тем прочнее, чем ближе настырный паломник подбирается к нашей стране.

Конан вдруг резко остановился, ладонь его легла на рукоять меча.

— Ты хочешь сказать, владыка, что мы тоже принадлежим к людишкам этого сорта? И что твой Талисман убил Омигуса и Ки-шон только за то, что мы решили добраться до этого проклятого острова?

Джезар повернулся и посмотрел прямо в глаза киммерийцу.

— Талисман никого не убивает, варвар,— произнес он очень серьезно.— Он всего лишь оберегает наш дом от вторжения незваных гостей… Но, если хочешь, я буду с тобой откровенен: в чем-то ты прав. И для меня в высшей степени странно, как вам удалось преодолеть Кезанкийские горы, не говоря уж о том, как вы вообще сумели достичь Гиль-Дорад… Конечно, дух принцессы Ливии дал вам основные ориентиры и подсказал, каким образом избежать ловушек, но этого мало… Вот скажи: если б ты, не желая никого видеть, окружил свое собственное жилище высокой стеной, глубоким рвом и посадил у дверей свирепого пса, а какой-то излишне любопытный пройдоха все же вознамерился забраться к тебе, и его растерзала твоя собака,— скажи, кого бы ты винил в происшедшем?

Конан задумчиво посмотрел на Храм, в котором таилась столь непонятная, столь нечеловеческая мощь. Пальцы бессильно соскользнули с рукояти меча.

— Прости мою несдержанность, владыка… Но с таким трудом добраться до этих мест и узнать, что ты здесь лишний…

— Я не говорил, что вы лишние,— примирительно возразил Джезар.— Сильные телом и духом люди не бывают лишними. Поэтому прости и ты меня за мои излишне резкие слова. Ведь я могу и ошибаться: раз ты тут, значит, Глаз Бога пропустил тебя. Почему — я не знаю. Нам не ведомы его помыслы.

— Я вдруг подумала,— неожиданно подала голос все это время молчавшая Луара,— что Талисман пытался задержать только одного из нас. Не забывайте, ведь помимо Конана и Ки-шон с нами прибыл еще один человек.

Владыка удивленно воззрился на нее.

— Ловар,— наконец сказал он тихо.— Маг Черного Круга… Конечно! Но, думаю, моя очаровательная гостья, особых неприятностей он нам не доставит. Служителям Темных сил иногда удается проникнуть на остров, однако Глаз Бога умеет защитить себя. Кроме того, у дверей Храма всегда находится вооруженная охрана. Я, разумеется, незамедлительно начну розыск колдуна. Спрятаться ему негде, способности его ослаблены воздействием Талисмана, и к утру он наверняка будет схвачен. Так что, полагаю, беспокоиться на его счет не стоит.

— Полагаю, ты знаешь, о чем говоришь,— в тон ему ответил Конан и тяжко вздохнул.— Голова пухнет от всего этого — Глаз Бога, страна Призванных… И все же… Извини, владыка, но

я не понимаю: зачем? Почему вы лишаете мир умнейших людей? Чего ради запираете их на этом острове?

Джезар положил руку на плечо киммерийца.

— Мы никого не неволим, Конан. Всякий может покинуть Гиль-Дорад, когда ему вздумается. И приходят сюда тоже по доброй воле. Многие, не только Призванные, но и родившиеся здесь, часто покидают остров, путешествуют по свету… а потом всегда возвращаются. Ибо они чужие в этом мире. Они переросли его, и обыкновенные люди не понимают их. Не понимают — и потому боятся. Боятся — и потому ненавидят. Им нет места нигде на Земле. Однако Гиль-Дорад — это не приют для отверженных мудрецов. Это копилка, это сокровищница. Но не золото хранится тут. Ведь богатство человечества определяется не грудой драгоценностей…

Владыка нахмурился, и некоторое время они шли молча.

— Я уже говорил, что Кильтаб с помощью Глаза Бога сумел заглянуть в будущее,— продолжал Джезар.— Я тоже видел это будущее — Талисман показал его мне.

Грядут великие перемены, Конан. Хоть в это трудно поверить, но через шестьсот лет исчезнут Аквилония и Немедия, Замора и Офир, Коф и Шем. Миром будут править орды безжалостных дикарей из Пиктских пустошей. Грядут кровопролитные битвы, жестокость которых ты и представить не можешь. Будут возведены и уничтожены в войнах новые города, будут возноситься к вершинам славы и рушиться в бездну забвения целые империи… Но войны — это еще не самое страшное. Ибо потом…

Его голос дрогнул, взгляд затуманился.

— Наш мир еще очень молод, Конан. Лик его изменяется, и спустя еще тысячу лет он станет совсем другим. Ванахейм и Асгард затопит океан, исчезнет в пучине и твоя родина, Киммерия, лишь вершины гор останутся над поверхностью вод. Родятся новые материки, появятся новые моря и океаны, пустыни превратятся в горные цепи… И в грядущих поколениях не останется памяти о живущих ныне, о нас. Все, чем мы жили, чего достигли, исчезнет без следа. Новое человечество придет нам на смену, великое и прекрасное, однако… однако оно так и не узнает, что и до него на Земле жили люди — рождались и умирали, сражались и любили, мечтали и ненавидели.

Вот для чего была создана Гиль-Дорад. Сохранить, сберечь, пронести сквозь тысячелетия все то, чего достиг наш мир, чтобы потомки могли восторгаться произведениями нашего искусства, чтобы не открывали заново те законы Мироздания, которые уже открыли мы, чтобы не повторяли наших ошибок.

Владыка Джезар остановился и с грустной улыбкой посмотрел на притихших гостей. Внезапно он показался Конану очень, очень старым.

— Мы взвалили на себя огромную ношу, друзья. И не вправе отступать.

*** * ***

Конан и Луара долго стояли рядом у окна спальни, глядя в ночь, распростершую над волшебным островом свои прохладные крылья.

Они молчали, ибо говорить было не о чем. Киммериец чувствовал усталость, по сравнению с которой весь переход от Шадизара до Гиль-Дорад казался легкой увеселительной прогулкой. То, что он узнал за этот день, ставило с ног на голову все его представление о мире. Раньше он

просто Жил, жил, как тысячи других людей,— ел, спал, дрался. А теперь он оказался вовлечен в великое, величайшее дело в истории цивилизации…

— Знаешь, Конан,— едва слышно прошептала Луара, будто прочитав его мысли,— мне все равно, останемся мы в Гиль-Дорад или нет, погибнет мир или спасется… Для меня главное, что рядом ты.

«Что ж,— подумал киммериец,— она женщина. И по-женски она права».

И он ласково обнял ее за талию.

Они долго глядели в ночь.

Глава двадцатая

Конан проснулся. В открытое окно вливались лунный свет и звуки дремлющей природы. Тревожное чувство, разрушившее его сон, не проходило. Рядом слышалось ровное дыхание Луары.

Конан прошелся взглядом по комнате, затем встал, выглянул в окно. Ничего необычного, подозрительного он не увидел и не услышал. Но чувство тревоги усилилось. Киммериец присел на смятую постель.

Причина беспокойства лежала, похоже, внутри, а не вне его. В чем же дело? Ему вдруг вспомнилось, какое удивление он испытал, когда, разговаривая с Джезаром, узнал об отсутствии должной охраны такого богатства, как талисман Глаз Бога. Он еще подумал, что стоит, пожалуй, умыкнуть их драгоценность — пусть это послужит уроком легкомысленным обитателям Гиль-Дорад. Ведь миновать стражу сумеет любой более или менее толковый воришка, а перебить ее — любой мало-мальски обученный воин. Или колдун со своими волшебными штучками. Колдун…

Ну конечно! Ловар!

Все помыслы гнусного чародея направлены только на этот магический предмет, обращены лишь на господство, которого он собирается достигнуть с его помощью. Возможно, уже вчера ночью он проник в Храм и завладел Талисманом… Нет. Иначе поднялись бы тревога и паника на весь остров… Значит, что? Значит, он попытается прокрасться туда сегодня. Сейчас. Пока на него не устроили облаву.

Конан, в отличие от Джезара, на стражу не надеялся, а на способность Талисмана защитить самого себя? Но вдруг у Ловара есть какое-нибудь заклинание, могущественный оберег или что-нибудь в этом роде? Вдруг волшебный камень не настолько силен, как полагает владыка?..

Конан понял, что ни заснуть, ни вообще остаться в доме сейчас не сможет. Будто что-то звало его, тянуло к Храму, призывало к действию.

Бесшумно ступая, он оделся, взял свой верный меч, осторожно открыл и притворил за собой хорошо смазанную дверь. Луара не проснулась.

Теперь — вниз.

И — к Храму.

* * *

Черная птица беспомощно забила крыльями, но тут же затихла, когда сильные пальцы, сломав тонкие ребра, стремительно проникли в грудь и вырвали еще трепещущее сердце. Человек поднес этот комочек горячей окровавленной плоти ко рту, и маленькая девочка, лежащая связанной у его ног, тихонько заплакала.

— Не реви,— беззлобно сказал человек.— Не то я сделаю так, что твой мозг провернется внутри твоего черепа.

Заходясь в плаче, девочка прошептала что-то на незнакомом колдуну языке.

Человек наклонился над ней и измазанной в крови рукой провел по ее волосам.

— Никто тебя не тронет, глупышка.— Губы его тоже были в крови.— Потерпи немного, и все кончится.

Да, вот-вот все кончится. Дело всей его жизни близко к завершению. Позади годы, ушедшие на то, чтобы помочь учителю Даргорду в кропотливых поисках нужных заклинаний, позади долгий, полный смертельных опасностей путь… Он все сделал правильно: Конан, как путеводная звезда, сам не подозревая того, привел его сюда, в заветную страну, на свою погибель и погибель всего мира. С каким наслаждением он убил бы этого тупого варвара, с ослиным упрямством рвущегося в свою дурацкую Гиль-Дорад! Но — нет, приходилось вытаскивать киммерийца из пропасти, помогать в драке с «живым морозом», спасать среди болот и вообще опекать его и его друзей, как малых детей, ежечасно подвергая опасности и свою жизнь, тщательно скрывая сверхъестественные способности Черного чародея, дабы обмануть бдительный Талисман! И все только из-за того, что один лишь Конан знал дорогу!

Но теперь все кончилось. Друзья киммерийца — шарлатан Омигус, желтопузая Ки-шон и жирный боров — один за другим погибли, погибли по собственной глупости. Остались лишь Конан (шлюшка Луара не в счет) и он, великий маг… будущий хозяин мира.

Еще вчерашней ночью он собирался совершить ритуал, но для этого ему нужна была невинная девочка не старше двенадцати лет. Полдня пришлось добираться до обжитых мест, потом, скрываясь в тени садов и в нелюдимых закоулках, выискивать среди беззаботно играющих детей ту, что годилась для предстоящего действа. Однако теперь все готово.

Еще один, последний шаг — и он у цели. Осталось совсем немного. Осталось главное.

— Осталось главное,— улыбнулся он.

И сорвал с девочки одежду.

Та пронзительно закричала.

*** * ***

Ночь выдалась ясной и безветренной. Огромный диск луны висел над шпилями дворца Джезара, заливая мир холодным голубоватым светом. Огромные звезды сияли на бархатном покрывале неба. Вдалеке тихо и таинственно шумели кипарисы.

Возле темнеющего портала Храма северянин в неуверенности остановился.

Вокруг — никого, и таким покоем и умиротворенностью напоена ночь, что Конан начал сомневаться в своих подозрениях. Немногим меньше двух месяцев назад (а кажется — минула с тех пор целая вечность) он так же нерешительно стоял перед воротами замка черного волшебника Даргорда, в то время даже не в состоянии представить себе, что стоит он в самом начале долгого, полного смертельных опасностей и удивительных приключений пути Что ж, наверное, конец этого пути близок. Пришел час написать последнюю главу в этой истории…

Конан поднялся по ступеням и, не особо удивившись обнаружил около распахнутых дверей два распростертых тела. Судя по форме, это были Охранники Талисмана. На лице одного застыло спокойствие, на лице другого — выражение крайнего изумления. По-видимому, они так и не успели понять, что происходит: затаившийся враг нанес удар неожиданно, быстро и хладнокровно.

Бесшумно высвободив меч из плена ножен, киммериец вошел в Храм…

…И оказался в Зале Ста Светильников.

Зал был громаден. Потолок и противоположная стена совершенно терялись в желтоватом

туманном сиянии — струящемся, мерцающем, льющемся, завораживающем. Окутанные этим сиянием, в воздухе медленно проплывали призрачные фигуры всевозможных цветов и оттенков — кольца, звезды, конусы, спирали. В их мерном танце присутствовал некий трудно уловимый ритм; они кружились, подгоняемые невидимыми волнами, исходящими из неподвижного центра — установленного в середине зала ступенчатого пьедестала, на котором ровным изумрудно-желтым светом сиял полупрозрачный кристалл размером с голову взрослого человека. У подножия пьедестала, благоговейно воздев руки к небу, застыл на коленях силуэт человека, кажущийся иссиня-черным в отблесках яркого волшебного света. В правой руке его сверкал короткий кривой кинжал, на голове сияла серебряная корона с четырьмя уродливыми рогами. Зловещий гул, напоминающий гудение потревоженного улья или рокот далекого морского прибоя, наполнял помещение, свербил в ушах, вызывал тупую, ноющую боль в зубах. На вершине каждой из ста высоких мраморных колонн, расположенных в строгом порядке, горел неяркий колеблющийся огонь.

Конан сделал несколько шагов вперед и негромко позвал:

— Ловар.

Черная фигура медленно опустила руки, медленно повернулась и невидяще посмотрела на вошедшего — человек словно пребывал в трансе и не понимал, что происходит. Но постепенно взгляд его прояснился, на исхудавшем лице появилась улыбка.

— Конан, Конан, мой старый добрый враг,— ласково проговорил колдун, покачав головой, но не вставая с колен.— Я почему-то был уверен, что ты окажешь мне честь своим присутствием на церемонии… Только не называй меня Ловаром. Меня зовут Блармиц, я — ученик великого мага Даргорда, погибшего от твоей руки. Но не бойся, я далек от того, чтобы мстить тебе. Ты помог мне найти Талисман. С твоей помощью я добился всего, к чему стремился, и сердце мое полно благодарности. Будь же моим гостем, варвар. Стань свидетелем того, как рушится старый мир и рождается мир новый. Мир Блармица, Властелина Вселенной.

Колдун стоял внутри неровного, кровью начертанного на мозаичном полу круга, центром которого являлся Алтарь Победы с Талисманом на вершине. У его ног лежала обнаженная девочка. Было ей лет восемь, не больше. Из ее распоротого живота толчками вытекала темная кровь… но девочка была еще жива, хотя и находилась в полубессознательном состоянии — судорожными, неосознанными движениями она пыталась заправить вываливающиеся внутренности. При каждом выдохе из ее рта доносился слабый стон.

— Вижу, ты не удивлен,— продолжал Блармиц, и в голосе его звучало плохо скрываемое торжество.— Да, единственной моей целью был этот камушек — талисман Глаз Бога, как его тут называют. Думаю, местный царек уже посвятил тебя в тайну острова. Но он не сказал тебе главного. Он умолчал о том, что тот, кто сумеет завладеть этим кристаллом, станет единственным и полновластным хозяином мира. Не зря алтарь, на котором он лежит, называется Алтарем Победы. Мощь Талисмана столь велика, что обладающий им обретет силу, равную богам. Ничто не устоит перед тем, кто знает, как обуздать его… А я знаю.

— Я остановлю тебя,— сказал Конан, поднимая меч. — Еще посмотрим, за кем останется победа.

— Поздно. Слишком поздно,— С этими словами колдун медленно поднял над головой руки и, сжав рукоять кинжала обеими ладонями, так же медленно опустил их.

Клинок вошел точно в сердце маленькой девочки, распростертой у ног Блармица. Девочка громко вскрикнула но крик тут же оборвался. Тельце ее затрепетало и замерло.

Откуда-то с потолка сорвалась ветвистая молния и с оглушительным шипением вонзилась в макушку колдуна. На миг все вокруг осветилось полуреальным голубым светом; когда же вспышка угасла, Блармиц, невредимый, неторопливо встал с колен. Теперь он казался — казался

ли? — выше ростом и шире в плечах.

— Вырванное в полнолуние сердце черного петуха и хрустальный шар в серебряной оправе, которой никогда не касалась рука смертного, обезопасили меня.— Десятикратно усиленный голос его гремел под сводами зала, и жуткий гул вторил его словам.— Изнасилованием и убийством невинной девочки я оборвал связь Талисмана с силами, что поддерживают Равновесие Мироздания. Корона, изготовленная из добытого в самом центре Карпатских гор серебра, наделяет меня властью над ним. Мощные заклинания, составленные моим учителем, магом Даргордом, принуждают его служить мне. Таким образом, теперь кристалл принадлежит мне, и только мне. Ты опоздал, варвар.

В первое мгновение киммериец ощутил леденящее кровь бессилие. Юный воин против всесильного колдуна, старый меч против непобедимой Черной магии — как, каким образом он может остановить врага? И неоткуда ждать помощи… Но потом нерешительность его захлестнуло мутной волной ярости, и на этот раз Конан не стал сдерживать ее. Не для того он замерзал в горах, погибал от жажды в пустыне, задыхался в ядовитых испарениях болот и тонул в морской пучине, чтобы в самом конце путешествия какой-то колдун, возомнивший себя Владыкой Мира, разрушил все его планы, все, к чему он стремился!

В два прыжка оказавшись около Блармица, Конан поднял меч… И неожиданно был отброшен назад невидимой стеной, выросшей из круга крови. Блармиц поставил вокруг себя магическую защиту!

Изо всех сил Конан опустил свой меч на невидимый барьер. С треском посыпались искры, по стене побежали радужные разводы, но она выдержала удар. Раз за разом киммериец обрушивал оружие на преграду, и вот наконец она начала поддаваться… Там, где острое, как бритва, лезвие оставляло свой след, появлялось багровое свечение; разрывов в защите становилось все больше. Почувствовав это, Блармиц резко повернулся к Конану. Лицо его было искажено, и не только гневом: северянин с ужасом заметил, что подбородок колдуна вытянулся вниз, до самой груди, на месте носа образовались две неровные дыры, а выпученные фосфоресцирующие глаза переместились на виски. Глаз Бога изменял внешность противника!

— Ты мешаешь мне,— вырвался зловещий хрип из бочкообразной груди колдуна. Он поднял тощую руку с неимоверно удлинившимися пальцами; крайние фаланги ярко вспыхнули, и в сторону Конана понесся комок фиолетового тумана.

Киммериец едва успел пригнуться. С грохотом на тысячи осколков разлетелась колонна, в которую угодил сгусток. Жуткий гул усилился до невыносимого воя. Излучаемое Талисманом сияние резало глаза, скрадывало очертания предметов, изменяло перспективу. Но в стене, воздвигнутой Блармицом, уже зияла очерченная пурпурной границей брешь. В нее и устремился варвар, единственным желанием которого было остановить врага. Когда он миновал границу из крови, в лицо ему ударил зловонный ветер, мириадами отравленных стрел пронзив его плоть и душу: Талисман, подчиняясь чужой воле, с трудом обрывал нити, в течение двухсот пятидесяти лет связывавшие его с этим местом и с этим временем. Конан заметил, что и колдун покачнулся от удара волшебного урагана; одежды его, уже расползающиеся под напором трансформирующейся плоти, затрепетали, подобно крыльям ворона. Блармиц взмахнул руками, и тут же рядом с ним появился его двойник — прежнего, человеческого облика. Чудовище же вновь повернулось к Талисману Глаз Бога и двинулось к нему сквозь завывающий ветер, которому вторил гул потревоженной реальности.

— Ты настырен, варвар,— холодно улыбнулся двойник.— Это хорошо. Так игра становится интересней. Правильно, что я не убил тебя там, на перевале. Давай же, попробуй совладать со мной! — И он угрожающе поднял руки, в которых неизвестно откуда появился сверкающий меч.

Сделав обманное движение клинком, Конан выбросил вперед руку, и холодная сталь на

целый локоть погрузилась в плоть колдуна. Однако тот даже не пытался защищаться — он с удивлением смотрел, как из раны в груди толчками хлынула черная кровь.

— Ловко! — похвалил он, словно ничего и не произошло, словно не бушевали вокруг магические силы, ежесекундно грозя смести противников с лица земли.— Но ведь ты понимаешь, что с этим ножичком тебе меня не победить. Тут требуется кое-что посерьезнее…

«Пустота, воздух, мираж»,— вдруг вспомнил киммериец слова чародея, когда они чуть было не попались на приманку призрачного города в пустыне.

— Тебя нет! — крикнул Конан, обращаясь скорее к самому себе.

Тело Блармица вдруг пошло волнами, как озеро в ветреный день, но презрительная улыбка с лица не исчезла.

— Ты призрак, видение! — громче повторил варвар, изо всех сил пытаясь уверить себя в этом.

Двойник колдуна заколебался, стал прозрачным, вспыхнул… и пропал.

Тяжело дыша, Конан повернулся к пьедесталу. Ветер, несущий смрад, которому нет места в подлунном мире, крепчал.

Настоящий Блармиц уже навис над Талисманом, и зеленовато-желтое сияние втекало в его пасть, наполняя обезображенную плоть силой и мощью. Ничего человеческого не оставалось в колдуне: тело его выросло втрое; уродливая, шишковатая лысая голова росла прямо из широченных плеч, и корона держалась на ней каким-то чудом; руки превратились в восемь суставчатых, беспрестанно извивающихся щупалец, а ноги — в две бесформенные тумбы, снабженные кривыми грязными когтями; сзади змеился чешуйчатый хвост. Чудовище повернулось к надоедливому северянину, и мутная перепонка на мгновение прикрыла глаза с вертикальными, как у змеи, зрачками. Держа меч наперевес, Конан осторожно приближался к нему.

— Ты утомил меня, киммериец,— с трудом, нечленораздельно прорычал монстр, разинув слюнявую пасть, в которой сверкало три ряда кривых зубов.— Но у тебя уже не осталось времени, чтобы остановить меня. Теперь я — хозяин времени. Поэтому я изгоняю тебя из нынешнего сейчас. Отправляйся в Прошлое и до конца дней мучайся тем, что опоздал!

Еще один сгусток фиолетового тумана сорвался со щупалец монстра, когда-то бывшего колдуном Блармицом, и рванулся к Конану. На этот раз северянин стоял слишком близко и не успел увернуться. Удар швырнул его назад, опрокинул навзничь, окутал матовой пеленой. Киммериец закричал и услышал, как крик его стремительно удаляется прочь, в бесконечность…

*** * ***

Раскаленные иглы впивались в ступни Конана. Чьи-то колючие руки, словно на них были надеты перчатки из шкурки ежа, неустанно терли его икры и лодыжки.

«Не надо, прекратите»,— хотелось сказать ему, но из горла вырвался лишь жалкий хрип.

Ему хотелось поднять веки, но ничего не получалось; Конан с ужасом понял, что ослеп.

— Хвала Митре, он жив! — вдруг донесся до него взволнованный голос Луары.

— Конан, открой глаза,— настойчиво попросил его другой голос, до боли знакомый, но который никак не мог принадлежать тому, кто сейчас обращался к киммерийцу, ибо говорящий был давно мертв.— Постарайся открыть глаза!

Конан напрягся и медленно разомкнул веки. Возникло чувство, будто в глаза ему бросили

горсть песка. Однако постепенно зрение возвращалось, и сквозь застилающий взор туман он рассмотрел склонившихся над ним Луару и Омигуса. Ки-шон прекратила наконец растирать ему ноги и с тревогой вглядывалась в лицо варвара.

— Где… я? — с трудом выдавил из себя киммериец.

— Все в порядке,— успокоил его Омигус.— Ты с нами, буря закончилась…

Опираясь о плечо Луары, Конан поднялся на ноги.

Он находился на ледяной площадке перед расселиной. Позади белел перевал Топор Палача, и со всех сторон, холодные и неприступные, возвышались горные пики.

— Мы сидели тут, закусывали,— продолжал между тем Омигус.— А ты вдруг захрипел, глаза закатил, повалился набок… Думали, что помер… Ну, ты как? В порядке? Это все мороз проклятый. Я сам чуть концы не отдал.

Конан ухватил его за руку, сжал. Циркач был живым — никакой иллюзии. На расстеленном прямо на снегу одеяле валялись остатки пищи, пустая бутыль из-под браги бродячих торговцев. Сидящая рядом Ки-шон беспокойно смотрела на киммерийца. Безымянный пленник вяло жевал мясо и изредка с испугом озирался на чернеющий вход в пещеру. Все было именно так, как помнил Конан. Все было настоящим… Кроме одного: с ними не было Блармица.

— А где колдун? — быстро спросил Конан.— Вы видели колдуна? Он пришел ночью… во время бури… вытащил меня из пропасти… Или он… привиделся мне?

— Нет-нет, все так и было. Он спас тебя и Луару, помог нам с Ки-шон.

— Где он?

— Сказал, что пойдет осмотрится. Поищет место, где нам лучше спуститься в расселину… Да что с тобой, Конан?

— Считай, что у меня было предвидение,— сквозь зубы процедил киммериец и беспомощно оглядел скалы. Конечно, никого. С помощью какого-то проявления Черной магии Блармиц отправил его в прошлое, а сам вернулся в Зал Светильников — чтобы завершить начатое, чтобы Конан не смог помешать ему… Но как объяснить это спутникам? Как рассказать, что они уже добрались до Гиль-Дорад, что Толстяк, Омигус и Ки-шон погибли по дороге, что чародей мечтает захватить власть над миром?

— Ты думаешь, Блармиц плохой? — спросила Луара.— Мне он тоже не понравился… взгляд какой-то недобрый…

— Ну, когда он вернется, мы все выясним,— сказал Омигус.

— Он не вернется,— тихо возразил Конан.

— Не вернется? — удивился циркач.— Почему? Откуда ты знаешь?

— Нам надо торопиться,— не слушая его, сообщил киммериец.— Возможно, еще есть время…

В бессильной ярости он заскрежетал зубами. Пустыня, болото, море — неужели опять придется преодолевать все это? Джезар говорил, будто тот, кто один раз добрался до Гиль-Дорад, сможет вернуться туда беспрепятственно, Глаз Бога не помешает ему… Но даже если дорога к чудесному острову будет выложена розами, они доберутся до него не раньше чем через месяц. А за это время Блармиц не торопясь закончит церемонию, и Талисман будет принадлежать самому опасному человеку в мире…

— Собирайтесь,— приказал северянин.— Ради Крома, если вы хотите жить, если хотите, чтобы мир не погиб, поспешите!

Омигус и Луара переглянулись; цирковой фокусник, стараясь сделать это незаметно для Конана, пожал плечами и покрутил пальцем у виска — дескать, сбрендил наш варвар от холода. Краем глаза киммериец уловил этот жест, но не стал ничего говорить: все равно он не сумел бы объяснить, что Блармиц повернул поток времени, изменил ход событий и вот-вот ввергнет мир в

Преисподнюю…

Они быстро свернули лагерь. Конан в последний раз с ненавистью оглядел застывшие на века в молчаливом величии горы и направился к расселине — туда, где, как он помнил, был наиболее удобный путь для спуска. О предстоящих трудностях, которые придется преодолевать во второй раз, он старался не думать. «Блармиц, Блармиц»,— Как проклятие, пульсировало у него в мозгу.

И тут вдруг в голове киммерийца все прояснилось; на секунду он замер, потом медленно повернулся к Луаре.

— Блармиц,— произнес он.

— Где? — резко обернулся к покинутой стоянке Омигус.

Луара смотрела на возлюбленного с недоумением.

— Ты назвала чародея по имени,— продолжал Конан. — «Блармиц»,— сказала ты. А ведь всю дорогу он называл себя Ловаром. Настоящее его имя стало мне известно только в Храме Талисмана. Так откуда ты знаешь, как его зовут на самом деле?

На одно короткое мгновение, словно в кошмарном сне, ее глаза разъехались в стороны и в них вспыхнули змеиные, вертикальные зрачки. Но уже в следующую секунду перед киммерийцем вновь стояла хрупкая белокурая девушка.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.— Луара беспомощно посмотрела на Ки-шон.

Вместо ответа Конан подошел к потрескавшейся скале и вытащил меч. Закрыл глаза, сосредоточился… и нанес по скале сокрушительный удар.

Лезвие прошло сквозь мерзлый камень, как сквозь утренний туман. Конан повернулся к спутникам. Застывшие, как статуи, Луара, Омигус, Ки-шон и Толстяк смотрели на него без всякого выражения.

— Спасибо, Блармиц,— сказал северянин, обращаясь ко всем одновременно.— Ты чуть было не обманул меня. Но там, в пустыне, в призрачном городе ты хорошо научил меня отличать явь от миража.

Путешественники не шелохнулись, все так же бессмысленно таращась на Конана, точно куклы, играть с которыми ребенку наскучило. Стих даже ветер, и гнетущая тишина давила на уши.

— Вас всех не существует! — закричал он, изо всех сил внутренне напрягаясь, чтобы самому поверить в собственные слова.— Я нахожусь в Храме Талисмана! Сгиньте!

Фиолетовый туман вновь заволок все вокруг, застлал глаза, проник в мозг… и Конан вернулся из страны забвения.

Он вновь оказался в Зале Ста Светильников. Со времени его «отсутствия», казалось, прошли считанные секунды — чудовище по-прежнему нависало над Талисманом Глаз Бога, и магическое сияние втекало в его разверстую пасть. Оно не видело киммерийца, будучи уверено, что тому не выбраться из иллюзорного мира, в котором можно прожить всю жизнь, но так и не понять, что в мире реальном минуло лишь несколько мгновений… Меч все еще был в руках Конана. Покрепче сжав его рукоять, он прыгнул вперед и замахнулся.

Краем желто-зеленого выпученного глаза монстр уловил движение позади себя и с невероятным для столь огромной туши проворством отскочил в сторону. Лезвие просвистело совсем рядом с его головой. Издав яростный рев, чудовище развернулось. Его щупальца щелкнули как бич, и, если б Конан не пригнулся, не сносить бы ему головы. Киммериец упал, перекатился влево и вновь вскочил на ноги, выставив перед собой клинок. И вовремя: на то место, где он только что стоял, обрушился могучий удар хвостом.

На мгновение человек и монстр замерли, буравя друг друга взглядами. Из пасти того, кто когда-то был Блармицем, вырывалось хриплое дыхание. Конан сосредоточенно молчал. Он

понимал, что если проиграет эту битву, то мир уже ничто не спасет.

И вот чудовище, неуловимым движением скользнув вперед на кажущихся неуклюжими лапах, взмахнуло щупальцами и опутало лезвие меча, как арканом. Могучий рывок едва не вырвал оружие из рук киммерийца, но невероятным усилием он удержал его и резко дернул вниз. Острый, как бритва, клинок легко отсек склизкие щупальца — обрубки посыпались на пол. Монстр взвыл от боли и отшатнулся, но только на миг. Струи волшебного сияния тянулись к нему от Талисмана. Вновь просвистели щупальца, уцелевшие с другой стороны туловища, и стегнули киммерийца, точно плетьми. Удар отбросил его на колонну. Очередная волна фиолетового тумана накрыла его с головой.

Конан оказался на морском дне. В вечной тьме, среди колышущихся зеленоватых водорослей скользили светящиеся голубоватым холодным светом слепые рыбы. Непомерное давление сдавило грудь, соленый ледяной поток хлынул в легкие, вытесняя последний глоток воздуха, толща воды сковывала любое движение… Но он уже знал, что это всего лишь обман, и знал, как с ним бороться…

Когда он вновь открыл глаза, прогнав наваждение, чудовище, опутав его тело четырьмя оставшимися щупальцами и прижав к боку правую руку киммерийца — руку, в которой он держал меч,— уже нависло над ним, уже разинуло зловонную пасть, чтобы проглотить человека.

Извернувшись, Конан свободной рукой сшиб с головы твари серебряную корону, и та со звоном покатилась по полу. Сияние, словно освободившись от притягивающего его магнита, взметнулось к самому потолку, рванулось из стороны в сторону и втянулось внутрь Талисмана. Глаз Бога вспыхнул с новой силой.

Из зева монстра вырвался ужасающий оглушительный рев. Он выпустил киммерийца и, отвернувшись, потянулся к упавшей драгоценности. В то же мгновение Конан занес меч высоко над головой и по самую рукоять вонзил его в спину отвратительного чудовища. Бугристые мышцы вздулись под его потной кожей.

Чудовище взвыло еще оглушительнее и шумно рухнуло на выложенный мозаикой пол. Киммериец выдернул лезвие — из раны хлынула густая фосфоресцирующая жидкость — и вновь погрузил его в бившееся в конвульсиях тело.

Захрипев, монстр перевернулся на спину и уставился на человека помутневшими глазами.

«Как?..— прозвучал вдруг в мозгу Конана тихий голос Блармица.— Как тебе удалось?.. Ты, варвар, жалкий человечишка…»

— Так уж получается,— ответил северянин спокойно, хотя от усталости грудь его разрывалась и ныл каждый мускул,— что все чародеи, с которыми я встречался, рано или поздно оказываются мертвыми. Это судьба, так что не обессудь.

И он в третий, последний раз поднял меч.

«Нет, варвар, подожди! — взмолился голос.— Я знаю, ты благороден и справедлив! Будь же милостив к поверженному разве не я спас тебя и твою девочку в горах? Не я ли предупредил тебя о ловушках в призрачном городе? Не я вытащил тебя из трясины? Если б не я, ты бы вообще никогда не дошел до Гиль-Дорад! Ты бы погиб по дороге! нисхождения я прошу, Конан!..— Уловив, что киммериец колеблется, голос продолжил с большей убежденностью: — Помоги мне, не убивай меня! И вместе мы сможем править миром…»

Это была ошибка.

— Ты хороший ученик Даргорда,— усмехнулся Конан.— Говоришь его же словами. Ведь он предлагал мне то же самое!..

Он тряхнул гривой слипшихся от пота иссиня-черных волос, прогоняя магическое воздействие голоса, и опустил меч.

Лезвие со свистом рассекло плоть чудовища, некогда бывшего человеком. Тут же стих

зловещий гул. Уродливая голова, разбрызгивая светящуюся жидкость, покатилась в сторону и замерла рядом с упавшей короной, у подножия пьедестала, на котором с прежней силой и яркостью сиял спасенный талисман Глаз Бога, торжествующим светом озаряя Алтарь Победы. Его победы!

Конан сел на пол и чуть слышно рассмеялся.

Глава двадцать первая

Истек месяц с тех пор, как Конан и Луара оказались в Гиль-Дорад. Они побывали если не во всех, то, по крайней мере, в самых примечательных местах этой страны благоденствия. Видели урожайные поля и тучные стада, сады с ломящимися от плодов фруктовыми деревьями всех видов и сортов, обильные виноградники и веселые винокурни, кишащие рыбой реки и озера.

Узнали, как устроены и работают водопровод, водяные и ветряные мельницы, как добывают в горных рудниках золото и драгоценные камни, которые потом продаются на базаре по смехотворным ценам.

Посетили библиотеку — огромное, не уступающее по красоте и величию храму здание — и вышли оттуда, пораженные тем, как удалось жителям Гиль-Дорад собрать у себя столько манускриптов разных, даже самых древних, времен и народов, и подавленные тем, сколь малыми знаниями обладают они сами, Конан и Луара.

Их приглашали в дома магов, которых здесь называли необычно — учеными, где они не переставали удивляться всему тому, что им показывали и рассказывали.

Они бы могли, если бы только захотели, проводить все время в непрекращающихся увеселениях, перекочевывая с карнавала на свадьбу, со свадьбы — на праздник урожая или на крестины. Каждую неделю во дворце владыки устраивались открытые для всех балы, поражающие роскошью и щедростью.

Они бы могли выбрать себе ремесло по душе и, не зная страха перед возможной бедностью, заниматься полюбившимся делом.

Их ночи были наполнены нежностью и страстью. Их любовь друг к другу возрастала час от часа…

* * *

Прошел месяц и один день. Утром следующего дня Конан встал очень рано, поцеловал спящую Луару, долго смотрел на нее, затем оделся и, захватив меч, вышел на улицу.

* * *

— Что тебя привело ко мне в столь ранний час, Конан? Почему ты настоял, чтобы я принял тебя безотлагательно?

— Я хочу покинуть Гиль-Дорад, великий владыка. Сегодня. Сейчас.

Брови Джезара удивленно поползли вверх.

— Объяснись. Ты первый, от кого я слышу такую просьбу.

Конан в сомнении прикусил нижнюю губу. Он не знал, как выразить свои чувства, не мог

подыскать нужных слов, чтобы владыка понял его. Наконец киммериец медленно проговорил:

— Твоя страна слишком цивилизованная для меня. Я — варвар, я — воин, я — человек другого мира. Того мира, что я покинул. Здесь я лишний. Я не могу найти себе занятия. Я ощущаю, как, оставаясь молодым и здоровым, старею и умираю. Жизнь моя, владыка,— это сражения, походы, побежденные враги. Моя жизнь — это мой меч. А здесь он не нужен никому, даже мне. Что делает честь твоей стране, но с чем я не могу смириться. Я рожден воином. Быть воином — моя судьба. Мой бог Кром велит добывать себе счастье с оружием в руках. Стало быть, я не могу держать оружие в ножнах… Не знаю… наверное, я объясняю непонятно… Но пусть владыка простит мне мое неумение красиво говорить.

— Но, Конан, ты же не один. Мне казалось, что вы с Луарой любите друг друга…

— Я и хотел поговорить с тобой о ней. Да, пожалуй что я испытываю к Луаре, люди и называют любовью. Но оставшись здесь ради нее, я стану другим, я испорчу жизнь и ей, и себе. Взять ее с собой не могу — женщина создана не для опасных дорог, по которым хожу я, а для дома детей, любви. И еще вот что. Я не сказал ей о своем решении. И говорить не намерен. Боюсь, она, даже не выслушав моих доводов, отправится со мной. А ей нужно остаться здесь. Со временем она забудет меня. Найдет хорошего мужа, родит от него детей, проживет свой век счастливо. Со мной же она пропадет.

Владыка надолго задумался, подперев голову рукой. Потом глубоко вздохнул, глядя на виднеющийся в окне Храм Глаза Бога.

— Как я уже говорил,— наконец произнес он,— вся наша жизнь подчинена Талисману и управляется Талисманом. Теперь я понял, зачем он привел тебя сюда — чтобы остановить чародея, вознамерившегося им завладеть. Если бы не ты, Талисман, а с ним и весь мир были бы пленены злой, всесильной волей. Свой долг ты исполнил. Ты спас мир… Но ничего не поделаешь: ты не тот человек, который, как я думаю, меняет свои решения. Очень жаль. Оказывается, нам нужны сильные и опытные воины. Оказывается, Глаз Бога не всегда может защитить себя от темных сил… Я собирался сделать тебя начальником стражи при Храме, наделить полномочиями, которыми здесь обладаю только я. Жаль, Конан. Но — поступай так, как велит тебе сердце. Я не буду, да и не могу удерживать тебя. Иди. Возьми любой корабль или лодку. Возьми все, что тебе нужно в дорогу. Препятствий уходящим из Гиль-Дорад Талисман не чинит. Обратный путь не будет столь тяжек. Прощай же, Конан, воин из Киммерии…

Ты говорил, что Ливия обещала тебе награду за известие о ее гибели… Но кто сможет оценить, каких богатств стоит то, что ты сделал для Гиль-Дорад и для всего мира?.. Во всяком случае, я не могу. Вероятно, ты сам сможешь назначить свою цену — наши сокровищницы открыты для тебя. Выбирай все, что пожелаешь.

Конан ухмыльнулся и покачал головой.

— Золото мне не нужно, владыка. То, чего я хочу от мне с собой не унести, ведь я хочу очень много… Поэтому я отправлюсь в путь так же, как и прибыл сюда: налегке. Самая большая награда для меня — это то, что я узнал здесь. Спасибо, владыка. Я никогда не забуду Гиль-Дорад и те благие дела, что вы совершаете… Джезар помолчал. Потом снял с пальца перстень с изумрудом, на котором был выгравирован владыческий герб.

— Тогда возьми хотя бы вот это. Как память о нашей встрече. Перстень этот принадлежал самому Кильтабу и переходил в нашей семье из поколения в поколение. Ты достоин носить его.

Конан с поклоном принял дар.

— И куда же ты намерен отправиться?

Киммериец пожал плечами.

— Пока не знаю. Вернусь в Шадизар… Там видно будет.

— А скажи, может ли так случиться, что ты когда-нибудь вернешься к нам?

— Думаю, что нет, владыка. Вы делаете благое дело… Но уж если время, в котором я живу, должно кануть в безвестность, то и я кану вместе с ним, когда бы это ни произошло.

— Что ж, спасибо за честный ответ. Спасибо за все, что ты сделал для нас. Прощай, Конан.

* * *

Попутный ветер уносил лодку прочь от острова, где лежала великая и таинственная Гиль-Дорад. Где оставалась Луара.

Конан в последний раз оглянулся назад. На сердце было тяжело. В душе — пусто. Хотелось повернуть обратно. Нет, не ради безмятежного покоя, не ради изобилия, не ради жизни без болезней и невзгод, а ради…

«Все,— приказал себе Конан,— хватит! Не думать больше об этом! Выбор сделан».

И он повернулся спиной к острову, стремительно исчезающему на горизонте.

* * *

Здесь представлено наиболее полное и точное описание самых удивительных приключений киммерийца Конана — путешествие в Гиль-Дорад и его пребывание на этом чудесном острове.

Никаких других упоминаний о волшебной стране в анналах не сохранилось. Что с ней стало? Погибла ли она в катаклизмах, неоднократно обрушивавшихся на мир в последующие тысячелетия? Или Черные силы сумели уничтожить талисман Глаз Бога?.. А может быть, Гиль-Дорад существует и по сей день и продолжает пополнять сокровищницу знаний, накопленных за всю историю человечества? Может быть, таинственный Талисман с Алтаря Победы по-прежнему призывает к себе лучшие умы планеты?

Кто знает. Ответа пока нет. Вероятно, когда-нибудь появятся новые сведения об этом острове.

Но столь же вероятно, что любые упоминания об удивительной стране Гиль-Дорад сгорели во время пожара в Александрии, когда погибла почти вся Великая библиотека, в бесценных книгах которой хранилась вся история Хайборийской эры.